

П. Д. УХОВ

АТРИБУЦИИ
РУССКИХ
БЫЛИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1970

Под редакцией проф. П. Г. БОГАТЫРЕВА
и Ф. М. СЕЛИВАНОВА

При подготовке книги к печати
принимала участие Л. С. УХОВА.

•

П. Д. УХОВ

В декабре 1962 г. безвременно, на 49-м году жизни скончался талантливый исследователь русского фольклора доцент МГУ Петр Дмитриевич Ухов.

В 1945 г. Петр Дмитриевич, инженер-электрик по профессии, вернувшись с фронта, выбрал вторую специальность — фольклориста, которой и посвятил себя до конца жизни.

Научная деятельность Петра Дмитриевича как филолога связана с Московским университетом. Уже будучи аспирантом, он проявил себя как вдумчивый и талантливый молодой ученый.

В 1950 г. П. Д. Ухов успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Былины об Илье Муромце».

В учебном пособии для высшей школы «Русское народное творчество» под ред. П. Г. Богатырева (изд. 1, 1954 г.; изд. 2, 1956 г.) П. Д. Ухов написал большой раздел о былинах. В 1958 г. в издании МГУ вышла антология «Былины», составленная П. Д. Уховым, с его вступлением и комментариями, а в 1959 г. в книге «Эпос славянских народов» под общей ред. П. Г. Богатырева помещена статья П. Д. Ухова о былинах и русских исторических песнях.

Помимо статей общего характера П. Д. Ухов печатает ряд статей по отдельным специальным вопросам о русском эпосе. Так, в 1956 г. в книге «Русский фольклор. Материалы и исследования» выходит его статья «Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова»; в том же издании «Русский фольклор» в 1957 г. он пе-

чатает статью «Типические места как средство паспортизации былин». В 1958 г. в книге «Основные проблемы эпоса восточных славян» Петр Дмитриевич помещает большую статью «Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа», а в 1959 г. в книге «Русский фольклор. Материалы и исследования» (т. IV) он публикует статью «Об издании «Песен» П. Н. Рыбникова П. А. Бессоновым и А. Е. Грузинским».

П. Д. Ухов не ограничивал свои исследования былинами. В научных журналах он помещал статьи о лирических песнях, детских песнях, частушках и др.

Так, в статье «О типических местах (*loci communes*) в русских народных песнях», помещенной в «Вестнике Московского университета» (историко-филологическая серия, 1957, № 1), П. Д. Ухов освещает вопрос об общих местах в русских лирических песнях.

Несколько работ ученого посвящены частушкам. В 1959 г. в журнале «Вопросы литературы» № 12 помещена его статья «Кто и как сочиняет частушки», а в «Вестнике Московского университета» (серия филология, журналистика, 1960, № 4) П. Д. Ухов напечатал статью «Раннее свидетельство о бытовании частушек».

Многие работы П. Д. Ухова представляют большой интерес не только для фольклористов, но и для литературоведов. Таковы его статьи: «А. Кольцов — собиратель народных песен» («Подъем». Воронеж, 1958, № 6); «Н. В. Гоголь — собиратель дум и украинских исторических песен» (Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1959, т. XVIII, вып. 1), статьи в журнале «Москва» — «Загадка Пушкина»; «Неизвестное стихотворение А. В. Кольцова» («Москва», 1959, № 9) и др.

Последние годы жизни П. Д. Ухов много работал над своей докторской диссертацией «Проблема атрибуции народных песен».

В первой части диссертации, которая здесь предлагается вниманию читателей, типические места былин рассматриваются как средство атрибуции народных песен.

Диссертация П. Д. Ухова еще при его жизни была детально изучена фольклористами и обсуждена на заседаниях кафедры фольклора МГУ, в Институте этнографии АН СССР, в Институте мировой литературы АН СССР и получила высокую оценку крупнейших советских фольклористов.

Одновременно с работой над докторской диссертацией П. Д. Ухов последние годы много сил и времени отдавал собиранию фольклорных материалов в архивах. В результате многолетней работы ему удалось сделать большое открытие: он разыскал огромный материал из собрания П. В. Киреевского, в настоящее время размещенный в рукописных хранилищах Москвы и Ленинграда. П. Д. Ухов выявил более двух тысяч неизданных текстов песен и произведений других жанров фольклора в богатейшем архиве Киреевского. По объему собранный Уховым материал составляет примерно столько же, сколько песен во всех трех книгах «Новой серии песен П. В. Киреевского». П. Д. Ухов распределил по собирателям богатейший песенный архив Киреевского, исправил целый ряд ошибок в прежних его изданиях.

П. Д. Ухов был активным участником многих научных заседаний и конференций. Высказанные им положения и суждения всегда базировались на большом и хорошо проработанном материале. Горячо любивший народное поэтическое творчество, П. Д. Ухов охотно делился своими богатыми познаниями и предоставлял своим коллегам вновь открытые им фольклорные материалы.

Петр Дмитриевич был прекрасным педагогом и много уделял внимания и времени работе со студентами. Им изданы программы по русскому народному поэтическому творчеству, программа по славянскому фольклору, учебное методическое пособие по русскому народному творчеству, методические указания по курсу русского народного творчества для студентов-заочников и другие учебные пособия для студентов.

После смерти П. Д. Ухова помимо его капитальных работ («Песни из собрания П. В. Киреевского», «Проблема атрибуции народных песен»), остался целый ряд неопубликованных научных исследований.

Долг его друзей и коллег приложить все усилия, чтобы эти ненапечатанные работы возможно скорее увидели свет.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из центральных задач советской фольклористики является создание истории народного творчества. Однако успешное решение этой задачи не может быть осуществлено без оценки и проверки самого материала. Иначе говоря, критика фольклорных текстов — начальное и неперемнное условие исследования — стала одной из насущных и первоочередных задач. Авторские тексты с давних пор считались неприкосновенными, и бережное отношение к ним стало научной традицией. Текстология давно уже выделилась в самостоятельную науку. Эвристика и атрибутирование текстов в советское время достигли определенных успехов. Здесь прежде всего следует назвать труды В. В. Виноградова и в особенности его книгу «Проблема авторства и теория стилей»¹. Фольклорные же тексты с давних пор считались «ничьими», «общими»: собиратели и издатели считали себя вправе «улучшать», «исправлять», «уточнять», «облегчать» их. Вопросы текстологии фольклора до недавнего времени почти не поднимались наукой. Часто исследователь-фольклорист оказывается перед неразрешимыми трудностями. Прежде чем приступить к выяснению своих задач, он всякий раз должен проделать большую работу по установлению подлинности тех текстов, с которыми он имеет дело.

Необходимость решения проблемы фольклорной текстологии ныне остро чувствуется всеми исследователями.

¹ В. В. Виноградов. Проблема авторства и теория стилей. М., Гослитиздат, 1961.

«В настоящее время, — пишет Б. Н. Путилов, — ощущается особо настоятельная необходимость в создании и совершенствовании научной фольклорной текстологии, в частности и в особенности — такой ее области, как критика текстов. ...Критика текстов должна уберечь от поспешных и опрометчивых выводов, сообщить исследованию строгость и фактическую обоснованность»².

Исключительно большое место в фольклорной текстологии занимает атрибуция народнопоэтических текстов. Думается, что Б. Н. Путилов задачу атрибутирования сузил. «Сущность текстологической атрибуции, — утверждает он, — сводится к тому, чтобы фактически обосновать ненадежность, сомнительность либо прямую несостоятельность того или иного текста как источника, чтобы установить с большей или меньшей определенностью, что рассматриваемый текст в целом либо в каких-то его частях не является результатом записи услышанного из уст исполнителя фольклорного произведения, не восходит непосредственно к устной народно-поэтической традиции, но был сфальсифицирован — либо публикатором, либо собирателем, либо кем-то из корреспондентов последнего и т. д.»³.

Разумеется, что выявление фальсифицированных текстов (целиком или в каких-то частях) — дело крайне нужное. Действительно, таких текстов даже в классических научных сборниках не так уж мало. Однако не эти тексты «делают погоду». К абсолютному большинству текстов рука сознательного фальсификатора не касалась. Текст может иметь множество вариантов, его принадлежность к устной традиции бесспорна, и тем не менее исследователь не вправе использовать его в полной мере. Возьмем, к примеру, какой-либо текст из «Старой серии» «Песен» П. В. Киреевского. Известно, что в это собрание вошли записи от Ричарда Джемса до П. Н. Рыбникова, т. е. хронологически они обнимают больше трех столетий. Известно также, что множество материалов этой серии не паспортизировано. И вот если взять такой непаспортизированный, но бесспорно народный текст, то может ли в полной мере использовать его

² Б. Н. Путилов. Текстологические заметки к песням Разинского цикла. «Русская народная поэзия. Фольклористические записки». Горький, 1961, № 1, стр. 94.

³ Там же, стр. 95.

исследователь? Естественно, что нет. Исследователю нужно иметь об этом тексте полные сведения. К числу минимально необходимых данных относятся следующие: 1) кем записан текст; 2) когда записан; 3) от кого записан; 4) где записан; 5) как записан.

Установить собирателя неапатризованного произведения — сделать большую половину дела. Уже одно имя собирателя может подсказать многое: приблизительное время записи, место записи, методику записи и т. п.

Естественно, что вопрос о времени записи в ряду других вопросов занимает одно из первых мест. Здесь желательна максимально возможная точность. Даже если известно имя собирателя, записавшего произведение, хронологические уточнения крайне важны. Так, например, собирательская деятельность П. И. Якушкина протекала с начала 40-х годов XIX в. до начала семидесятых. И если исследователь в его записях обнаружит частушки, то он окажется беспомощным, если они не будут датированы: частушки в записях 70-х годов — не редкость, в 40-х — исключительное явление.

То же нужно сказать и о месте записи, которое иногда имеет решающее значение. Так, допустим, если бы в архиве П. В. Шейна обнаружили записи былины из Белоруссии или даже из западных областей России, это было бы «диво дивное», «чудо чудное».

Вопрос, от кого записан текст, важен не только в смысле документальном, подтверждающем достоверность записи. Гораздо важнее аспект социальный. Так, например, в записях П. Ф. Кузьмищева (первая половина XIX в.) преобладают «новые» песни, которые широким потоком хлынули в деревню лишь со второй половины XIX в. Если бы не знать, что собиратель вел свою работу в Архангельске, то его материал вызвал бы много недоумений. Или другой пример. В наше время традиционный фольклор в основном регистрируется лишь у людей преклонного возраста; у молодого поколения он почти повсеместно исчезает. Следовательно, и указания на возраст тех лиц, от которых записываются произведения, крайне важны.

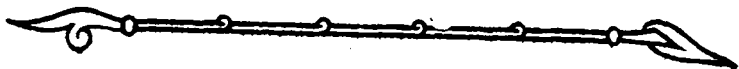
Наконец, методика записи, отбора материала определяет его качество. Здесь как в зеркале отражаются субъективные интересы собирателей, в частности их политические и эстетические воззрения, уровень их научной

квалификации и т. п. Собиранье и издание могут быть субъективно добросовестными людьми; однако их отношение к материалу может приводить к порче текстов, что в конечном итоге и является фальсификацией.

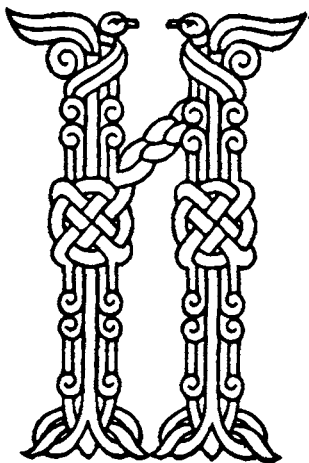
Одним словом, текст без минимально необходимых паспортных данных, как бы он ни был точно записан, будет мертвым и для исследователя малопригодным.

Все, о чем здесь говорилось — азбучная истина и едва ли нужно было напоминать о ней, если бы не встал вопрос о том, что вкладывать в понятие атрибуции фольклорных текстов. С нашей точки зрения, под атрибуцией следует понимать весь комплекс разысканий, характеризующих подлинность фольклорных текстов (включая и паспортные сведения о них). Именно в этом смысле и будет употребляться нами в дальнейшем этот термин.

Разработка научных принципов атрибутирования фольклора необычайно сложная и разносторонняя. В настоящей работе ставится задача выявить, определить отдельные приемы атрибутирования произведений устного народного творчества.

РАЗЛИЧИЕ ТИПИЧЕСКИХ МЕСТ У РАЗНЫХ СКАЗИТЕЛЕЙ

известно, что эпические песни, как все импровизационные народные жанры, состоят из качественно разнородных частей — так называемых типических мест и мест переходных. Формальным отличием переходных мест от мест типических является то, что они связаны с определенным сюжетом и, как правило, не имеют четко выраженного словесного оформления. Обычно каждый сказитель импровизирует переходные места в процессе исполнения былины. Типические же места с определенным сюже-

том не связаны и переходят из одного сюжета в другой, и по своему словесному оформлению приобретают строго законченный вид.

Возьмем, к примеру, типическое место — вход в гридню.

И. Фепонов (Гф., I¹, стр. 543):

А й приходит он во гридню во столовую,
А глаза-ты он крестит да по-писаному,
А й поклон-тот ведет да по-ученому,
На вси стороны Добрыня поклоняется,
А и князю со княгиною в особину.

Это типическое место взято нами из былины «Добрыня и Змей». Оно может использоваться сказителями в былине «Илья и Соловей Разбойник» — вход Ильи Муромца в гридню к князю после победы над Соловьем, в былине «Добрыня и Алеша» — приход Добрыни в дом матери по возвращении в Киев, в былине «Дунай» — вход Дуная в палаты политовского короля и т. д.

Объем типических мест в контексте былинных произведений исключительно велик. По нашим подсчетам, типические места составляют примерно от 20% до 80% всего словесного текста былин. Эти колебания определяются, с одной стороны, сюжетом былины (в одних сюжетах их больше, в других — меньше), а с другой — творческой манерой сказителя (одни сказители обильно используют их, другие меньше). Приведем несколько конкретных примеров. Так, в былине «Илья Муромец и Соловей Разбойник» Т. Г. Рябинина (Гф., № 74) из 272 строк произведения приблизительно ² 120 строк занимают типические места; в былине «Дюк» И. П. Сивцева-Поромского (Гф., № 225) из 555 строк приблизительно 180 строк приходится на типические места; в былине «Дунай» В. Тяросова (Гр., № 309) из 342 — 240 и т. д.

Номенклатура типических мест в былинах велика. Не будет преувеличением определить ее многими сотнями. Возьмем в качестве примера былины о Дунае и перечислим наиболее характерные типические места в них:

¹ Указатель сокращений см. в конце книги.

² Мы оговариваемся, что этот подсчет приблизителен, поскольку номенклатуры типических мест до сих пор нет, и то или иное место былины может оказаться спорным — отнести ли его к типическому или переходному.

1) пир у князя Владимира; 2) указание на время пира; 3) насыщение гостей на пиру; 4) хвастовство гостей на пиру; 5) поведение Владимира на пиру; 6) задание Владимира достать ему невесту; 7) нежелание гостей выполнить поручение князя; 8) место, с которого гость произносит слово; 9) просьба вымолвить слово; 10) внешний портрет красавицы; 11) предложение Владимира взять подарки для иноземного короля; 12) нежелание богатыря воспользоваться подарками; 13) просьба дать в помощь товарища; 14) приход в конюшню; 15) выбор коня; 16) описание коня; 17) седлание коня; 18) прощание; 19) отъезд; 20) битие плеткой коня; 21) упрек коню; 22) ускоки коня; 23) приезд к иноземному королю во двор; 24) привязывание коней; 25) подход к гридне; 26) вход в гридню; 27) поклоны богатыря; 28) спрашивание имени; 29) спрашивание цели прибытия; 30) ответ; 31) сватовство; 32) характеристика поведения невесты (ее затворничество); 33) отказ; 34) избивание врага; 35) встреча с невестой; 36) жалоба невесты на свою судьбу; 37) отъезд с невестой; 38) вынимание лука; 39) стрельба из лука; 40) непопадание в цель; 41) попадание; 42) самоунижение женщины; 43) внешний портрет чудесного ребенка; 44) концовка³.

Одним словом, все наиболее значимые моменты сюжета переданы типическими местами. Разумеется, что не все сказители, исполняя былину о Дунае, применяют эти места. Каждый сказитель обладает определенным запасом типических мест, минимальное знание которых совершенно обязательно: без знания хотя бы некоторой части их исполнение былины невозможно.

Следует предположить, что образование типических мест в эпосе — явление позднейшее. Некогда, в далеком прошлом каждое эпическое произведение имело самостоятельную словесную ткань и типических мест не было вообще. Когда в русском эпосе стали образовываться типические места, сказать пока невозможно, но уже тот факт, например, что «Слово о полку Игореве» — произведение, возникшее на основе устной традиции, — в значительной своей части заполнено типическими ме-

³ Образцов этих типических мест в целях экономии места мы не приводим. В дальнейшем изложении по ходу работы многие из них будут приведены.

стами, многие из которых находят параллели в современных былинах, — говорит о том, что процесс этот произошел в относительно далекое от нас время.

Есть все основания считать, что с течением времени количество типических мест в эпосе становилось все больше и больше, и многие из них, вследствие забвения реальной основы сюжета, стали механически переходить из одного сюжета в другой: отдельные эпизоды, органически связанные с определенным сюжетом, вклинивались в ткань другого сюжета. Так возникали новые типические места.

Возьмем к примеру былинку об Илье Муромце и Соловье Разбойнике. Отличительным качеством Соловья является его способность поражать все живое и мертвое необыкновенным свистом (К. Д., стр. 240):

Засвистал Соловей по-соловьиному,
А в другой зашипел разбойник по-змеинному,
А в-третьи зрявкает по-звериному...

Без этого эпизода настоящая былина существовать не может. Эту способность Соловья Разбойника некоторые сказители XIX в. приписали татарину-нахвальщику (Т. Иевлев, Дунай, Гф., II, стр. 225; у П. Воинова, Гф., III, стр. 207; у В. Тяросова, Гр., III, стр. 21 и др.):

Тут ехал татарин неверный,
Да посвистывал ен да по-змеинному,
Да покрывивал ен да по-звериному.

Некоторые же сказители способность к свисту-реву стали приписывать и русским богатырям — Алеше (А. Петров, Гр., III, стр. 86):

Засвистел де Олеша по-соловьиному,
Заревел де Олешенька по-звериному,
Зарычал же Олешенька по-туриному,
Зашипел он Олешенька по-змеинному,

Илье Муромцу (В. Тяросов, Гр., III, стр. 23):

Заревел-то стары казак по-звериному,
Засвистел-то стары казак по-соловьиному,
А зашипел-то стары казак по-змеинному.

Факт механического перенесения эпизода одного сюжета в другой — здесь очевиден, но иногда дело в подобных случаях обстоит значительно сложнее. Возьмем зачин былин о Добрыне (А. Фомина, Гф., I, стр. 253):

Три году Добрынюшка стольничал,
Три году Добрынюшка чашничал,
Три году Добрыня у ворот простоял,
На десятый год еще гулять ушел.

Исследователи очень часто используют этот зачин в доказательство того, что былины сохранили некоторые исторические реалии — Добрыня былинный находится на службе у былинного Владимира, так же как и исторический Добрыня был родственником и сподвижником Владимира. Исследователей здесь не смущает тот факт, что исторический Добрыня был военным и государственным деятелем, а былинный (в данном контексте) — придворным князя, точно так же, как безымянный добрый молодец в былинах «Молодец и Королевна».

При внимательном же рассмотрении оказывается, что этот зачин связан лишь с былинами о Добрыне и Маринке (с другими сюжетами о Добрыне — в исключительных случаях, всего в двух вариантах: у П. Макаровой и П. Пастуховой в сюжете «Добрыня и Алеша», Гф., II, стр. 615 и И. Рассолова — тоже в сюжете «Добрыня и Алеша», Гр., III, стр. 271).

Следовательно, этот зачин связан с былинами, которые, по мнению большинства исследователей, являются позднейшими из цикла былин о Добрыне. Даже и в сюжете о Добрыне и Маринке этот зачин прослеживается далеко не во всех вариантах, а лишь в некоторых из них.

Обращаясь же к содержанию былин о Добрыне и Маринке, замечаем, что этот зачин никак не связан с сюжетом и оказывается механически к нему приклеенным: неужели Добрыне нужна была служба у князя для того, чтобы испросить позволения «прогуляться по Маринкиным улочкам»?

В то же время этот эпизод совершенно необходим в былинах о Дунае. Без этого эпизода смысл былины окажется непонятным: почему поручение достать князю невесту падает именно на Дуная. Былины объясняют (Кир., III, стр. 58—59):

А й был-жил Дунай да сын Иванович,
Гулял-гулял Дунай да с земли в землю,
И загулял Дунай да к королю в Литву,
А к тому ли королю да ляховинскому:
Три годы у короля Дунай конюхал,
Да три годы у короля он стольничал,
Ише три годы у короля он клюшничал.

Позднее типическое место — стольничание — прикрепилось и к былинам о Молодце и Королевне.

Таким образом, с большим основанием можно считать, что зачин былин о Добрыне и Маринке является не органическим для данного сюжета, а позднейшим в него привнесением.

Однако для исследователя былин важно понять и объяснить, почему данное типическое место прикрепилось к былинам о Добрыне. Ответить на подобные вопросы — значит восстановить историю того или иного сюжета.

Уже сам факт большого объема типических мест в былинах и та роль, которую они выполняют в них, казалось бы, должны были заставить обратить на себя внимание исследователей, но этого, к сожалению, не произошло. Исследователи былин как будто сознательно договорились игнорировать их. Дальше констатации факта, что они существуют, дело не пошло. Какова природа типических мест, когда они возникли, какова их эволюция, с какими сюжетами они связаны, какова их роль в создании художественных образов былин, каков их состав, и т. д. и т. д. — все это остается скрытым за семью печатями. А между тем эти вопросы вовсе не являются праздными или второстепенными. Сейчас наша наука в центр внимания поставила вопрос об истории фольклора, в частности и об истории былин. Заниматься же историей былин, не уяснив себе их природы, — дело безнадежное.

Даже терминология типических мест крайне неустойчива. Так, наряду с термином типические места употребляются и следующие: общие места, эпические формулы, традиционные места, традиционные формулы, *loci communes*, подвижные места и т. п.

Круг вопросов, связанных с изучением типических мест, необычайно велик. В настоящей работе мы ставим себе только одну задачу: попытаться уяснить, каковы индивидуальные приемы сказителей в использовании типических мест.

А. Ф. Гильфердинг, наблюдавший былины в живом бытовании и впервые подробно охарактеризовавший типические места (*loci communes*), пришел к выводу, что они (*loci communes*) в отличие от переходных мест ска-

зителем заучиваются наизусть. Он писал: «Можно сказать, что в каждой былине есть две составные части: места типические, по большей части описательного содержания, либо заключающие в себе речи, влагаемые в уста героев, и места переходные, которые соединяют между собой типические места и в которых рассказывается ход действия. Первые из них сказитель знает наизусть и поет совершенно одинаково, сколько бы раз он ни повторял былин у...»⁴. (Разрядка наша. — П. У.).

Мнение авторитетного ученого-собирателя ни у кого сомнения не вызвало и до сих пор рассматривается как аксиома, не вызывающая возражений. Однако это — ошибка, и она оказалась коварной для науки.

Однажды мы уже имели возможность говорить об этой ошибке А. Ф. Гильфердинга⁵, но тогда это было сделано в связи с другими задачами, и поэтому наш вывод, как представляется, не имел достаточной научной убедительности.

Ввиду чрезвычайной практической важности этого вопроса считаем необходимым остановиться на нем подробнее.

Что означает само по себе понятие «знать наизусть»? В общебытовом лексиконе это понятие означает, что лицо, выучившее какой-либо текст «наизусть», может этот текст повторить на память с буквальной точностью. Так, например, если от лиц, знающих твердо наизусть стихотворение А. С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге», записать его, то записанное должно совпасть с текстом поэта.

Так ли заучиваются типические места в былинах? Первое внешнее впечатление, кажется, позволяет нам ответить на этот вопрос утвердительно. Именно, надо полагать, на внешнем впечатлении и основывал свои выводы А. Ф. Гильфердинг.

Однако при глубоком и тщательном изучении дела все оказывается значительно сложнее. Заучивание типич-

⁴ А. Ф. Гильфердинг. Олонекская губерния и ее народные рапсоды. В кн.: «Онежские былины», записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 57.

⁵ См. ст. «Из наблюдений над стилем сб. Кириши Данилова». В кн.: «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956, стр. 97—115.

ческих мест сказителями наизусть — явление до чрезвычайности редкое, можно даже сказать — исключительное. Проверим это утверждение на материале.

Возьмем самое распространенное типическое место в былинах — пир у князя Владимира (в зачине былин). Мы выписали это типическое место из текстов 135 сказителей по сборникам Гильфердинга, Григорьева, Ончукова, Маркова, Астаховой, Соколова — Чичерова⁶.

Обычно в этом месте (в этой формуле) сообщается о том, что в городе Киеве у князя Владимира состоялся пир. Некоторые сказители ограничиваются констатацией этого факта и далее приступают к завязке действия. Большинство же сказителей обычно сообщает о тех лицах, которые присутствуют на пиру, для которых он был собран; наименование гостей крайне неустойчиво и многообразно. Нам встретились следующие наименования: вельможи, богатыри, бояре, бурлаки, вдовы, вера крещеная, всякое звание, генералы, гости званные, гости торговые, девицы, жены, казаки, калики, князья, короли, крестьяне, купцы, люди торговые, люди посадские, мещане, мир (православный), мужики, наездники, предводители, поляницы, татары, татаровье-улановье, цари. Всего 29 наименований гостей.

При таком количестве наименований практически можно иметь безграничное количество неповторяющихся комбинаций. И действительно, разница одного типического места у двух сказителей может быть поразительной. Так, у сказителя Н. Швецова (Гф., № 308) оно имеет следующее словесное оформление:

Во славном во городе во Киеве
У ласкова у князя у Владимира
Было столованье — почестной пир...

⁶ Пока мы обращаемся только к тем былинам, авторы-сказители которых определенно известны. Вот почему мы пока не пользуемся сборниками Кириши Данилова, Киреевского и даже Рыбникова. Как увидим далее, А. Е. Грузинский при переиздании этого сборника допустил ряд ошибок, прикрепив отдельные былины не к тем сказителям, которым они должны по праву принадлежать.

По недоступности, к сожалению, мы не могли систематически работать над вторым томом А. Д. Григорьева.

У сказителя А. М. Мартынова Малого (Гр., № 413) оно приобрело следующий вид:

Да во том же во городи во Києви
Да у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе пированье, почесьён пир,
Да про многих князей, многих бояров,
Да про сильных-могущих про богатырей,
Да про тех палениц, было преудалыя.
Да про тех же купцей-гостей торговые.
Да про тех же прожитосних хрысьянушок,
Да про тех же про вдов благочестивыя.

Дело в том, что сказители — и создатели, и носители художественных произведений, у которых свои законы, своя логика.

Из 135 вариантов типического места (пир у князя В л а д и м и р а) образовалась всего лишь 41 комбинация, т. е. у целого ряда сказителей наименование гостей, присутствующих на пиру, совпадает. Выпишем эти группы.

1. Констатация пира. В типическом месте этой группы сообщается лишь о самом факте пира у князя Владимира; о том, кто присутствует на пиру, для кого созван пир, ничего не говорится. Эта группа оказалась самой многочисленной. Она включает типические места 38 сказителей: П. Калинина (Гф., № 6); А. Фоминой (Гф., № 16); А. Сарафанова (Гф., № 109); А. Батова (Гф., № 188); Т. Суханова (Гф., № 206); А. Петрова (Гф., № 214); Н. Швецова (Гф., № 308); М. Тотолгиной (Гр., № 52); М. Пашковой (Гр., № 63); Е. Пашковой (Гр., № 72); А. Денисовой (Гр., № 81); А. Юдиной (Гр., № 85); Ф. Ошурковой (Гр. № 97); В. Чашинной (Гр., № 104); Н. Лисициной (Гр., № 126); А. Невзорова (Гр., № 163); Д. Потруховой (Гр., № 338); В. Аникиева (Гр., № 349); А. Чуповой (Гр., № 373); Н. Торопова (Онч., № 60); М. Антонова (Аст., № 18); В. Михеева (Аст., № 21); М. Семенова (Аст., № 34); В. Иванова (Аст., № 46); К. Андрианова (Аст., № 106); А. Трухавой (Аст., № 151); П. Филипповой (Аст., № 164); И. Чванова (Аст., № 166); М. Дорохиной (Сок.—Чич., № 69); П. Миронова (Сок.—Чич., № 72); А. Балагуриной (Сок.—Чич., № 116); П. Филипповой (Сок.—Чич., № 119); П. Сухова (Сок.—Чич., № 167); Д. Подомаревой (Сок.—Чич., № 182); О. Дмитриева (Сок.—Чич., № 191); Д. Лукина

(Сок.—Чич., № 200); А. Ножкиной (Сок.—Чич., № 257); А. Болозневой (Сок.—Чич., № 277).

2. На пиру у князя Владимира присутствуют только богатыри. Эта формула встретилась у трех сказителей: у А. Овчинниковой (Аст., № 76); у Ф. Конашкова (Сок. — Чич., № 78); у М. Широкова (Сок. — Чич., № 175).

3. На пиру присутствуют только гости. Эта формула встретилась у двух сказителей: у П. Прохорова (Гф., № 40) и у И. Поздякова (Аст., № 41).

4. На пиру присутствуют только купцы. Встретилась трижды: у И. Дуркина (Онч., № 55); у И. Сидорова (Сок.—Чич., № 270) и у Н. Абрамова (Сок.—Чич., № 275).

5. На пиру присутствуют князья и богатыри. Встретилась у трех сказителей: у А. Осташева (Онч., № 9); у А. Оргиной (Аст., № 172) и П. Царева (Аст., № 185).

6. На пиру присутствуют богатыри и поляницы. Встретилась у трех сказителей: у В. Щеголенка (Гф., № 125); у И. Турбина (Гр., № 272) и М. Крюковой (Марк., № 64).

7. На пиру присутствуют бояре и князья. Встретилась у двух сказителей: у И. Фепопова (Гф., № 57) и у К. Разбивной (Сок. — Чич., № 124).

8. На пиру присутствуют богатыри, бояре и князья. Встретилась у 12 сказителей: П. Антонова (Гф., № 63); С. Неклюдиной (Гф., № 135); И. Поромского (Гф., № 223); А. Дитятева (Онч., № 80); Г. Крюкова (Марк., № 73); Н. Семенова (Аст., № 27); А. Палкина (Аст., № 45); В. Амосова (Аст., № 123); П. Горшкова (Аст., № 15); Г. Якушова (Сок.—Чич., № 9); М. Пашовой (Сок.—Чич., № 161) и А. Пименовой (Сок.—Чич., № 172).

9. На пиру присутствуют богатыри, бояре, короли. Встретилась только у П. Дитятевой (Аст., № 96).

10. На пиру присутствуют богатыри, бояре, крестьяне — только у П. Дуркина (Аст., № 85).

11. На пиру присутствуют богатыри, князья, поляницы — у Ф. Захарова (Гф., № 179) и у И. Захарова (Гф., № 198).

12. На пиру присутствуют богатыри, крестья-

не, купцы — у Я. Гольчикова (Аст., № 3) и Ф. Поздякова (Аст., № 43).

13. На пиру присутствуют богатыри, купцы, поляницы — только у С. Чупрова (Аст., № 50).

14. На пиру присутствуют бояре, гости, князя — у А. Чулкова (Гф., № 150) и И. Касьянова (Гф., № 158).

15. На пиру присутствуют бояре, князя, поляницы — только у А. Юрьева (Гф., № 313).

16. На пиру присутствуют богатыри, бояре, гости торговые, князя — только у М. Самылина (Аст., № 161).

17. На пиру присутствуют богатыри, бояре, всякое званье, князя — только у Н. Прохорова (Гф., № 47).

18. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князя, поляницы. Это одна из устойчивых и распространенных формул. Она встретила у 26 сказителей: Д. Кононовой (Гф., № 21); Т. Рябинина (Гф., № 80); Т. Иевлева (Гф., № 102); Д. Суриковой (Гф., № 139); И. Еремеева (Гф., № 164); Е. Лисицы (Гф., № 192); П. Воинова (Гф., № 229); Н. Кукшинова (Гф., № 251); П. Меншикова (Гф., № 275); М. Меншиковой (Гф., № 282); А. Гусева (Гф., № 290); Н. Андреевой (Гф., № 293); В. Кобылина (Гр., № 165); С. Рычкова (Гр., № 345); И. Чупова (Гр., № 367); М. Точиловой (Марк., № 109); А. Буровой и А. Лыткиной (Марк., № 112); А. Богдановой (Аст., № 109); П. Рябинина-Андреева (Аст., № 132); М. Мякишева (Сок.—Чич., № 45), М. Фадеевой (Сок.—Чич., № 49); П. В. Рябинина (Сок.—Чич., № 108); И. Елисеевой (Сок.—Чич., № 127); А. Сурикова (Сок.—Чич., № 132) и И. Калитиной (Сок.—Чич., № 249).

19. На пиру присутствуют богатыри, бояре, крестьяне, поляницы — встретила только у Е. Рочева (Онч., № 36).

20. На пиру присутствуют богатыри, князя, купцы, цари — только у Г. Чупрова (Аст., № 65).

21. На пиру присутствуют богатыри, купцы, поляницы, татары — только у Н. Торопова (Аст., № 91).

22. На пиру присутствуют богатыри, крестьяне, купцы — гости, поляницы — у М. Михашина (Гр., № 402).

23. На пиру присутствуют богатыри, бояре, господа, девицы-поляницы — у Ф. Рюмина (Гр., № 343).

24. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, купцы, мужики — у К. Романова (Гф., № 94).

25. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, люди торговые, поляницы — только у П. Макаровой и П. Пастуховой (Гф., № 169).

26. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, купцы-гости, поляницы — у двух сказителей: С. Максимова (Гф., № 296) и П. Логинова (Сок. — Чич., № 41).

27. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, поляницы, татаровье-улановье — только у Х. Гусева (Гф., № 292).

28. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, наездники, поляницы — только у Е. Рассолова (Гр., № 358).

29. На пиру присутствуют богатыри, вельможи, короли, поляницы, цари — только у М. Нигозёркина (Гф., № 217).

30. На пиру присутствуют богатыри, бояре, жены, крестьяне, купцы-гости, поляницы — только у Ф. Чуркиной (Онч., № 3).

31. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, крестьяне, мир православный, поляницы — только у А. Ф. Вокуева (Онч., № 68).

32. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, крестьяне, купцы, мещане — только у П. Поздеева (Онч., № 22).

33. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, крестьяне, купцы-гости, поляницы — только у А. Мартынова Большого (Гр., № 420).

34. На пиру присутствуют богатыри, вера крещеная, вдовы, купцы-гости, крестьяне, поляницы — только у И. Рассолова (Гр., № 352).

35. На пиру присутствуют богатыри, бояре, бурлаки, казаки, князья, крестьяне, поляницы — только у Ф. Пономарева (Марк., № 93).

36. На пиру присутствуют богатыри, бояре, вдовы, князья, крестьяне, купцы-гости, поляницы — только у А. Мартынова Малого (Гр., № 413).

37. На пиру присутствуют бояре, генералы, князья, крестьяне, купцы-гости, предводители — только у А. Крюковой (Марк., № 7).

38. На пиру присутствуют богатыри, бояре, казаки, калики, князья, поляницы — только у В. Тяrosoва (Гр., № 306).

39. На пиру присутствуют богатыри, князья с княжнами, крестьяне, короли, купцы-гости, поляницы, цари — только у А. Удина (Гр., № 398).

40. На пиру присутствуют богатыри, бояре, князья, крестьяне, купцы, люди посадские, поляницы — только у А. Чупрова (Онч., № 57).

41. На пиру присутствуют богатыри, бояре, жены, князья, крестьяне, купцы-гости, люди посадские, мещане, поляницы — только у Д. Дуркина (Онч., № 45).

Группы, которые представлены лишь одним сказителем, оставляем в стороне, поскольку они самобытны и неповторимы.

Остановимся на тех типических формулах, содержание которых в общих чертах совпадает.

Начнем с первой, наиболее многочисленной группы. Как уже говорилось, в этой группе типических мест сообщается только о самом факте пира и перечисление присутствующих на пиру гостей опускается. Поскольку эта формула встретилась в указанных сборниках у 38 сказителей, то для удобства сравнения разобьем типические места этой группы на ряд подгрупп. Разбивку на подгруппы произведем по принципу наименования пира. Образуются следующие подгруппы:

а) пир назван просто пиром, без эпитета — у трех сказителей;

б) пир назван почестным — у 15 сказителей;

в) пир именуется пир—почестен стол — у одного сказителя, И. Торопова (Онч., № 60);

г) пир именуется пированьем — у одного сказителя, П. Калинина (Гф., № 6);

д) пир именуется пированье — почестен пир — у восьми сказителей;

е) пир именуется пированье-столованье — у пяти сказителей;

ж) пир именуется пированье-стол — почестен пир — у двух сказителей;

з) пир именуется столованье — почестен пир — у трех сказителей.

Сравним формулы подгруппы «а».

Ф. Ошуркова (Гр., № 97):

Во городе было во Киеве,
У князя было у Владимира;
Был ведь пир у его всё веселенький.

М. Тотолгина (Гр., № 52):

У ласкового князя Владимира
Был пир и стол етот да во полустоле.
Был этот пир во полупире.

А. Трухавая (Аст., № 151):

Как во том во городе во Киеви
Да у ласкового князя у Владимира
Начинался пир да на двенадцать дней.

Как видим, словесное оформление типического места у всех трех сказителей различно.

Приведем формулы подгруппы «б». Для удобства сравнения расположим формулы по их близости.

А. Фомина (Гф., № 16):

У стольняго у князя у Владимира
Заводился у него да почестной пир.

А. Батов (Гф., № 188):

Во том-то во городе во Киёви
У ласкова князя Владимира,
Завёлсо, завёлсо почестен пир.

Д. Лукин (Сок.—Чич., № 200):

Во славном во городи во Киёви
А у стольнего у князя у Владимира
А заводился дык поцестен пир.

А. Петров (Гф., № 214):

А во славном городи во Киеви
А у славного у князя у Владимира
Заводился у его да ведь почестен пир.

Т. Суханов (Гф., № 206):

Во словномъ было городи во Києви,
А й у ласкова князя Владимира,
Собирается у князя почестен пир.

П. Сухов (Сок.—Чич., № 167):

Ай во славномъ во городи во Києви.
У славного у князя у Владимира
А собиравсе у него да нынь почестен пир.

П. Филиппова (Аст., № 164):

Во стольном граде было в Києве
У ласковаго князя у Владимира
Собирался у них да почестен пир.

М. Дорохина (Сок. — Чич., № 69):

Солнышко князь да стольне-киевской
Собирался-держал да поцестной пир.

Хотя формулы Суханова, Сухова и Филипповой очень близки, но все же они отличны друг от друга. Такая близость формул, как увидим далее, свидетельствует обычно о том, что они восходят к одному какому-то общему источнику.

Близки между собой и формулы Д. Подомаревой (Сок.—Чич., № 182) и П. Миронова (Сок.—Чич., № 72).

Д. Подомарева:

Во славномъ во городи во Киѣви
Как у славного князя у Владимира
Пособран был весь поцестен пир.

П. Миронов:

Во славномъ во городи во Киѣви
А у славного князя у Владимира
Ай был пособран тут да почестен пир.

Близость этих формул необычная, и едва ли ее можно объяснить чистой случайностью. Хотя былины от Подомаревой записаны на Водлозере, а от Миронова — на Пудогге, но Подомарева уроженка другой местности, и поэтому общий источник их былин вполне возможен. О подобных случаях речь далее.

Нет буквального совпадения и в следующих формулах.

А. Сарафанов (Гф., № 109):

Во городе во Киеве
У солнышка князя у Владимира
И был почестен пир на весели,
А будет день на вечере ...

В. Чашина (Гр., № 104):

Во славном во городе во Киеве
Был у князя да у Владимира,
Был у его почестен пир...

А. Балагурина (Сок.—Чич., № 116):

Во стольнѣм городе во Киеве
У ласкового князя у Владимира
Был у него почѣстен пир...

Различны между собой формулы П. Филипповой (Сок.—Чич., № 119) и О. Дмитриева (Сок.—Чич., № 191).

П. Филиппова:

Во стольнем во гради было Киеви
У ласкового князя у Владимира,
Забрау ён себи да почѣстной пер.

О. Дмитриев:

Как во славном во городи во Киеви
У славного князя у Владимира
Начинался-починался поцестной пир.

Таким образом, формула *пира* подгруппы «б» у пятнадцати разных сказителей, несмотря на общность содержания, все же по своему словесному оформлению своеобразна. Следует отметить и следующий примечательный факт: из пятнадцати сказителей этой подгруппы — четырнадцать — сказители Заонежья; только один сказитель — В. Чашина — с Пинеги. Это один из показателей того, что своеобразие типических мест определяется не столько индивидуальными качествами сказителей, сколько особенностью былинной традиции данной местности. На этот факт мы еще будем указывать неоднократно.

Так как типические места подгрупп «в» и «г» представлены одним сказителем, то оставим их без рассмотрения.

Остановимся на подгруппе «д», в которую входят ти-

пические места восьми сказителей. Приведем все их (расположив по степени близости друг к другу).

А. Невзоров (Гр., № 163):

Во стольнѣм было городи во Києви
У ласкова князя у Владимира
У его было пированьицѣ, почесный пир.

А. Чупова (Гр., № 373):

Во стольнѣм-то городе во Києви
У ласкова князя у Владимира
'его было пированьѣ, быт поцесьѣн пир.

В. Михеев (Аст., № 21):

Во стольнѣм-то городе-то Києве
У ласкова князя у Владимира
Было пированьѣ почѣстен пир.

К. Андрианов (Аст., № 106):

Как во стольном было городе во Києве
У ласкового князя у Владимира
Почѣсный был пир-пированьице.

И. Чванов (Аст., № 166):

Во стольном в городе во Києве
У ласкового князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир.

А. Денисова (Гр., № 81):

Во славном было во городи во Києви
У царя-та было да у Владимира,
Было пированьицѣ, почестѣн пир.

А. Лисицина (Гр., № 126):

А у князя было у Владимира
У славного у киевского
И поцестѣн пир, пированьѣ,
И почестѣн стол, столованьѣ.

В. Аникеев (Гр., № 349):

Во славном во городе во Києви
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пированьицо, был почесьѣн пир.

Как видим, формула *пира* близка у сказителей Невзорова, Чуповой, Михеева, Андрианова и Чванова, в

особенности же у Невзорова и Чуповой, однако в деталях, в частностях (в порядке слов, в наличии или отсутствии различных частиц и т. п.) отличия все же есть. Эти детали, эти частности иногда могут иметь большое значение. Обратим здесь внимание также на тот факт, что из восьми сказителей этой подгруппы — шесть сказителей с Мезени и Пинеги, а двое из Заонежья.

Сравним типические места подгруппы «е».

Е. Пашкова (Гр., № 72):

Был у князя да у Владимира,
Было пированье да было столованье,
Да был поцестён пир.

М. Пашкова (Гр., № 63):

Было во славном во гради во Киеви
У славного у князя у Владимира,
Было пированье-столованье,
Был-от поцестён пир.

М. Антонов (Аст., № 18):

Что во славном во городе во Киеве
Да у ласкова у князя у Владимира
Да было пированье-столованье,
Был-то у его почестен пир.

М. Семенов (Аст., № 34):

Как у ласкова князя да у Владимира
Заводилось пированье-столованье,
Столованьице-пированье да почестен пир.

А. Ножкина (Сок. — Чич., № 257):

Во стольном было во городи, — было во Киёви
У ласкового князя у Владимира
Было столованье-пированье поцестен пир.

Формула *пира* у сказителей этой подгруппы имеет относительно большое различие.

Сравним формулу *пира* подгруппы «ж».

Д. Потрухова (Гр., № 338):

Как у ласкова князя да ю Владимёра
Заводилось пированьице, стол, почесён пир.

В. Иванов (Аст., № 46):

Во стольнем-то городе Кieve,
Што у ласкова у князя у Владимира,
Было пированье-стол, почёсен пир.

Так же сильно отличается формула *пира* подгруппы «з».

Н. Швецов (Гф., № 308):

Во славном во городе во Кieve
У ласкова у князя у Владимира
Было столованье почестной пир.

А. Юдина (Гр., № 85):

Во стольнѣм во городи во Кieve
У ласкова князя у Владимира
Было столованье, почесьѣн пир.

А. Болознева (Сок.—Чич., № 277):

Во славном городи во Кieve
Да у славного князя Выладимира
Да собиравлося пучётной пир
Да столованье пучётной стол.

Таким образом, в формуле *пира* (первая группа), встретившейся у 38 сказителей, буквальных совпадений нет; у каждого сказителя эта формула своеобразна. Близость формулы наблюдается обычно у сказителей одной местности.

Обратимся ко второй группе (на пиру присутствуют только одни богатыри). В эту группу вошли типические места трех сказителей:

А. Овчинникова (Аст., № 76):

Как во стольнѣм во городе во Киѣве,
Как у ласкова у князя у Владимира,
Как было пированье-столованье
Как на русских на могучих богатырей.

Ф. Конашков (Сок.—Чич., № 78):

Ведь как во гóроди да во Кieve
А ведь у князя ли у Владимира
Был ли собран-то у него как поцестной пир,
А ведь приглашѣны одны сильнии могущии богатыри.

М. Широков (Сок.—Чич., № 175):

А был ведь пособран-то богатый пир
Как у ласкового князя у Владимира,
Все богатыри да были созданы,

Разница в словесном выражении этой формулы у трех сказителей очевидна.

Третья группа — *на пиру присутствуют только одни гости* — представлена двумя сказителями.

П. Прохоров (Гф., № 40):

Во стольном городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Были званы-браны гости приходящи
На почестный пир.

И. Поздяков (Аст., № 41):

Как во славном во городи во Киеве,
Как у ласкова князя да у Владимира
Собиралосе пированіе-столованье,
Собиралсе ведь пир да пир-почестен стол.
Еще много на пиру гостей собиралосе
Еще много гостей да соеждалосе...

Разница в одной и той же формуле этих сказителей также слишком очевидна.

Сравним формулу четвертой группы — *на пиру присутствуют одни купцы*.

И. Дуркин (Онч., № 55):

Кабы было во городи во Киеве,
Как у ласкова князя-та Владимира,
Кабы было пированье, столованье.
Кабы много тут съезжалось купцей-людей,
Как купцей, людей право торговых.

Н. Абрамова (Сок. — Чич., № 275):

Во славном городи было во Кievi
У славного у князя Владимира
Заводилси, поводилси поцестной пир.
Все на пиру к князю собиралиси,
Купцы именитыи, гости торговьи...

Н. Абрамова (Сок. — Чич., № 275):

Во славном во городе во Кievi
Да у славного у князя у Володимира
Собиралисе все гости-ти ежжалые,
Купцы собиралисе именитые.
Ай собрались на славной пир.

Относительная близость типического места у И. Сидорова и Н. Абрамовой объясняется тем, что оба скази-

теля — представители одной былинной традиции — кенозерской.

Сравним типическую формулу пятой группы — *на пиру присутствуют князья и богатыри*.

А. Осташев (Онч., № 9):

Ай во стольнѣм во городе во Киѣве
Кабы было-ле пированьѣ-столованьѣ
Да про многия князи, да про богатырей.

П. Царев (Аст., № 185):

Как во стольном во городе во Кieve
У ласковаго князя у Владимира
И начинался-зачинался и почосной пер
И про всих-то ведь пер и про всих князей,
И про всих сильных могучих бохатырей.

А. Оргина (Аст., № 172):

Во том ли городе во Киеви,
У ласкова князя Владимира
Заводитце верно почестной пир
На вси-ли-то князьев да на богатырей.

Разница в словесном выражении этой формулы у всех трех сказителей значительна, хотя Царев и Оргина — хранители одной былинной традиции — пудожской.

Сравним формулу шестой группы — *на пиру присутствуют богатыри и поляницы*.

В. Щеголенок (Гф., № 125):

Как во стольноѣм во городи во Киеви,
У солнышка князя да й у Владимира,
Были собраны русскии могучии богатыри,
Да вси поляницы ли удалыи.

И. Гурьбин (Гф., № 272):

А во стольнѣм-то городи во Киеви
Да у ласкова князя у Владимира
И хорошей-то заведен был почестной пир,
На все сильные могучи на богатыри
И на все ли поляницы на удалые.

М. Крюкова (Марк., № 64):

Во славном городи во Киеви
Заводилсѧ у князя-гѧ почестной пир.
Собирал-то ведь он могучих всех руських богатырей,
Полениць-то всех да преудалых-то.

Различия в формулах очевидны.

Седьмая группа — на пиру присутствуют князья и бояре — представлена двумя сказителями. Сопоставим их формулы.

И. Фепонов (Гф., № 57):

А й во стольноём во городи во Киеви
А й у ласкова князя у Владимира
А начинался заводился да почестной пир,
А на многие на князи да на бояра.

К. Разбивная (Сок.—Чич., № 124):

Во стольнём во городи во Киеви
У ласкового князя у Владимира
Был собран-созван-от почестен пир,
Были собраны вси князи-бояра.

Различия в формулах очевидны.

Типическую формулу восьмой группы, представленную двенадцатью сказителями, для удобства сравнения разобьем (по принципу наименования пира) на три подгруппы.

Подгруппа «а» (пир именуются *почестным*) представлена шестью сказителями. Сравним их формулы.

С. Неклюдина (Гф., № 135):

Во стольнем красном Киеве
У ласкова у князя у Владимира,
Был-то у него почестен пир
На многих на князей, на бояров,
На русьских на могучих богатырев.

П. Антонов (Гф., № 63):

Было во славном во городе во Киеви
У ласкова князя у Владимира
Заводился у него-то тут почестной пир.
На том на пиру у Владимира
Были князи ведь тут, вси ведь бояра,
А вси сильни могучи вси богатыри.

И. Сивцев (Пóромской) (Гф., № 223):

В стольнём городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Хороший заведен был почестной пир,
На многие на князи да на бояра,
Да на сильни могучие богатыри.

Г. Якушов (Сок.—Чич., № 9):

Задержнул князь Владимир стольнѣ-киевской,
Задержнул-то ѣн почѣстной пир
Ради князей, ради бояр-то,
Ради сильных да богатырей...

М. Пашова (Сок.—Чич., № 161):

Как во городе да ѣ во Кееви,
Ай у ласкового князя у Владимира
Был почестный пир да в воскресный день.
На пиру были вси князья, вси бояры,
Вси могучие да ѣ богатыри.

Н. Пименова (Сок.—Чич., № 172):

Во славном-то во городи во Києви
Да у ласкового князя у Владимира
Пособран был поцестен пир
Да на мнози князей да бояров,
А на сильных могучии богатыри.

Обратим здесь внимание на то, что все сказители этой подгруппы — сказители Заонежья (Кижей и Пудогги), только И. Поромской — с Кенозера.

Вторая подгруппа — пир назван *столованьем-пированьем, столом почестным пиром* — представлена тремя сказителями. Сравним их формулы.

А. Дитятев (Онч., № 80):

Во стольнѣм во городи во Києви,
У ласкова князя у Владимира
Было пированье-столбанье
Да был у него, братцы, почесен пир,
Про многих князей, да многих бояров
Да сильных русских богатырей...

И. Семенов (Аст., № 27):

Ай во стольнѣм во городи было Києви,
А у ласкова князя да у Владимира
Заводилосе пированье да столбанье,
Заводилосе столбанье да почесѣн пир
Как для тех же князей да тех же боеров,
Как для всех сильных могучих богатырей.

А. Палкин (Аст., № 45):

Што во том же во городи во Києви,
Што у ласково князя да у Владимира
Был собран стол, почѣсен пир,

И розоставлены были столики дубовыя,
И усланы скатерти шелковые
Да уношены яствы-то сахырны,
Да и розоставлены напитокки разныя.
За столом-то и все сидели князя и бояра,
Все сильнее храбрые могущие богатыри.

Последняя подгруппа — пир назван *пированьем* и *почестным пиром* — представлена тремя сказителями.

Г. Крюков (Марк., № 73):

Как во славном городе во Киеви
Да у ласкова-то князя у Владимира
Заводилось пированье, почестен пир
Ай на всех князей, на бояр жа,
А на руських-то могучих на богатырей.

В. Амосов (Аст., № 123):

Как во славном во городе во Кееве
У ласкового у князя у Владимира
Было перованье почестен пир.
Много на пиру было князей-бояров,
Русских могучих богатырей.

П. Горшков (Аст., № 158):

Как во стольном было в городе во Киеве
У ласкового у князя у Владимира
Был почётный пир да пированье
На пиру было много князей-бояр,
Много было могучих богатырей.

Таким образом, у всех двенадцати сказителей формула пира (восьмая группа) различна.

Девятая (на пиру присутствуют *богатыри, бояре, короли*) и десятая (на пиру присутствуют *богатыри, бояре и крестьяне*) группы представлены каждая одним сказителем; оставим их без рассмотрения.

Сравним типические формулы одиннадцатой группы — на пиру присутствуют *богатыри, князья, поляницы*. Они представлены двумя сказителями.

Ф. Захаров (Гф., № 179):

А й у нас было в городе Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Завелся, зачался почестен пир
На многи на князи, на бояра
И на русски поляницы удалыя.

В стольном городе во Киеви.
А у ласковаго князя у Владимира
Заводился у князя почестной пир
На многи на князи, на бояра
И на все поляници удалыи.

(Заметим в скобках, что сказители не родственники, а однофамильцы и жители разных мест — Выгозера и Водлозера.)

Двенадцатая группа — на пиру присутствуют *богатыри, крестьяне и купцы* — представлена двумя сказителями. Сравним их формулы.

Я. Гольчиков (Аст., № 3):

А в стольнѣм во городе было во Киеве,
А у ласкова у князя да у Владимира,
А заводилосе ле да пирѡванье да столѡванье,
А заводилса у князя да всё почестен пир.
А все как ле на пир да собиралисe,
А все ли на почестен да съезжалисe,
А съезжались все купцы люди торговыя,
А сбирались все крестьяна православныя,
А съезждались боѡатыри удалыя.

Ф. Поздяков (Аст., № 43):

А у ласкова князя да Владимира
Заводилось пирѡванье-столѡванье,
Заводилось же тут да почесен пир
А про многих же купцей, гостей торговых,
А про тех же про сильних про боѡатырей,
А про тех же нонь хрисянушок прожитоцних.

Относительная близость формулы у обоих сказителей может свидетельствовать об одном общем источнике былин этих сказителей; это тем более вероятно, что, как пишет А. М. Астахова во вступительных замечках к их былинам, оба они выучили свои былины на стороне, а не в родных селах.

Обратимся к четырнадцатой группе⁷ — на пиру присутствуют *бояре, гости и князь*.

⁷ Тринадцатая группа представлена одним сказителем А. Чупровым.

Во стольном было во городе Киеви
Да у ласкова у князя у Владимира
Как было пированье, почестный пир
Да на многих тых князей, бояр,
Да на всех тых гостей званых, браных,
Званых, браных, гостей приходящих.

И. Касьянов (Гф., № 158):

Во стольном было в городе во Киеви,
У славного князя у Владимира,
Был собран многопочетный пир
На всех-то князей да ведь бояров,
На всех гостей званых-избранных.

О близости типических мест этих сказителей мы будем говорить далее подробно, здесь же укажем, что былины свои И. Касьянов заучил от А. Чукова.

Обратимся к восемнадцатой группе⁸, самой обширной после первой группы. Она представлена двадцатью шестью сказителями. Для удобства сравнения разобьем эту группу на три подгруппы (по принципу наименования пира).

Первая подгруппа представлена (пир назван *почестным*) двенадцатью сказителями.

Сравним формулу пира следующих четырех сказителей.

П. Меншиков (Гф., № 275):

Во славном-то во городи во Киеви
У ласкова князя у Владимира
Да заведен был почестной пир
Да на многие-ты князей, бояров,
Да на сильниех могучиех богатыри,
Да на все-ты поляницы на удалые.

М. Меньшикова (Гф., № 282):

Как во стольнем городи во Киеви
И у ласкова князя у Владимира
Хорош заведен да был почестной пир
На многие князи пир на бояра,
На все сильни могучие богатыри,
На все поляницы на удалые.

⁸ Группы 15, 16, 17 представлены каждая только одним сказителем.

Во славном-то городе Киеви
У ласкова соянца Владимира
Хорош заведен был почестной пир
На многи на князи, на бояры,
На сильни могучи богатыри,
На все поляницы удалые.

И. Калитин (Сок. — Чич., № 249):

Во стольнѣм-то гради во Киеви
У ласкового князя у Владимира
Хороший заводилсы поцестный пир,
На многие заведен на князей, на бояра,
На сильными русскими богатыри,
На все поленицы на удалыи.

Несмотря на то, что все четыре сказителя жители одной местности — Кенозера и типическая формула у них имеет много общих точек соприкосновения, тем не менее по своему словесному выражению она своеобразна.

Сравним формулу *пира* этой подгруппы у двух других сказителей:

И. Еремеев (Гф., № 164):

Во стольном было городе во Кieve,
У ласкового князя у Владимира,
Заводил государь свой почестной пир
На все на князя, на бояра,
На сильными могучии богатыри
И на все поляницы на удалыи.

Е. Лисица (Гф., № 192):

Заводил государь да почестен пир
На многии на князи, на бояра,
На сильни могучи богатыри,
На вси поляницы удалыи.

Относительная близость формулы *пира* позволяет предположить ее общий источник у обоих сказителей, хотя прямых указаний на это собиратель не сообщает.

Сравним формулы М. Мякишева (Сок.—Чич., № 45) и М. Фадеевой (Сок.—Чич., № 49).

М. Мякишев:

Во стольнем городе во Киеви
А у ласкового князя у Владимира
А был-заводилсы почестной пир

На тых на князев, на бояров,
На славных сильных русьских могучих богатырей,
На тых-то полениць на удалых.

М. Фадеева:

В стольном городе во Киеви
А у ласкового князя у Владимира
А был-заводился почётной пир
А на тых на князей, на бояров,
А на сильных могучих богатырей,
А на тых-то поляниц на удалых.

М. Фадеева выучила былины от своего отца М. Мякишева. Этим и объясняется необычная близость формулы, тем не менее, как видим, в деталях формулы у обоих сказителей различны.

Сравним формулу *пира* этой подгруппы у оставшихся четырех сказителей.

Д. Кононова (Гф., № 21):

Солнышко Владимир князь стольке-киевской
Задержнул он почётный пир
На всех князей, на бояра,
На всех могучих богатырей,
На всех поляниц на удалых.

П. Воинов (Гф., № 229):

Да во стольном-то во городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира
Хорош погодился почестной пир
На многие князи, на бояра,
На сильные могучие богатыри,
На все на поляницы удалые.

И. Елисеева (Сок.—Чич., № 127):

Как во славном было городе во Киеви
У славного князя у Владимира
Был созван-собран почестен пир,
Были созваны вси кнези-бояре,
Вси русские могучие богатыри,
Все поленицы удалыи.

Т. Иевлев (Гф., № 102):

Во стольном во городе во Киеви
Да у ласкова князя у Владимира
Был-то ведь у него почётной пир;
А как все-то на пиру были пособраны,
Все были вси князи, вси бояре,
А все сильны могучи богатыри.
Да все тут поляниченки удалыи.

Отличия в формуле у этих сказителей очевидны.

Следует отметить, что все сказители первой подгруппы — сказители Заонежья.

Обратимся ко второй подгруппе — пир именуется *пированьем-почестным пиром*. Эта подгруппа представлена также двенадцатью сказителями. Сравнение формул произведем по степени их близости. Сравним формулы следующих сказителей:

Т. Рябинин (Гф., № 80):

А Владимир князь да стольнѣ-киевской
Заводил почестен пир да й пированьице
На многих князей да на всех бояров,
На всех сильных русьских могучих на богатырей,
Ай на славных поляниц да на удалых.

П. Рябинин-Андреев (Аст., № 132):

Как Владимир князь да стольно-киевской
А завёл он пированьице-почестен пир
На многих князей, на многих бояров,
Да на сильных могучих богатырей,
Да на славных да поляниц да разудалых.

А. Богданова (Аст., № 109):

Ах как во славном во городе во Кееве
Да и у ласкова у князя у Владимира
Ах да ласковой да стольний князь кеевской
В одну пору, в одно времечко
Он завёл сибѣ да славный честный пир,
Открывал сибѣ честное пированьице.
Он зазвал к сибѣ князей да всех бояринов,
Уж он руських и могучих богатырей,
Поленичь зазвал сибѣ удалых.

П. И. Рябинин-Андреев часто слепо следует за текстом своего прадеда Т. Г. Рябинина. Однако, как видим, в деталях, в частности формула пира у них все же различается.

Сравним формулу *пира* у следующих четырех сказителей.

Д. Сурикова (Гф., № 139):

У стольного города у Киева,
У ласкова князя у Владимира,
Было пированье почестен пир
На вси на князи, на бояра,
На русских могучих богатырей,
На всех поляниц на удалых.

Как было во стольнем городе во Кieve,
Что было у ласкового князя у Владимира,
Да й хорош был пир да пированьицо
На многих князей, на многих бояров,
Да й на сильных могучих богатырей,
Да й на славных полениць да на удалых.

И. Чупов (Гр., № 367):

А во стольнѣм было городи во Кieve
А у ласкова князя да у Владимира
Уже было пированьицѣ, почесѣн пир,
А про многих князей, про многих бояров,
А про тех руських сильних про богатырей,
А про тех же полениць да приудалых-е.

В. Кобылин (Гр., № 165):

У князя было у Владимира,
У славного было у киевского,
И было пированье, поцестѣн пир,
Было столованье, поцестѣн стол,
Были на пиру кнези-бояра,
Сильные богатыри могущие,
Злые поленицы удалые.

Следует отметить, что П. В. Рябинин — один из представителей знаменитой семьи сказителей Рябининых — и в типической формуле *пира* не последовал за своими учителями, а внес в нее свое (должно быть, под воздействием других сказителей).

Сравним формулу *пира* этой подгруппы еще у трех сказителей:

С. Рычков (Гр., № 345):

Во стольном во городи во Кieve
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пированьицо, почесѣн пир
Про многих князей да многих бояров,
Про руських могучиех богатырей,
А да про тех поленицей приудалые.

М. Точилова (Марк., № 109):

Да у ласкова князя да у Владимира
Заводилось пированье ёго, поцесѣн-от пир,
Он на много князей жа, на многих бояров,
Он на руських могущих на богатырей
Да на вси поленици да преудалая.

А. Бурая (Марк., № 112):

У ласкового князя у Владимёра
Заводилось пированьице, поцесён пир
Да на многих князей, на многих бояров,
Да на сильных, могущия богатыри
Да на всих полениць да преудалыя.

Близость формулы А. Бурой к формуле М. Точиловой объясняется тем, что, как сообщает собиратель А. В. Марков, А. Бурая выучила былины от своей тетки — М. Точиловой.

Сравним формулу *пира* второй подгруппы у оставшихся двух сказителей:

И. Андреева (Гф., № 293):

А й да во славном городе во Киеве
А у ласкова князя Владимира
А й да пошло пированье почестной пир
А й да на многии князи на бояра,
А й да на сильные могучие богатыри,
А й да на все поляницы удалые.

П. Семенов (Сок.—Чич., № 108):

Во стольном городе во Кееве,
Как у ласкового князя у Владимира,
Собирался у него там почестен пер,
Почестен пер и пированьицо
На всех князей, на всех бóяров,
На всех сильных могучиих богатырей,
На всю поленицю удалую.

Разница в формулах очевидна.

Обратимся к сравнению формулы пира третьей подгруппы — пир назван *столованьем-почестным пиром*. Она встретилась всего у двух сказителей.

Н. Кукишинов (Гф., № 251):

Во славном батюшке во Киеви-гради,
У ласкова князя у Владимира
Было столованье-почестен пир,
На многие князи а на бояра,
На сильни могучии богатыри,
На все поляницы на удалые.

А. Суриков (Сок.—Чич., № 132):

Как во славном во городе во Кееве,
Как у ласкова у князя у Владимира,
У него-то было заведено столованьице почестен пир,

На всех на князей да на бояров,
На всех на сильных могучих на богатырей
Да на всех полениц да на удалых.

Разница в формулах очевидна.

Таким образом, формула *пира* восемнадцатой группы, представленная двадцатью шестью сказителями, у каждого сказителя своеобразна, буквальных совпадений ее у разных сказителей нет; обычно расхождения довольно значительны.

Следует отметить и то, что из 26 сказителей, которые пользуются этой формулой, 22 — сказители Заонежья, только четыре сказителя из других районов: двое с Мезени и двое — с Поморья. Это значит, что формула эта характерна в основном для онежских сказителей, на Мезени она случайна и для всех мезенских сказителей не характерна.

Остановимся на двадцать шестой группе⁹ — на пиру присутствуют *богатыри, бояре, князья, купцы-гости, поляницы*. Она представлена двумя сказителями.

С. Максимов (Гф., № 296):

Во стольном городе во Киеве
Да у ласкового князя у Владимира
Да собран-то был почестной пир
Да на многие князи всех на бояров,
Да и сильных на могучих на богатырей,
Да на их поляницу на удалую,
Да на все-то купцей-гостей торговых.

П. Логинов (Сок.—Чич., № 41):

Во городе во стольном Киеви
У ласкового князя Владимира
Был-заводился почестный пир.
Были, собирались князи и бôра,
Князи и бôра, могучии богатыри,
Могучие богатыри, купцы именити,
Купцы именити, поленицы удалые.

Хотя сказитель Максимов с Кенозера, а Логинов с Пудог, некоторая общность формулы (в перечислении гостей) кажется необъяснимой, но, как сообщает А. Ф. Гильфердинг в заметке к былинам Максимова,

⁹ Группы 19—25 представлены каждая одним сказителем. Такие группы автор не рассматривает. Ср. его замечания о группах 13, 15, 16, 17.

Максимов данную былину выучил от сказителя Т. Романова на Пудогге.

Подведем итоги разбора типического места — *пир у князя Владимира*.

1. Несмотря на то, что это самое распространенное типическое место в былинах, и случаи совпадения у разных сказителей кажутся частыми, все же, как мы видели, ни у одного сказителя эта формула в точности не совпадала с формулой у других сказителей. У каждого сказителя она оказывалась специфически самобытной, неповторимой.

2. Относительная близость этой формулы обнаруживалась у сказителей одной местности (чаще всего у сказителей, стоящих между собой в родственных связях) или у сказителей учителей и их учеников.

3. Типическая формула у сказителей разных районов (разных былинных традиций) изменялась в больших пределах.

Но, может быть, эти выводы приложимы только к одному типическому месту, для других они окажутся несостоятельными?

Рассмотрим другое также чрезвычайно распространенное типическое место — *хвастовство гостей на пиру*.

Вариации этой формулы так же, как и формулы *пира*, — значительны: от простой констатации похвалы гостей на пиру до хвастовства предметами самыми неожиданными и необычными. Сравним, например, следующие три формулы:

(Кир., IV, стр. 72):

Уж как вси на пиру-то напивалисе,
Вить и вси на цёсном наедалисе,
Да и вси на цёсном приросхвастались.

(К. Д., стр. 90):

Князи и бояра пьют, едят, потешаются
И великим князем похваляются...

(Аст., I, стр. 125—126):

А все ли на пиру да напивалисе,
А все ли на чесном да наедалисе,
А все ли на пиру да пьяны-вёсёлы,
А все ли на пиру да приросхвастались,
А все ли на пиру ле да розбахвалились.
А глупой-ёт-то хвастат да молодой жоной.

А еще глупее хвастан да родной сестрой,
А умной-ёт да хвастан родной матушкой,
А купцы-те хвастают те товарами,
А ле теми ли товарами заморскими,
А богатыри хвастают своей силушкой,
А не той ли силушкой богатырскую,
А не выслугою ле да паленицкою.
А Олешенька хвастан да всё добрым конём,
А добрым конем да своим Карюшком:
«А могу скачить — могу выскочить».

Объекты похвалы могут быть самыми различными. Обычно гости на пиру хвалятся: богатством, боярами, быком, женой, жемчугом, житьем-бытьем, заслугой, золотом, именем, казной, Киевом, конем, копьем, крестьянами, луком, матерью, могутой, наречием, одеждой, отцом, палицей, платьями, плечом, поездкой, портом (портками), родом-племенем, самим собой, сбруей, седелками, седлом, селами, серебром, сестрой, силой, слугой, смелостью, стрелой, судьбой, тем и иным, тем и сем, теремом, товарами, удалью, удатью, удачей, ухваткой, участью, хваткой, храбростью, шляпой, шубой. Всего в обследуемых нами сборниках в формуле *хвастовства* встретилось 58 объектов похвалы (а каждый сказитель в любой момент может привлечь и новые объекты).

Естественно, что при таком количестве элементов в типическом месте возможность совпадения этого типического места у сказителей сравнительно мала. И действительно, из обследуемых нами сборников мы выписали формулу *хвастовства* у 115 сказителей, количество же неповторимых комбинаций достигло 86. Это значит, что совпадения объектов хвастовства в формуле довольно редкие. Перечислим эти комбинации.

1. Констатация похвалы. В этой формуле сообщается о самом факте похвалы, встретилась только у одного сказителя — Г. Крюкова (Марк., стр. 372).

2. Гости хвалятся богатством и силой — только у М. Тютюгиной (Гр., I, стр. 195).

3. Женой, конем — только у А. Артемьевой (Сок.—Чич., стр. 722).

4. Женой, матерью (отцом — матерью) — встретилась у семи сказителей: у Г. Ивлева (Гф., II, стр. 220); у С. Неклюдиной (Гф., II, стр. 393); у Батова (Гф., II, стр. 712); у И. Андреевой (Гф., III, стр. 495); у П. Дуркина (Аст., I, стр. 471); у П. Миронова (Сок.—Чич., стр. 336); у П. Сухова (Сок.—Чич., стр. 643).

5. Казной, конем — у двух сказителей: И. Касьянова (Гф., II, стр. 560) и Ф. Рюмина (Гр., III, стр. 202).

6. Казной, удалью — только у Е. Лисицы (Гф., II, стр. 733).

7. Силой, удалью — только у М. Семенова (Аст., I, стр. 270).

8. Богатством, житьем-бытьем — у двух сказителей: Соболевой (Гр., I, стр. 407) и Агафьи Павловны (фамилии собиратель не сообщил, Гр., I, стр. 509).

9. Богатством, житьем, силой — только у А. Макушина (Гф., III, стр. 590).

10. Жемчугом, золотом, серебром — только у А. Денисовой (Гр., I, стр. 259).

11. Женой, казной, конем — у двух сказителей: Ф. Шуманова (Гф., III, стр. 463) и П. Малыгина (Гф., III, стр. 597).

12. Женой, казной, отцом-матерью — у трех сказителей: П. Макаровой и П. Пастуховой (Гф., II, стр. 623); И. Чванова (Аст., II, стр. 409) и А. Захарова (Сок.—Чич., стр. 298).

13. Женой, конем, отцом-матерью — у пяти сказителей: Т. Суханова (Гф., III, стр. 47); М. Фадеевой (Сок.—Чич., стр. 253); М. Мякишева (Сок.—Чич., стр. 234); А. Балагуриной (Сок.—Чич., стр. 514) и Н. Капустиной (Сок.—Чич., стр. 852).

14. Женой, казной, сестрой — только у П. Лыбашевой (Аст., I, стр. 281).

15. Женой, казной, слугой — только у М. Пашковой (Гр., I, стр. 277).

16. Женой, матерью, сестрой — у трех сказителей: А. Макуриной (Гр., III, стр. 175); Е. Силкиной (Сок.—Чич., стр. 319) и М. Дорохиной (Сок.—Чич., стр. 321).

17. Казной, силой, конем — только у В. Чащиной (Гр., I, стр. 309).

18. Казной, отцом-матерью, силой — только у О. Дмитриева (Сок.—Чич., стр. 701).

19. Богатством, заслугой, конями, силой — только у М. Самылина (Аст., II, стр. 379).

20. Богатством, женой, казной, матерью — только у И. Сидорова (Сок.—Чич., стр. 860).

21. Богатством, именем, женой, ма-

терью, плечом — только у А. Сарафанова (Гф., II, стр. 261).

22. Быком, женой, казной, конем — только у М. Кривополеновой (Гр., I, стр. 369).

23. Выслугой, женой, казной, отцом-матерью — только у В. Михеева (Аст., I, стр. 224).

24. Домом, женой, отцом-матерью, силой, платьем — только у А. Гусева (Гф., III, стр. 478).

25. Домом, женой, отцом-матерью, конем, силой — только у Х. Гусева (Гф., III, стр. 488).

26. Женой, именем, казной, конем — только у П. Прохорова (Гф., I, стр. 365).

27. Женой, казной, матерью, силой — у трех сказителей: И. Еремеева (Гф., II, стр. 597); И. Тярсова (Гр., III, стр. 165) и И. Худякова (Сок.—Чич., стр. 811).

28. Женой, именем, отцом-матерью, силой — только у А. Петрова (Гф., III, стр. 114).

29. Женой, дочерью, казной, конем — только у А. Юрьева (Гф., III, стр. 585).

30. Женой, казной, конем, силой — у двух сказителей: И. Иконникова (Гр., I, стр. 154—155) и Л. Прокопьева (Гр., III, стр. 472).

31. Женой, казной, отцом-матерью, слугой — только у Е. Пашковой (Гр., I, стр. 245).

32. Женой, золотом, могутой, серебром — только у А. Невзорова (Гр., I, стр. 487).

33. Женой, казной, конем, матерью — у трех сказителей: Е. Рочева (Онч., стр. 169); П. Горшкова (Аст., II, стр. 369) и А. Болозневой (Сок.—Чич., стр. 875).

34. Женой, конем, отцом-матерью, платьями — только у А. Сурикова (Сок. — Чич., стр. 542).

35. Женой, казной, отцом-матерью, плечами — только у П. Лоскутова (Сок. — Чич., стр. 809).

36. Женой, казной, отцом-матерью, самими собой — только у Н. Абрамовой (Сок.—Чич., стр. 872).

37. Женой, казной, сестрой, силой — только у А. Крюковой (Марк., стр. 78).

38. Женой, казной, отцом-матерью, родом-племенем — только у М. Пашковой (Сок.—Чич., стр. 629).

39. Женой, казной, отцом-матерью, храб-

ростью — только у Д. Подомаревой (Сок.—Чич., стр. 674).

40. Женой, конем, отцом-матерью, тем и иным — только у В. Аксенова (Гф., II, стр. 386).

41. Казной, конем, одеждой, силой — только у Т. Рябнина (Гф., II, стр. 106).

42. Богатством, женой, житьем-бытьем, сестрой — только у Акулины Ивановны (фамилии ее собиратель не сообщил, Гр., I, стр. 254).

43. Богатством, женой, конем, матерью, силой — только у Д. Кононовой (Гф., I, стр. 268).

44. Богатством, женой, отцом-матерью, иднём (?) — только у Пименовой (Сок.—Чич., стр. 654).

45. Двором, женой, казной, конем, сестрой — только у Ф. Пономарева (Марк., стр. 476).

46. Двором, казной, конем, платьем, силой — только у А. Чуповой (Гр., III, стр. 425).

47. Жемчугом, женой, конем, матерью, сбруей — только у А. Чупрова (Аст., I, стр. 390).

48. Женой, золотом, могутой, серебром, чистотой — только у В. Кобылина (Гр., I, стр. 491).

49. Женой, золотом, отцом-матерью, серебром, тем и иным — только у Ф. Филипповой (Аст., II, стр. 390).

50. Женой, именем-богачеством, конем, матерью, поездкой — только у П. Рябнина-Андреева (Аст., II, стр. 238).

51. Женой, казной, конем, отцом-матерью, платьем — у двух сказителей: Ф. Фоминой (Гф., I, стр. 249) и А. Ножкиной (Сок.—Чич., стр. 838).

52. Женой, казной, конем, матерью, силой — у трех сказителей: Ф. Захарова (Гф., II, стр. 678); Н. Семенова (Аст., I, стр. 236) и Д. Лукина (Сок.—Чич., стр. 724).

53. Женой, казной, конем, матерью, плечами — только у Н. Поздякова (Аст., I, стр. 295).

54. Женой, казной, матерью, силой, сестрой — только у А. Потруховой (Гр., I, стр. 143).

55. Женой, казной, матерью, силой, ухваткой — только у В. Аникиева (Гр., III, стр. 244).

56. Женой, казной, могутой, отцом-матерью, тем и сем — только у А. Юдиной (Гр., I, стр. 268—269).

57. Женой, казной, отцом-матерью, серебром, удачей — только у И. Торопова (Онч., стр. 251).

58. Женой, казной, палицей, саблей, силой — только у И. Гусева (Гф., III, стр. 619).

59. Женой, конем, отцом-матерью, седлом, седелками — только у П. Царева (Аст., I, стр. 489).

60. Женой, могутой, серебром, сестрой, чистотой — только у Н. Лисициной (Гр., I, стр. 394 — 395).

61. Женой, именем, богатством, казной, конем, отцом-матерью — только у А. Трухавой (Аст., II, стр. 311).

62. Именем, богатством, конем, отцом-матерью, силой, смелостью — только у К. Андрианова (Аст., II, стр. 81).

63. Выслугой, детьми, женой, казной, конями, матерью — только у М. Антонова (Аст., I, стр. 215—216).

64. Городами, женой, казной, конями, матерью, селами — только у П. Калинина (Гф., I, стр. 18).

65. Городами, женой, конями, матерью, портом (портками), селами — только у А. Чукова (Гф., II, стр. 485).

66. Девницей, женой, казной, конями, матерью, силой — только у А. Мартынова Большого (Гр., III, стр. 623).

67. Детьми, женой, золотом, конем, отцом-матерью, серебром — только у А. Овчинниковой (Аст., I, стр. 440).

68. Жемчугом, женой, казной, матерью, силой, удачей — только у С. Хабарова (Онч., стр. 381).

69. Женой, золотом, конем, матерью, сестрой, силой — только у В. Тяrosoва (Гр., III, стр. 27).

70. Женой, казной, конем, матерью, отцом, удачей — только у П. Поздеева (Онч., стр. 114).

71. Женой, казной, конем, матерью, сестрой, силой — у двух сказителей: П. Тяrosoва (Гр., III, стр. 264) и Ф. Поздякова (Аст., I, стр. 299).

72. Женой, казной, конем, копьем, отцом-матерью, сестрой — только у А. Коппалиной (Гр., I, стр. 73).

73. Женой, казной, конем, матерью, силой, теремом — только у Н. Торопова (Аст., I, стр. 493).

74. Женой, казной, отцом-матерью, силой, смелостью, тем и иным — только у П. Гришина (Гф., I, стр. 329).

75. Женой, конями, отцом-матерью, платьями, удалью, участью — только у Д. Суриковой (Гф., II, стр. 422).

76. Выслугой, женой, казной, конем, матерью, сестрой, хваткой — только у А. Удина (Гр., III, стр. 523).

77. Выслугой, женой, конем, матерью, сестрой, силой, товарами — только у Я. Гольчикова (Аст., I, стр. 125).

78. Девицей, женой, казной, конем, отцом-матерью, сестрой, силой — только у А. Мартынова Малого (Гр., III, стр. 384).

79. Двором, женой, казной, конем, матерью, сестрой, силой — у двух сказителей: Е. Рассолова (Гр., III, стр. 327) и И. Чупова (Гр., III, стр. 361).

80. Женой, казной, Киевом, конем, отцом-матерью, силой, товарами — только у В. Щеголенка (Гф., II, стр. 326).

81. Женой, казной, конем, копьем, отцом-матерью, поездкой, ухваткой — только у П. Семенова (Сок.—Чич., стр. 500).

82. Женой, казной, конем, отцом-матерью, платьем, силой, ухваткой — только у П. Логинова (Сок.—Чич., стр. 218).

83. Богатством, житьем, казной, конем, наречием, платьем, смелостью, удачей — только у А. Богдановой (Аст., II, стр. 48).

84. Жемчугом, женой, казной, конем, матерью, силой, сметкой, теремом — только у Ф. Чуркиной (Онч., стр. 22).

85. Женой, золотом, луком, матерью, серебром, стрелой, шляпой, шубой — только у С. Чупрова (Аст., I, стр. 351).

Оставим в стороне те группы, которые представлены каждая одним сказителем, и обратимся к сравнению типических мест (формул) групп, которые представлены рядом сказителей.

Так, четвертая группа — гости хвалятся *женой, матерью* — представлена семью сказителями. Сравнение формул произведем по степени их близости.

Сравним следующие формулы.

А. Батов (Гф., II, стр. 712):

А й вси на пиру наедалися,
А й вси на пиру напивалися,
А й вси на пиру порасхвасталися:
А й кто ведь хваста отцом-матушкой,
А иной ведь хваста молодой женой.

С. Неклюдина (Гф., II, стр. 393):

Вси на пиру да наедалися,
Вси на пиру да напивалися,
Вси на пиру да порасхвастались:
Умный хваста отцем-матерью,
Ой безумный хваста молодой женой.

И. Андреева (Гф., III, стр. 495):

А й все-то на пиру да напивалисе,
А й все-то на почестном наедалисе,
А й все-то на пиру да порасхвасталисе:
А умной-от хвастат отцем-матерью,
А й да безумный хвастат молодой женой.

Близость этих мест объясняется общностью былинной традиции: все три сказителя из Заонежья.

Сравним формулу других четырех сказителей этой группы.

Т. Иевлев (Гф., II, стр. 220):

Да как все они сидят да пьют, хлеба кушают,
Потешаются да похваляются:
А как умный-от хвастает отцем-матерью,
А безумный-от хвастает молодой женой,
А худой молодой неудачливой.

П. Дуркин (Аст., I, стр. 471):

Все де на пиру да напивалися,
Все де на честном да наедалися,
Уже как все на пиру да прирасхвастались:
Умный-от хвастает старым отцом,
А разумный-от хвастает старой матерью,
Уж как глупый-от хвастает молодой женой.

П. Миронов (Сок.—Чич., стр. 336):

А и вси-то на перу да напивалисе,
А и вси-то на честном да наедалисе,
А и вси-то на перу да поросфастались:
А умной-то фастае отцем-матерью,
А безумной-то ли глупой — молодой женой.

П. Сухов (Сок.—Чич., стр. 643):

А уж как вси ли на пиру да напивалисе,
Уж как вси ли на пиру да наедалисе.
Напивалисе все ли на пиру да пьяны-веселы,
А все ли на пиру да порасфастались:
А умной-от бахвалит отцем-матерью,
Безумной-от бахвалит молодой женой.

Своеобразие словесного выражения формулы *хвастовства* у этих сказителей очевидно.

Сравним типическое место пятой группы — гости хвалятся *казной* и *конем*. Она представлена двумя сказителями.

И. Касьянов (Гф., II, стр. 560):

А как все на пиру наедалися,
А как все на пиру напивалися,
А все на пиру-то порасхвастались:
Иный хвастает добрым конем,
Иный хвастает золотой казной.

Ф. Рюмин (Гр., III, стр. 202):

А да и все ли на пиру были сыты-веселы,
А да и все на честном да напивалисе,
А й да и все ли на пиру да приросхвастались:
А й да богатой-от хвастает золотой казной,
А й да богатырь хвастат да сильнее силою,
А й да наездничек хвастает добрым конём.

Своеобразие типического места этих сказителей очевидно.

Сравним типические места восьмой группы — гости хвастаются *богатством*, *житьем-бытьем*.

М. Соболева (Гр., I, стр. 407):

Все на пиру да напивалисе,
И все на большом да наедалисе,
Все на пиру да приросхвастались
И житьем-бытьем, своим богатесьвом.

Агафья Павловна (фамилии собиратель не назвал; Гр., I, стр. 509):

Все на пиру да напивалисе,
Ище все на большом да наедалисе;
Ище все на пиру да приросхвастались
И все житьем-бытьем да все богацесьвом.

Необычайная близость формулы этих сказительниц становится понятной из объяснений собирателя: «Родом она (Агафья Павловна. — П. У.) из д. Пиринемы, где она была соседкой сказительницы Марфы Соболевой и пела вместе с нею, вследствие чего их старины очень сходны»¹⁰.

Одиннадцатая группа — гости хвалятся *женой, казной, конем* — представлена двумя сказителями. Сравним их формулы.

П. Малыгин (Гф., III, стр. 597):

На пиру-то они да напивалися,
На пиру-то они да наедались,
На пиру-то они да поросхвастались:
Кто хвастат видно да молодой женой,
А другой-от хвастат золотой казной,
А четвертой-от хвастат добрым конем.

Ф. Шуманов (Гф., III, стр. 463):

И как все на пиру напивалися,
И как все на пиру наедались,
И все на пиру пьяны-веселы,
И все на пиру поросхвастались:
И которой-то хвастат добрым конем,
И которой-то хвастат золотой казной,
И безумной похвастал молодой женой.

Своеобразие этих формул очевидно.

Двенадцатая группа — гости хвалятся *женой, казной, матерью* — представлена тремя сказителями. Сравним их формулы.

П. Макарова и П. Пастухова
(Гф., II, стр. 623):

И вси на пиру-то наедались,
И вси на пиру-то напивалися,
И вси на пиру-то порасхвастались:
Богатый хвастает золотой казной,
Умный хвастат отцем-матерью,
А безумной хвастат молодой женой.

¹⁰ «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. I. М., 1904, стр. 509.

На пиру все едят да напивающие,
И все во хмелю порасхвастались:
Хто хвастает золотой казной,
Инной хвастает отцом-матерью,
Безумной хвастает молодой женой.

А. Захаров (Сок.—Чич., стр. 298):

Вси-то на пиру да напивались,
Как вси-то пером похвалялись.
Безумной фастат молодой женой,
Богатый хвастат золотой казной,
Как разумной хвастат отцем-матерью.

Своеобразие этих формул очевидно.

Тринадцатая группа — гости хвалятся *женой, конем, матерью* — представлена пятью сказителями. Сравним их формулы.

Т. Суханов (Гф., III, стр. 47):

Вси ли на пиру напивались,
Вси ли на пиру наедались,
Вси ли на пиру пьяны-веселы,
А вси ли на пиру поросфастались:
Умный фастат отцем-матерью,
Безумной фастат молодой женой,
Глухой фастат добрым конём.

М. Мякишев (Сок. — Чич., стр. 233—234):

А вси-то на перу да напивались,
А вси-то на перу да наедались,
А вси-то на перу да пьяны-веселы,
А вси-то на перу да порасхвастались:
А кой умной — хвастат-то отцем-матерью,
А кой безумной — хвастат-то молодою женой,
А молодой Добрынюшка добрым конем.

М. Фадеева (Сок.—Чич., стр. 253):

А вси-то на перу напивались,
А вси на перу наедались,
А вси-то на перу пьяны-веселы,
А вси-то на перу да поросхвастались:
А кой умной — хвастат отцем-матерью,
А кой безумной — хвастат молодой женой,
А молодой Добрынюшка — добрым конем.

А. Балагурина (Сок.—Чич., стр. 514):

Вси на пиру наедались,
Вси на пиру напивались,
Вси на весельи расхвастались.
Умный хвастат отцем-матерью,
Безумной хвастат молодой женой,
А Добрынюшка хвастат добрым конем.

На и том-то пиру да и напивались,
На и том-то пиру да и наедались,
На и том-то пиру да и приросхвастались:
Да умный-то видь хвастат отцём-матерью,
А безумный хвастал молодой женой,
Да что Добрыня, добрый молодец, добрым конем.

Необычайная близость типического места Мякишева и Фадеевой объясняется тем, что Фадеева — дочь Мякишева и восприняла былины от своего отца. Близость формулы других сказителей объясняется общностью былинной традиции Заонежья.

Шестнадцатая группа — гости хвалятся *женой, матерью, сестрой* — представлена тремя сказителями. Сравним их формулы.

А. Макурина (Гр., III, стр. 175):

Да и все на пиру да напивающесь,
Да и все на цесном да наедалисё,
А и все на пиру да приросхвастались:
Да и глупой-от хвастает родной сестрой,
Неразумной-от хвастат да молодой женой,
Да и умной похвастал старой матушкой.

Е. Силкина (Сок.—Чич., стр. 319):

Еще все на перу да напивалисё,
Еще все на перу да порасфасталисё:
Да умный хвалится да родной матушкой,
А рассудной хвалит да молоду жену,
А безумной хвалится да родной сестрой.

М. Дорохина (Сок.—Чич., стр. 321):

Еще вси на пиру да напивалисё,
Еще вси ёны да наедалисё.
Еще все ёны да порасфасталисё:
Как безумной фалит молоду жену,
А рассудной фалится родной сестрой,
А разумной фалит родну матушку.

Дорохина и Силкина — жительницы одной деревни Семеново. Очевидно, источник их былин общий, чем и объясняется близость их типических мест.

Сравним типическое место 27-й группы — гости хвалятся *женой, казной, матерью, силой* — всех трех сказителей, у которых оно встречается.

И. Еремеев (Гф., II, стр. 597):

Все на пиру наедались,
И все на пиру напивались,
И все на пиру порасхвастались:
Сильный хвастат своей силою,
Богатый хвастат золотой казной,
Глупый хваста молодой женой,
А разумный хваста своей матушкой.

И. Тяросов (Гр., III, стр. 165):

Дак все на пиру да напивалисе,
А й дак все на чесном да наедалисе;
А й дак все же сидят да пьяны-весёлы,
А й дак все же сидят да ёни хвастают:
Уж как сильней-от хвастат да своей силою,
Да богатой-от хвастат да золотой казной,
Уж как умной-от хвастат да родной матерью,
А безумной-от хвастат да молодой женой.

И. Худяков (Сок.—Чич., стр. 811):

Да все мы да на пиру да напивалиси,
Да все мы на цестном да наедалиси,
Все мы да порасхвастали:
Умный хвастат отцем-матерью,
Безумный-то хвастат молодой женой,
Добрынюшко хвастат своей силою,
Да силою богатырскою,
Олёша хвастат золотой казной.

Своеобразие приведенных выше формул очевидно.

Тридцатая группа — гости хвалятся *женой, казной, конем, силой* — представлена двумя сказителями.

И. Иконников (Гр., I, стр. 154—155):

А все на пиру напивалисе,
На чесном наедалисе;
И все на пиру приросхвастались:
Кто хвастат добрым конём,
И кто своей силою,
Кто золотой казной,
Глуп-от хвастат молодой жёной.

Л. Прокопьев (Гр., III, стр. 472):

Они все на пиру да напивалисе,
Они все на чесном у нас наедалисе,
А все на пиру да пьяны-весёлы.
А иной-от де хвастат да золотой казной,
А бохатырь-от хвастат да силой сильнею,
А наездничок хвастает добрым конём,
А мудрой-от хвастат да старой матерью,
Неразумной-от хвастат молодой женой.

Своеобразие обеих формул очевидно.

Приведем формулы тридцать третьей группы — гости хвалятся *женой, казной, конем, матерью*.

Е. Рочев (Онч., стр. 169):

А как 'се-де сидят да приросхвастались:
А иной-от-де хвастат золотой казной,
Кабы дикой-ёт хвастат молодой женой,
Кабы умной-ёт хвастат старой матерью,
Кабы мудрой-от хвастат добрым конём.

П. Горшков (Аст., II, стр. 369):

На пиру все наедались,
На пиру все допьяну напивались,
На пиру все порасхвастались.
Умный хвастает отцом-матерью,
Безумный хвастает молодой женой,
Умный хвастает добрым конём,
Иной хвастает золотой казной.

А. Болознева (Сок.—Чич., стр. 875):

На пиру-то да напивались,
Да на пиру-то росфастались,
Умной-то фастат отцём-матерью,
А безумной фастат молодой женой,
Как фастат-то коньми улётима,
Кто казной нещетною.

Своеобразие формул очевидно.

Сравним формулы 51-й группы — гости хвалятся *женой, казной, конем, отцем-матерью, платьем*.

А. Фомина (Гф., I, стр. 249):

Вси на пиру да напивались,
Вси на пиру да поросхвастались.
Единый тот хвастат золотой казной,
Единый тот хвастат цветным платьицом,
Единый тот хвастат добрым конём,
Умный тот хвастат отцом-матерью,
А й безумный тот хвастат молодой женой.

А. Ножкина (Сок.—Чич., стр. 838):

Все на пиру напивалисе,
Все на цестном наедалисе,
Да все на пиру пьяны-весёлы,
И все на пиру приросфастались:
Умной-от фастаёт отьцём-матерью,
А безумной фастаёт молодой женой,

А иной сидит фастат цвѣтным платьѣм,
А иной фастат золотой казной,
А иной фастат добрым конем:
Как есть, братцы, добрый конь,
Как есть, братцы, да травяной мешок,
Уж-то грива у него до сырой земли.

Своеобразие формул очевидно.

52-я группа — гости хвалятся *женой, казной, конем, матерью, силой* — представлена тремя сказителями.

Ф. Захаров (Гф., II, стр. 678):

Все на пиру напивалиси,
И все на пиру наедалиси,
И все на пиру порасхвасталиси:
Сильный-ет хвастал своею силою,
А богатый хвастал золотой казной,
А удалой хвастал добрым конѣм,
Умный хвастал отцем-матушкой,
А безумный хвастал молодой женой.

Н. Семенов (Аст., I, стр. 236):

Ише вси на пиру да напивалисе,
А как все ле на чесном наедалисе,
А как все на пиру-ту приросхвасталиси:
А как сильнии хвастают своей силою,
А богаты-те хвастат золотой казной,
А инии-то хвастают коняи-то добрыми,
А безумный-то хвастает да молодой женой,
А умной-ет хвастат старой матерью.

Д. Лукин (Сок.—Чич., стр. 724):

А вси на перу да напивалисе,
А вси на перу да наедалисе,
А вси на перу да порасхвасталиси:
А умный ведь хвастат отьцѣм-матерью,
А безумный хвастат молодой женой,
А пьяница хвастат золотой казной,
А добрый молодец хвастат добрым конем,
А богатый — золотой казной,
А богатырь хвастат своей силушкой.

Близкого сходства формулы не обнаруживают.

Обратимся к 72-й группе — гости хвалятся *женой, казной, конем, матерью, сестрой, силой*. Сравним формулы обоих сказителей этой группы.

И. Рассолов (Гр., III, стр. 264):

Ишше все де на пиру сидят пьяны-ти весѣлы,
Ишше все же на пиру да приросхвасталиси:

А как богатой-от хвастат да золотой казной,
А как наездник-от хвастает добрым-то конём,
А богатырь-от хвастал да могучей силой,
Ише глупой-от хвастал да молодой женой,
А неразумной-от хвастал дак он родной сестрой,
Ише умной-от хвастат старой матерью.

Ф. Поздняков (Аст., I, стр. 299):

Ише же все де на пиру напивалисе,
Ише все же на чесном наедалисе,
Они все же стали пьяны да как бы веселы,
Ише все на пиру тут приросхвастались,
Ише все ли на чесном да разбохвалились:
А богатой-ет хвастат золотой казной,
А ведь сильный-ет хвастат своей силой,
А наездник-от хвастает добрым конем,
А как глупой-ет хвастат дак молодой женой,
Неразумной-ёт хвастат молодой сестрой,
А как умной-от хвастат старой матерью.

Оба сказителя с Мезени, чем и объясняется относительная близость у них типических формул.

Сравним типическое место 80-й группы — гости хвалятся *двором, казной, конем, матерью, сестрой, силой*.

Е. Рассолов (Гр., III, стр. 327):

А уж как все на пиру да напивалисе,
А уж как все на чесном да наедалисе,
А уж как все на пиру пьяны-весёлы;
А уж как все на пиру да сидят-хвастают:
А й да богатой-от хвастат да золотой казной,
А й да богатырь-от хвастат своей силою,
Ише силою-порою да богатырьскою,
А да наездник-от хвастает добрым конем,
А хресьянин-от хвастат да широким двором,
А ишше глупой-от хвастат молодой женой,
А неразумной-от хвастает родной сестрой,
А ишше умной-разумной да старой матушкой.

И. Чупов (Гр., III, стр. 361):

Ише все на пиру нонь напивающа,
Ише все на чесном нонь наедалисе;
Ише все на пиру да пьяны-весёлы,
Ише все на чесном нонь приросхвастались:
Ише сильней-от хвастат своей силою,
А богатой-от хвастат золотой казной,
Ише средней-от хвастат широким двором,
А наездниёк хвастает добрым конём,
А ведь глупой-от хвастает молодой женой,
Неразумной-от хвастает родной сестрой,
Уж как умной-разумной — старой матушкой.

Оба сказителя — жители одной местности — Рассолов из деревни Печище на Мезени, а Чупов из деревни Кильца, отстоящей от д. Печище на два километра. Общность их былинной традиции очевидна.

Подведем некоторые итоги рассмотрения типического места — *хвастовство гостей на пире*. Они совпадают с итогами рассмотрения типического места *пир у князя Владимира*.

1. Несмотря на то что типическое место *хвастовство гостей на пире* является одним из самых распространенных и встречается почти у всех сказителей, оно у каждого сказителя специфично, своеобразно; буквального совпадения формулы у разных сказителей не встретилось ни разу. Обычно эти отличия существенны.

2. Относительная близость этой формулы обнаруживалась у сказителей одной местности (чаще всего у сказителей, состоящих между собой в родственной связи).

3. У сказителей разных районов эта формула отличается большим своеобразием.

Совпадение выводов, полученных на основе анализа двух типических формул, весьма знаменательно. Но опять же возникает сомнение, что выводы, полученные на основе небольшой части материала, не могут быть приложимы ко всему материалу.

Такой вопрос законен еще и потому, что обе рассмотренные нами формулы сравнительно многословны и запомнить их сказителям трудно, а отсюда, казалось бы, и их вариации. Однако мы все время стараемся доказать одну мысль: былинные произведения, в частности их типические места, сказителями не заучиваются, а усваиваются (сами сказители обычно заявляют, что они не выучили былинку от другого сказителя, а поняли ее). Между заучиванием и усвоением — дистанция огромного размера, но к этому мы еще вернемся. Сейчас же проанализируем в качестве примера типическую формулу (весьма краткую) — *указание на время пира*. Обычно эта формула выглядит так

П. Прохоров (Гф., I, стр. 365):

Красно солнышко на вечера,
Почестный пир на весели.

Казалось бы, вариации этой формулы весьма ограничены. Несомненно, что возможность варьирования здесь

значительно меньше, чем, допустим, в формуле *хвастовства*. Однако и здесь, как увидим, вариации существуют.

Нужно заметить, что эта формула сравнительно мало распространена: в обследуемых нами сборниках мы ее выписали только у 33 сказителей.

Обычно вариация этой формулы идет по следующим антитезам:

- 1) Солнце — на вечере,
Пир — на веселе.

Это один из распространенных видов этой формулы. Она встречается у сказителей: у Н. Прохорова (Гф., I, стр. 365); у К. Романова (Гф., II, стр. 183); у Д. Суриковой (Гф., II, стр. 414); у И. Еремеева (Гф., II, стр. 597); у И. Меншикова (Гф., III, стр. 425); у Ф. Пономарева (Марк., стр. 476); у В. Амосова (Аст., II, стр. 131); у П. В. Рябининой (Сок.—Чич., стр. 463); у А. Сурикова (Сок.—Чич., стр. 542) и М. Пашковой (Сок.—Чич., стр. 629).

- 2) День — на вечере,
Пир — на веселе.

Эта группа представлена сказителями: А. Сарафановым (Гф., II, стр. 261); И. Поромским (Гф., III, стр. 173); А. Крюковой (Марк., стр. 68); М. Мякишевым (Сок.—Чич., стр. 253) и И. Калитиным (Сок.—Чич., стр. 823).

- 3) День — ко вечеру,
Солнце — ко западу,
Пир — ко веселу.

Группа представлена сказителями: П. Воиновым (Гф., III, стр. 227); Н. Кукшиновым (Гф., III, стр. 328); И. Андреевой (Гф., III, стр. 495); И. Рассоловым (Гр., III, стр. 264); А. Мартыновым Малым (Гр., III, стр. 572); А. Мартыновым Большим (Гр., III, стр. 627).

- 4) День — ко вечеру,
Солнце — ко западу,
Стол — во полустоле,
Пир — во полупире.

Эта группа представлена сказителями: Ф. Чуркиной (Онч., стр. 22); Е. Рочевым (Онч., стр. 161); Д. Дурки-

ным (Онч., стр. 185); Я. Вокуевым (Онч., стр. 263); Я. Гольчиковым (Аст., I, стр. 125).

5) День — ко вечеру.

Только у Гурьбина (Гф., III, стр. 413).

6) Пир — на вечере,
Гости — пьяны, веселы.

Только у И. Елисеевой (Сок.—Чич., стр. 530).

7) Пир — во полупире,
Стол — во полустоле,
Радость — в полурадость.

Только у А. Чупрова (Онч., стр. 237).

8) Солнце — к осени,
Пир — навесело.

Только у Г. Крюкова (Марк., стр. 369).

9) День — в полудне,
Пир — в полупире.

Только у С. Чупрова (Аст., I, стр. 351).

10) Стол — во полустоле,
Пир — во полупире,
Солнце — среди поля.

Только у П. Дуркина (Аст., I, стр. 471).

11) Солнце — в полдни,
Пир — на веселе,
Солнце — на вечере,
Пир — во полустоле.

Только у Г. Якушова (Сок. — Чич., стр. 124).

Сравним формулу *первой* группы у разных сказителей. Сравнение будем вести по степени близости текстов.

П. Прохоров (Гф., I, стр. 365):

Красно солнышко на вечери,
Почестный пир на весели.

В. Амосов (Аст., II, стр. 131—132):

Красно солнышко на вечери,
А почестен пир на весели.

М. Пашкова (Сок. — Чич., стр. 629):

А що солнышко да й на вечере,
А почестен пир да й на веселе.

Различия в формуле, как видим, едва уловимые — они состоят в наличии или отсутствии частиц (да й), союзов (типа «а»), в употреблении краткой или полной формы прилагательного. Эти различия могут иметь весьма важное значение. Следует отметить, что Пашкова и Амосов — жители одной деревни Обозеры в Заонежье, заонежский сказитель и П. Прохоров. Сравним четыре разновидности формулы этой группы.

К. Романов (Гф., II, стр. 183):

Красное солнышко на вечере,
Почестен пир идет на веселе.

И. Еремеев (Гф., II, стр. 597):

Красное солнышко на вечери,
Почестной пир идет на весели.

А. Суриков (Сок.—Чич., стр. 542):

Красное солнышко да на вечере,
Почестен пир иде на веселе.

Д. Сурикова (Гф., II, стр. 414):

Красно солнце на вечери,
Почестен пир у них на весели.

Все четыре сказителя — кижской школы, отсюда и необыкновенная близость их формул обозначения времени, в особенности у Романова и Еремеева. Разница имеется только в обозначении пира: у первого он обозначен краткой формой прилагательного (почестен), а у второго — полной (почестной).

Сопоставление формулы Д. Суриковой и А. Сурикова — сына сказительницы, от которой он воспринял былины, показывает, что сказители, как правило, не стараются выучить типические места (и, конечно, былины в целом) наизусть. Они стараются «понять» только смысл и содержание типического места, считают необязательным и ненужным запоминать его буквально; отсюда у Д. Суриковой — солнце, у ее сына — солнышко, у матери дано уточнение места пира (у них), у сына подчеркивание процесса (иде — идет, происходит).

Сравним три следующие формулы этой группы.

П. Меншиков (Гф., III, стр. 425):

Честной-от пир идет по-веселу,
Катится красно солнышко ко вечеру.

Ф. Пономарев (Марк., стр. 476):

Красно солнышко катитце ко западу,
А й ко западу солнышко, ко закату;
У Владимёра-то пир идёт на радость.

П. В. Рябинина (Сок. — Чич., стр. 464):

У нас красно солнышко на вечере,
А славной почёстен пер идет на веселе.

Такое относительно большое различие в формуле этих сказителей объясняется тем, что все они представители различных былинных школ.

Сравним формулу обозначения времени *второй* группы. Ее разновидности представлены шестью сказителями.

А. Сарафанов (Гф., II, стр. 261):

И был почестен пир на весели.
А будет день на вечере.

И. Поромской (Гф., III, стр. 173):

Белой день иде ко вечеру,
Да почестной-от пир идет на веселе.

А. Крюкова (Марк., стр. 68):

Ишше светёл-от день пошел ко вецёру,
Ай поцесён-от пир идет навесели.

И. Калитин (Сок.—Чич., стр. 823):

Да свител день идет ко вецери,
Поцёстный пир идет на весели.

М. Мякишев (Сок.—Чич., стр. 233):

А у князя бал тот был на весели,
А и день-то идет на вецери.

М. Фадеева (Сок.—Чич., стр. 253):

А у князя пир тот на веселе,
А день-то идёт на вецере.

Вариации формулы у этих сказителей довольно значительны. Относительная близость формул Мяшикева и

Фадеевой — результат семейной былинной традиции: Фадеева — дочь Мякишева. Замечания, которые мы высказали в отношении этой формулы у Д. Суриковой и А. Сурикова, в полной мере относятся и к формулам Мякишева и Фадеевой.

Рассмотрим формулу *третьей* группы у всех шести сказителей.

П. Воинов (Гф., III, стр. 227):

Долог день идё ко вечеру,
Почестной пир идё ко веселу,
Красное солнышко ко западу.

Н. Кукшинов (Гф., III, стр. 328):

Долог день идё ко вечеру,
Красное солнышко ко западу,
Почестные пир идё на весели.

И. Андреева (Гф., III, стр. 495):

А й летной день идёт ко вечеру,
А красное солнышко ко западу,
А й честен-от пир на весели.

И. Рассолов (Гр., III, стр. 264):

Да как день-от идёт да день ко вечеру,
Ноньце солнышко катицьсе ко западу,
А да почесьён де пир идет на весели.

А. Мартынов Малой (Гр., III, стр. 572):

Ище долог день-от идет ко вечеру,
Красно солнышко катилосе ко западу,
Да ко западу катилосе ко закату;
Да весел-от пир шел на весели.

А. Мартынов Большой (Гр., III, стр. 627):

Ище долог-от день идёт ко вечеру,
Красно солнышко катицьсе ко западу,
Да ко западу катилосе, ко закату.

Воинов, Кукшинов, Андреева — кенозерские сказители, отсюда и близость у них вариантов рассматриваемой формулы. Рассолов и Мартынов — мезенские сказители.

Рассмотрим формулу *четвертой* группы.

Ф. Чуркина (Онч., стр. 22):

Кабы день-то у нас идёт нынцe ко вецeру,
Кабы солнышко катится ко западу,

А столы-те стоят у нас полустолом,
Да и пир-от идёт у нас полупиром.

Е. Рочев (Онч., стр. 161):

А как пир-от идёт у их полупира,
А как стол-от идёт у их полустола,
Кабы день-от идёт у их ко вечеру,
А бы солнышко катитсе ко западу.

Д. Дуркин (Онч., стр. 185):

Пир идет у князя о полупира,
Стол идет о полустола,
День идет ко вечеру,
Солнышко катится ко западу.

А. Вокуев (Онч., стр. 264):

Кабы пир-от идет нонь о полупира,
Кабы стол-от идет нонь о полустола,
Кабы день-от идет, братцы, ко вечеру,
Кабы солнышко катитсе ко западу.

Я. Гольчиков (Аст., I, стр. 125):

А пир ле идет у их во полупира.
А стол-то идет у их в полустола,
А солнышко-то катитца ко западу,
А от западу ле катитца ко закату.

Все сказители этой группы (кроме Я. Гольчикова) — сказители Печоры, а отсюда и относительная близость типического места.

Остальные группы, представленные по одному сказителю, оставим без рассмотрения.

Таким образом и *краткая формула* типического места позволяет нам сделать те же выводы, которые мы сделали в отношении первых двух типических формул:

1. Совершенно идентичной, буквальной по своему словесному выражению формулы пира у всех рассмотренных нами сказителей не встретилось.

Однако здесь необходимо учесть следующее: иногда различия в формуле столь незначительны, что могут быть установлены только в тех случаях, когда запись былии производилась с научными целями (а все обследуемые нами сборники и являются научными сборниками). Если же запись былии велась не с научными целями, совпадения были бы возможны, хотя и в редких, исключительных случаях.

2. Относительная близость формул отмечалась у сказителей одной школы, в особенности у сказителей учителей и их учеников или у сказителей, находящихся между собой в родственных отношениях (Сурикова — Суриков, Мякишев — Фадеева и др.).

3. У сказителей разных школ и разных местностей различие формулы более значительно.

Анализ трех рассмотренных нами типических мест позволяет сделать общий вывод: у каждого сказителя типическая формула своеобразна, отлична от типической формулы другого сказителя.

Не будем более обращаться к другим типическим местам. Нами обследованы все основные типические места былин, и все они подтверждают этот общий вывод.

Поскольку это так, то утверждение Гильфердинга о том, что типические места заучиваются наизусть оказывается неточным. Об этом говорят и сами сказители. Так, кенозерский сказитель И. Ф. Сидоров заявил собирателям: «Я хорошо памятный человек. А я мог ночи просказывать. «Ивана Цирюльниковца» у мужика на Канаве научился, — три раза рассказал, я *понял*» (подчеркнуто мною. — П. У.)¹¹. Такие заявления сказителей обычны. Естественно, что какой бы феноменальной памятью ни обладал человек, он не может после трехкратного прослушивания произведения запомнить его текст дословно. Следовательно, сказитель усваивает только содержание произведения и его общую композицию (в частности, последовательность развития действия), словесное же выражение произведения в значительной мере — плод индивидуального творчества сказителя. Этим, в частности, и объясняется непрерывное обновление лексики былин. Сказитель, действительно, стремится понять былинку, все неясное, непонятное ему он заменяет на понятное, близкое. Вот почему, например, на пиру у Владимира могут присутствовать и генералы, и казаки с тихого Дона, и бурлаки, и мужики.

Говоря здесь о том, что типические места сказителями не заучиваются, как же следует понимать утверждение А. Ф. Гильфердинга о том, что типические места

¹¹ Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. М., Изд. Государств. литерат. музея, 1948, стр. 855.

сказитель «поёт совершенно одинаково, сколько бы раз он не повторял былинку»? ¹². Может быть и здесь собиратель ошибся и его суждения были основаны на внешнем неглубоком впечатлении?

Проверим это на конкретном материале. Сравним для примера былинку «Илья Муромец и Соловей Разбойник» сказителя-классика, творческий метод которого характерен для большинства сказителей, — Т. Г. Рябинина. Для сопоставления различные эпизоды былинки обозначим цифрами, а эпизоды, выраженные типическими формулами, дополнительно означим *л. с.*

Запись П. Н. Рыбникова
(Рыбн., № 4)

1. Выезд Ильи.
2. Вражеская сила у Чернигова (*л. с.*).
3. Расправа Ильи с силой.
4. Илья в Чернигове.
5. Илья спрашивает о дороге на Киев.
6. Предупреждение черниговцев о непроходимости дороги (*л. с.*).
7. Предупреждение черниговцев о покриках Соловья (*л. с.*).
8. Отъезд Ильи в Киев (*л. с.*).
9. Свист Соловья (*л. с.*).
10. Укор коню (*л. с.*).
11. Расправа с Соловьем.
12. Илья на подворье у Соловья.
13. Приезд Ильи в Киев.
14. Вход в гридню (*л. с.*).
15. Князь спрашивает имя у богатыря (*л. с.*).

Запись А. Ф. Гильфердинга (Гф., № 74)

1. Выезд Ильи.
2. Вражеская сила у Чернигова (*л. с.*).
3. Расправа с силой.
4. Илья в Чернигове.
5. Илья спрашивает о дороге на Киев.
6. Предупреждение черниговцев о непроходимости дороги (*л. с.*).
7. Предупреждение черниговцев о покриках Соловья (*л. с.*).
8. Отъезд Ильи в Киев (*л. с.*).
9. Свист Соловья (*л. с.*).
10. Укор коню (*л. с.*).
11. Расправа с Соловьем.
12. Илья на подворье у Соловья.
13. Приезд в Киев.
14. Вход в гридню (*л. с.*).
15. Князь спрашивает имя у богатыря (*л. с.*).

¹² А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды, стр. 57.

16. Рассказ Ильи о случившемся.	16. Рассказ Ильи о случившемся.
17. Одевание Владимира.	17. Владимир не верит Илье.
18. Приказ Соловью за-
свистать (l. c.).	18. Одевание Владимира (l. c.).
19. Приготовление угощения (l. c.).	19. Приказ Соловью за-
свистать (l. c.).
20. Соловей выпивает ча-
ру (l. c.).	20. Приготовление уго-
щения (l. c.).
21. Свист Соловья (l. c.).	21. Соловей выпивает ча-
ру (l. c.).
22. Расправа Ильи с Со-
ловьем.	22. Свист Соловья (l. c.).
23. Осуждение Ильей Со-
ловья (l. c.).	23. Расправа Ильи с Со-
ловьем.
24. Концовка.	24. Осуждение Ильей Со-
ловья (l. c.).
	25. Концовка.

Как видим, значительная часть былины выражена Рябининым в типических формулах.

Сравним первый эпизод былины — *выезд Ильи*.

У Рыбникова:

Старый казак Илья Муромец
Поехал на добром коне
Мимо Чернигов-град.

У Гильфердинга:

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородний добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольней Киев-град,
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.

Второй эпизод — *вражеская сила у Чернигова* — выражен Рябининым типической формулой.

У Рыбникова:

Под Черниговым силушки черным черно,
Черным черно, как черна ворона.

У Гильфердинга:

У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным черно,

А й черным черно как черна ворона;
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром кони никто тут не проезживат,
Птица — черной ворон не пролетыват,
Серый зверь да не прорыскиват.

Как видим, формула обозначения силы в записи Рыбникова и Гильфердинга у Рябинина почти дословно совпадает. В записи Гильфердинга к этой формуле Рябинин присоединил другую типическую формулу — описание непроходимости заставы, у Рыбникова она опущена.

Третий эпизод — *расправа Ильи с вражеской силой*.

У Рыбникова:

Припустил он коня богатырского
На эту силушку великую,
Стал конем топтать и копьём колоть,
Потоптал и поколол силу в скором времени
И подъехал он ко городу ко Чернигову.

У Гильфердинга:

А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силу великую,
Стал конем топтать, да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.

Словесная передача данного содержания, как видим, различна.

Сравним четвертый эпизод — *Илья в Чернигове*, и пятый эпизод — *Илья спрашивает о дороге в Киев*.

У Рыбникова:

Приходят мужики к нему черниговцы,
Отворяют ему ворота в Чернигов-град
И зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит им Илья таковы слова:
«Ай же вы, мужики черниговцы!
Нейду я к вам в Чернигов воеводою:
А скажите-ка мне дорогу прямоезжую,
Прямоезжую дорогу в стольно-Киев-град».

У Гильфердинга:

Ен подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:

«Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводу.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольний Киев-град».

Эта часть былины у Рябинина отлилась в более или менее законченную форму, поэтому словесное выражение сравнительно идентично.

Сравним шестой эпизод — *предупреждение черниговцев о непроходимости дороги в Киев*. Этот эпизод выражен Рябининым типической формулой — *крепость богатырской заставы*¹³.

У Рыбникова:

Ай же, удаленький дородний добрый молодец,
Славный богатырь святорусский!
Прямоезжею дорожкой в Киев пятьсот верст,
Окольную дорожкой цела тысяча.
Прямоезжая дороженька заколодела
Заколодела дорожка, замуравела,
Серый зверь тут не прорыскиват,
Черный ворон не пролетыват.

У Гильфердинга:

Ты удаленькой дородний добрый молодец,
Ай ты славныя богатырь святорусьский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той ли по дорожке прямоезжую
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто да не проезживал.

Совпадение формулы почти буквальное (необходимо учесть качество записи Рыбникова) за исключением того, что в записи Гильфердинга опущена вторая часть формулы.

Седьмой эпизод — *предупреждение черниговцев о покриках Соловья*. Он выражен типической формулой —

¹³ См., например, эту формулу в былине Рябинина «Илья Муромец и его дочь»:

А й на славной московской на заставы
Стояло двенадцать богатырей их святорусских,
А по ней по славной по московской по заставы
А й пехотою никто да не прохаживал,
На добром кони никто тут не проезживал,
Птица черный ворон не пролетывал,
А ще серый зверь не прорыскивал.

(Гф., II, стр. 40; Рыбн., I, стр. 23),

устрашающий крик Соловья (в былинах об Илье и Соловье), *татарина-нахвальщика* (в былинах об Илье и сыне), *русского богатыря* (в тех же былинах) и т. д.

У Рыбникова:

Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын,
Сидит Соловей во сыром дубу,
Свищет Соловей он по-соловьему,
Воскричит-то он, злодей, по-звериному:
Темны лесушки к земле преклоняются,
Все травы-муравы уклетают,
Лазуревы цветочки отсыхают,
Что есть людюшек, все мертвы лежат.

У Гильфердинга:

Сиди Соловей Разбойник во сыром дубу,
Сиди Соловей Разбойник Одихмантьев сын,
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Ен крычит злодей-разбойник по-звериному,
И от него ли то от посвисту соловьего,
И от него ли-то от покрику звериного,
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазуревы цветочки отсыплются,
Темны лесушки к земли вси приклоняются.

Совпадение формулы очевидно, за исключением лишь перестановки местами отдельных фраз (Слово «уклетают» в записи Рыбникова, надо полагать, механическая ошибка собирателя при прочтении черновых записей).

Восьмой эпизод — *отъезд богатыря* — выражен типической формулой. Сравним его.

У Рыбникова:

Пошел его добрый конь богатырский
С горы на гору перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелки реченьки, озерка между ног спускать.

У Гильфердинга:

Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холму стал перемахивать,
Мелки реченки, озерка промеж ног спускал.

Совпадение очевидно.

Девятый эпизод — *свист Соловья* — в обеих записях совершенно идентичен седьмому эпизоду.

Десятый эпизод — *укор коню* — выражен типической формулой. Сравним ее.

У Рыбникова:

Ай же ты, волчья сыть, травяной мешок!
Ты идти не хошь, али нести не мошь?
Не слыхал ты, зидно, посвисту соловьеваго,
И не слыхал ты покрику зверинога,
И не видал, видно, ударов богатырских,
Что ты, собака, на корзне потыкаешься!

У Гильфердинга:

Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?
Не слыхал ли посвисту соловьего,
Не слыхал ли покрику зверинога,
Не видал ли ты ударов богатырских?

За исключением отдельных перестановок фраз и слов местами совпадение почти буквальное.

Сравним одиннадцатый эпизод — *расправа Ильи с Соловьем* (описание не является формулой).

У Рыбникова:

Становил коня он богатырского,
Свой тугий лук разрывчатый отстегивал
От правого от стремечка булатняго,
Накладывал-то стрелочку каленую,
И натягивал тетивочку шелковеньку,
Спускал-то он в Соловья во разбойника:
Вышиб ему правое око со косицею,
Пал-то Соловей на сыру землю.
Старый казак Илья Муромец
Пристенул его ко правому ко стремени,
Ко правому ко стремечку булатному.
Он поехал по раздольицу чисту полю
Ко этому ко гнездышку к Соловьевому.

У Гильфердинга:

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук розрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Ен тетивочку шелковенку натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал,
То он стрелил в того Соловья разбойника,
Ему выбил право око со косицею.
Ен спустил-то Соловья да на сыру землю,

Пристянул его ко правому ко стремечки булатному,
Ен повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышко повез да Соловьиное.

Не будем сравнивать переходные места былины
(своеобразие их при повторном исполнении очевидно),
сравним лишь типические места.

Вход в гридню.

У Рыбникова:

Илья Муромец сшел в палату белокаенну;
Он крест кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому,
На все на три на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколанным.

У Гильфердинга:

Сам идет он во полаты белокаенны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-ту поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все на три на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всим его князьям он подколанным.

Совпадение самой формулы — *вход в гридню* — почти буквальное, но в записи Гильфердинга к этой формуле присоединилась формула «богатырь на княжеском дворе», у Рыбникова она опущена.

Формула — князь спрашивает имя у богатыря.

У Рыбникова:

Ты откулешный, дородний добрый молодец,
Тобя как молодца именем назвать,
Звеличать удалого по отчеству?

У Гильфердинга:

Ты скажи-тко, ты откулешной, дородний добрый молодец,
Тобе как-то молодца да именем зовут,
Звеличают удалого по отчеству?

Поскольку запись Рыбникова была произведена под диктовку исполнителя, а не в процессе самого пения, то такая вариация формулы может объясняться именно качеством записи.

Формула одевания.

У Рыбникова:

Тут Владимир, князь стольно-киевский,
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Кунью шубоньку накинул на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко.

У Гильфердинга:

То Владимир князь-от стольнѣ-киевской
Он скорешенько ставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
То он шапочку соболью на одно ушко.

Формула приготовления угощения (выпивки).

У Рыбникова:

Наливает-то он чару зелена вина,
И немалую стопу — полтора ведра,
Разводил-то медамы стоялыма.

У Гильфердинга:

Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыма.

Формула выпивания чары.

У Рыбникова:

Соловей-Разбойник Одихмантьев сын
Принимал он эту чару одной рукой,
Испивал эту чару за единый дух.

У Гильфердинга:

Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку-ту Соловей одним духом.

Таким образом, анализ двух текстов былины показывает, что Рябинин при повторном исполнении почти с буквальной точностью повторял типические формулы (напомним, что запись Гильфердинга от записи Рыбникова отделяет целый десяток лет), в то время как места переходные в словесном оформлении не совпадают. Блестящую характеристику переходных мест оставил А. Ф. Гильфердинг: «...Переходные места, — писал он, — должно быть, не заучиваются наизусть, а в памяти хра-

нится только общий остов, так что всякий раз, как сказитель поет былинку, он ее тут же сочиняет, то прибавляя, то сокращая, то меняя порядок стихов и самые выражения»¹⁴.

Наш пример наглядно подтверждает вывод собирателя как в отношении типических мест (при повторном исполнении былины они повторяются почти дословно), так и в отношении мест переходных (при повторном исполнении они изменяются значительно).

Этот вывод можно подтвердить всем былинным материалом. При этом, однако, необходимо учитывать творческие манеры сказителей: некоторые сказители-передатчики вырабатывают твердую форму и переходных мест.

¹⁴ А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные расказы, стр. 57.

СХОДСТВО ТИПИЧЕСКИХ МЕСТ В РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОДНОГО СКАЗИТЕЛЯ

У типических мест есть еще одна замечательная особенность. Они, как мы говорили выше, переходят из одного былинного сюжета в другой. Проанализируем их «поведение» в этом случае. Проследим «поведение» некоторых типических формул в различных сюжетах ряда сказителей.

Возьмем для наблюдений следующие формулы: *пир у князя Владимира; хвастовство гостей на пиру; время пира; приход в грядню; отъезд богатыря.*

Отбор этих формул определяется тем, что первые три формулы нами были уже взяты для наблюдений и поэтому при необходимости мы можем произвести некоторые сопоставления; две другие формулы — одни из распространенных в былинах, присутствуют в ряде былинных сюжетов и встречаются почти у каждого сказителя.

Но прежде чем приступить к выяснению поставленного нами вопроса, необходимо иметь в виду следующее. Былины — жанр импровизационный. И если даже из тысяч записанных текстов былин и найдется хоть один текст, который бы с буквальной точностью совпадал с другим в каких-либо деталях, в каких-либо частностях, то отличия все же будут. По своей же творческой манере не все сказители одинаковы. Разница здесь состоит в степени импровизации: у одних сказителей вырабатывается твердый текст былин и даже переходные места повторяются ими более или менее точно; у других — твердого текста былин не вырабатывается и композиционно такие былины более рыхлы и нестройны.

Удачную и правильную характеристику сказителей по их творческой манере предложила в свое время А. М. Астахова. «Среди северных сказителей XIX—XX вв., — писала она, — мы можем различить три основные категории — по тому, как они воспринимают, а затем воссоздают былины.

Одна из них — это сказители, перенявшие тексты совершенно или почти точно и в таком же виде их передающие. Здесь сказывается, с одной стороны, общее хранителям эпической старины стремление петь так, как «старики певали», с другой стороны — исключительная сила памяти, позволяющая удержать в сохранности не только композицию былины в общих ее очертаниях, не только запомнить точный порядок всех эпизодов, но почти дословно запомнить и самое словесное оформление большинства эпизодов, а иногда и всей былины в целом»¹.

Вторую категорию сказителей А. М. Астахова характеризует так: «Перенимая былинку, сказитель этого второго типа усваивает по преимуществу, по словам Гильфердинга, лишь «общий остов». Путем отбора «типических» мест и свободного создания «переходных» и вырабатывается собственный, постоянный текст, отливаясь в определенную композиционную и словесную форму. В дальнейшем эта форма в основном остается неизменной и варьируется лишь в деталях»².

Третий тип сказителей А. М. Астахова характеризует как сказителей импровизаторов. «Запомнив, — пишет она; — подобно исполнителям второго типа, лишь сюжетную схему по преимуществу, они, однако, не вырабатывают, не создают постоянного текста, а каждый раз меняют его, пользуясь всем арсеналом сюжетов, эпизодов, мотивов, образов, формул, которыми они владеют. Текст каждый раз будет представлять значительные отклонения от ранее данного варианта на тот же сюжет, иногда с полной перестройкой всей композиции, с моментами контаминации, с заменой имен героев и т. п.»³.

¹ А. М. Астахова. Былинное творчество северных крестьян. В кн.: «Былины Севера», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938, стр. 71.

² Там же, стр. 75.

³ Там же, стр. 82.

Принимая в целом эту удачную характеристику сказителей, мы должны указать на ее некоторую условность: многообразие жизни всегда сложнее любой самой остроумной схемы, и иногда трудно бывает причислить сказителя к той или иной группе. Однако подобные схемы в целях выяснения закономерностей и научной систематизации нужны и необходимы, но, пользуясь ими, всегда следует иметь в виду всю сложность жизненных явлений.

В качестве представителей первой группы мы рассмотрим типические формулы сказителей А. Чукова, Д. Суриковой и В. Тярсова. Приведем типические места А. Е. Чукова.

«Потык» (Гф., II, стр. 485):

Во стольном было во городе Киеви
Да у ласкова у князя у Владимира
Как было пированье почестный пир
Да на многих тых князей, бояр,
Да на всех тых гостей званых браных,
Званых браных, гостей приходящих.

«Ставр» (Гф., II, стр. 495):

Во стольном было городе во Киеви,
Да у ласкова князя Владимира
Было пированьицо почестной пир
А на многих князей да на бояров,
Да на всех тых гостей званых браных,
Званых браных, гостей приходящих.

Для сопоставления привлечем и записи Рыбникова.

«Потык» (Рыбн., I, стр. 173—174):

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова князя у Владимира,
Было пирование — почестный пир
На многи князи да на бояра,
На всех тех гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.

«Ставр» (Рыбн., I, стр. 202):

Во стольном было городе во Киеви,
У ласкова князя у Владимира,
Как было пирование — почестный пир
На многие князи, на бояры,
На всех тых гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.

Как видим, формула *пира* у Чукова, переходя из одного сюжета в другой, сохраняет почти с буквальной точностью свое словесное оформление. Больше того, эта формула за десятилетие, которое отделяет записи Гильфердинга от записей Рыбникова, не претерпела никаких изменений.

Формула *хвастовства* (формула *времени пира* у Чукова не встречается).

«Потык» (Гф., II, стр. 485):

Все-то на пиру да наедались,
Все-то на честном да напивались,
Все-то на пиру да порасхвастались:
Иной хвалится есть молодец добрым конем,
Иной хвастает да шелковым портом,
Иной хвалится есть села и со приселками,
Иной хвалит города и с пригородками,
Умной хвастает да родной матушкой,
А безумной хвалится да молодой женой.

«Ставр» (Гф., II, стр. 495):

Вси-то на пиру да наедались,
Вси-то на честном да напивались,
Вси-то на пиру да порасхвастались:
Иный хвалится есть молодец добрым конем,
Иный хвастает да шелковым портом,
Иный хвалит села со приселками,
Иный хвалит города да с пригородками.
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат родной матушкой,
А безумный хвалится молодой женой.

«Иван Грозный» (Гф., II, стр. 521):

Вси-то на пиру да наедались,
Вси-то на почестном напивались,
И вси на пиру порасхвастались:
Иный хвастает села со приселками,
А иный хвалит города с пригородками,
Иный хвалится да золотой казной,
Умный хвалится родной матушкой,
Безумный хвастает молодой женой.

Воспользуемся записями Рыбникова.

«Потык» (Рыбн., I, стр. 174):

Все на пиру наедались,
Все на честном напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Иной хвалится — есть — добрым конем,

Иной хвастает шелковым портом,
Иной хвалится — села со приселками,
Иной хвалит города с пригородками,
Умный хвастает родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.

«Ставр» (Рыбн., I, стр. 202—203):

Все на пиру наедались,
Все на честном напивались,
Все на пиру порасхвастались:
Инный хвалится добрым конем,
Инный хвалится шелковым портом,
Инный хвалится селами со приселками,
Инный хвалится городами с пригородками,
Инный хвалится родной матушкой,
А безумный хвастает молодой женой.

За исключением того, что иногда сказитель опускает некоторые объекты хвастовства, формула в разных записях и разных сюжетах в словесном оформлении совпадает почти буквально.

Вход в гридню.

«Добрыня и Алеша» (Гф., II, стр. 478):

Он на двор заехал безобсылочно,
А в палаты идет да бездокладочно,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников;
Всех он взашей прочь отталкивал,
Смело проходил в полаты во вдовиньи,
Крест кладет да по-писаному,
Он поклон ведет да по-ученому,
На все три, четыре да на стороны,
А честной вдове Офимье Олександровне да в особину.

«Ставр» (Гф., II, стр. 497):

Она крест кладет да по-писаному,
Поклон ведет да по-ученому,
Она бьет челом да поклоняется
На все три четыре на стороны,
Солнышку Владимиру в особину.

«Дюк» (Гф., II, стр. 572):

А сам взошел в столову во передню
Он крест кладет по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
А на все четыре на стороны,
А княгине Апраксини в особину.

«Добрыня и Алеша» (Рыбн., I, стр. 166):

На двор заехал безобсылочно,
В палаты идет бездокладочно;
Не спрашивал у ворот приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Всех он взащей прочь отталкивал;
Смело проходил в палаты во вдовиные,
Крест кладет по-писаному,
Поклон кладет по-ученому,
Пречестной вдовы да он в особину.

«Дюк» (Рыбн., I, стр. 192):

Сам пошел во гредню во столовую.
Он крест кладет по-писанному,
Поклон ведет да по-ученому,
На вси три-четыре на стороны,
Княгини-то Апраксии да в особину.

В былине «Добрыня и Алеша» Чуков формулу *входа в гредню* соединил с формулой *подхода к гредне*, этим она внешне отличается от формулы в других сюжетах. Формула *собственно входа в гредню* всюду одинакова (в записи Рыбникова в былине о Добрыне и Алеше опущено раскланивание на стороны).

Формула *отъезда* у Чукова встретила только в одной былине («Дунай»).

На примере типических мест Чукова видим, что они переходят из одного сюжета в другой, почти буквально сохраняя свое словесное оформление (за исключением изменений, вызванных потребностями содержания: различное наименование богатырей, лиц, к которым они приходят и т. п.).

Рассмотрим типические места Д. Суриковой.

Пир у князя Владимира.

«Дунай» (Гф., II, стр. 414):

У стольного города у Киева,
У ласкова князя у Владимира,
Было пиrowанье почестен пир,
На вси на князи, на бояра,
На русских могучих богатырей,
На всех поляниц на удалых.

«Ставр» (Гф., II, стр. 422):

У стольного города у Киева,
У ласкова князя у Владимира

Заводилось пированье, почестен пир
На всех на князей, на бояров,
На русских могучих богатырей,
На всех поляниц на удалых.

В обоих сюжетах формула сохраняет свои специфически характерные черты и в словесном оформлении совпадает почти буквально.

Время пира.

«Дунай» (Гф., II, стр. 414):

Красно солнце на вечера,
Почестен пир у них на весели,
Вси на пиру пьяны-веселы.

«Ставр» (Гф., стр. 422):

Красно солнце на вечера,
Почестен пир у них на весели,
Вси на пиру пьяны-веселы.

«Илья и Калин-царь» (Гф., II, стр. 405):

Красное соньце на вечера,
Почестен пир у них на весели,
Вси на пиру пьяны-веселы.

«Иван Грозный» (Гф., II, стр. 437):

Красное солнце на вечера,
Почестен пир у них на весели,
Вси на пиру пьяны-веселы.

Совпадение формулы во всех сюжетах буквальное.

Хвастовство.

«Дунай» (Гф., II, стр. 414):

Вси на пиру напивалися,
Вси на пиру поросхвасталися:
Умный похвастал отцем-матерью,
А безумный похвастал молодой женой.
Кто хвастал своей удатью,
А кто хвастал своей участью,
Кто ли конима добрыма,
Кто ли платьями цветныма.

«Ставр» (Гф., II, стр. 422):

Вси на пиру наедалися,
Вси на пиру напивалися,

Все на пиру поросхвастались:
Умный похвастал отцем-матерью,
А безумный похвастал молодой женой.
Кто хвастал своей удачей,
А кто хвастал своей участью.

Совпадение формулы в обоих сюжетах почти буквальное, только в былине о Ставре опущено хвастовство конями и платьями.

Вход в гридню.

«Дунай» (Гф., II, стр. 416):

Пришел Дунай на высок терем,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На две, на три, на четыре на сторонушки,
А королю Микеле в особину.

«Ставр» (Гф., II, стр. 425—426):

Скоренько идет на высок терем,
Крест кладет по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому,
На все четыре сторонушки,
Князю Владимиру в особину
С молодой княгиней с Опраксией.

«Василий Буслаевич» (Гф., II, стр. 431):

Приходит Василий на почестен пир,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому.

Должно быть, эта формула сказительницей еще не отработана, вот почему она имеет такой неустойчивый вид, хотя в общих очертаниях сохраняет свои специфические черты. Следует учесть и изменения формулы, вызываемые потребностями содержания.

Формула отъезда.

«Дунай» (Гф., II, стр. 416):

Вид'ли добрых молодцов сядучи,
А не вид'ли во чисто поле поедучи.
Не воротами молодцы поехали, —
Их добры кони через стену скочили городовую,
Поехали дорогами не окольными,
А поехали дорогами прямоезжима.

«Илья и Калин-царь» (Гф., II, стр. 409—410):

Вид'ли добра молодца сядучи,
Не вид'ли добра молодца во чисто поле поедуци.
Одна кулева стоит в чистом поли
От ёго копыт от лошадиных.

Разноречия второй части формулы определяются содержанием былин.

Таким образом, и у Суриковой типические формулы, переходя из одного сюжета в другой, сохраняют свой обычный вид и являются специфичными только для данной сказительницы, отличными от формул других сказителей.

Рассмотрим формулы еще одного из крупнейших, но в то же время не обратившего на себя внимание исследователей сказителя этой группы — В. Я. Тягосова.

Формула *пира*.

«Хотен Блудович» (Гр., III, стр. 7):

Во стольнѣм во городи во Києви
А у ласкова князя ю Владимира
А ишше было пированьицо, бал, почесьѣн стол,
А про тех же про князей, про бояров,
А про русских могучих богатырей,
А про тех поленицей приудалых,
А про тех же казаков со тиха Дону,
А про тех же калик было перехожие,
А про тех же хресьянушок прожитосьних.

«Дунай» (Гр., III, стр. 26—27):

А во стольнѣм во городи во Києви
А-й ю ласкова князя у Владимира
Заводилось пированьицо, бал, почесьѣн стол,
А про тех же про князей, про бояров,
А про русских могучих богатырей,
А про поленицей приудалых,
И про тех же казаков со тиха Дону,
А про тех же калик перехожиех,
Перехожиех калик, переброжиех,
И про тех же кресьянушок прожитосьних.

«Василий пьяница» (Гр., III, стр. 55):

А собирал князь Владимир бал, почесьѣн пир,
А он про тех же про князей, про бояров,
А он про руських могучих богатырей,
А он про тех поленицей приудалых,
А он про тех же казаков со тиха Дону,

Он про тех же калик перехожие,
Перехожие калки было переброжие,
А про тех же хресьянушок прожитосьних.

«Василий Окулович и Соломан» (Гр., III, стр. 64):

А как не в далечем, далечем во Черни-городе
А у прекрасного царя у Василья Окуловича
А заведилось пированье, бал, почесьен стол,
А да про тех же про пановей, про улановей,
Да про тех же поганных тотаровей.

Формула в первых трех сюжетах совпадает почти буквально. Необычное для Тяросова начало этой формулы в былине о Василии пьянице объясняется тем, что эта формула дана не в зачине, а включена в текст былин, в котором уже говорится, что действие происходит именно в Киеве, и сказителю незачем было повторять об этом. Своеобразие же формулы в былине о Василии Окуловиче определяется контекстом произведения — пир происходит не в Киеве у ласкового Владимира, который, по представлению Тяросова, собирал к себе на пир всю голытьбу, а у Василия Окуловича. Формула времени пира у Тяросова встретила только один раз, поэтому ее не приводим.

Формула *хвастовства*.

«Дунай» (Гр., III, стр. 27):

А и все на пиру приросхвастались:
А иной де хвастат красным золотом,
А наезник-от хвастат добрым конём,
А сильней-от хвастат своей силою,
А и глупой-от хвастат молодой женой,
А неразумной-от хвастат родной сестрой,
А кабы умной-от хвастат старой матерью.

«Василий Окулович и Соломан» (Гр., III, стр. 64):

А ишше все де на пиру да напивалисе,
А ишше все де на чесном дак наедалисе;
А ишше все де на пиру да приросхвастались:
А ишше сильней-от хвастат своей силою,
А боһатой-от хвастат золотой казной,
А наезнищек хвастат добрым конём,
А ишше глупой-от хвастат молодой женой,
А неразумной-от хвастат родной сестрой,
А кабы умной-разумной — старой матерью.

Как видим, отличия в формуле состоят в основном в перестановке местами отдельных фраз и изменен один

объект хвастовства (вместо золотой казны — красное золото). Структура же формулы осталась в основном неизменной.

Вход в грядню.

«Дунай» (Гр., III, стр. 29):

А идет тут Дунаюшко на красно крыльцо,
А заходил во грядню княженевскую;
Он ступает в грядню ногой правою,
Он и крест-от кладет по-писаному,
А он поклон-от ведет по-учоному,
А он на все на четыре кругом стороны,
Он князю Владимиру челом де бьет,
Он челом де бьет, низко кланеесьсэ.

«Первая поездка Ильи» (Гр., III, стр. 46):

А заходил стары казак в грядню княженевскую;
Он ступает во грядню ногой правою,
Он крест-от кладет по-писаному,
Он поклон-от ведет по-учоному,
Он на все на четыре кругом стороны,
Он князю Владимиру низко кланеицсэ,
Он кнегинушки Опраксеи целом де бьет,
Он целом де бьет да низко кланеицсэ.

Отъезд.

«Илья и Сокольник» (Гр., III, стр. 23):

А в теменах-то стары казак на коня скакал.
И не видели поездки боһатырское;
Только видели, во поли курева стоит,
Курева де стоит, дак дым столбом валит.

«Дунай» (Гр., III, стр. 31):

Только видели молодцей, на коня скочили;
А не видели поездки боһатырское;
Только видели в поли курева стоит.

«Первая поездка Ильи» (Гр., III, стр. 42):

А только видели, молодець на коня скочил;
А не видели поездки молодецкое;
Только видели: в поли курева стоит,
Курева де стоит, дак дым столбом валит.

Таким образом, у Тяросова, несмотря на то что его формулы относительно больше по размеру и многослов-

ны, совпадения в них почти буквальные, и они приобрели специфическую, характерную только для Тяросова, форму.

Следовательно, у сказителей первой группы типические места, отлившись в строго чеканную форму, переходят из одной былины в другую, сохраняя при этом выработанный сказителем вид формулы.

Обратимся к сказителям второй категории. Рассмотрим формулы П. Л. Калинина, Н. Прохорова и Т. Г. Рябина.

Формулы П. Л. Калинина:

Пир у князя Владимира.

«Потык» (Гф., I, стр. 154):

Ай у солнышка да у Владимира
Пированьицо было по третий день.

«Ставр» (Гф., I, стр. 181):

А у солнышка да у Владимира
Пированьицо было на третий день.

«Наезд литовцев» (Гф., I, стр. 229):

У того же короля да политовского
Пированьицо было на третий день.

Как видим, совпадение почти буквально во всех сюжетах. Эпитет у князя — «солнышко» (уменьшительная форма), пир назван всюду в уменьшительной форме — «пированьицо», союзы и частицы занимают строго определенное место.

Отметим, что в таком виде эта формула была зарегистрирована у сказителя еще П. Н. Рыбниковым.

Так, в былине «Потык» (Рыбн., II, стр. 55) она имела вид:

У солнышка у князя Владимира
Пированьице идет по третий день.

В былине «Наезд литовцев» (Рыбн., II, стр. 69):

У старого короля политовского
По три дня было пированьице.

Вспомним, что близкой к этой формуле параллели ни у одного сказителя нам не встретилось.

Формула *времени пира*.

«Добрыня» (Гф., I, стр. 133):

Как солнышко у нас идет на вечере,
Почестный пир идет у нас на весели.

«Потык» (Гф., I, стр. 154):

Солнышко идет на вечери,
А почестный пир идет на весели.

В записях Рыбникова эта формула не встречается. Очевидно, Калинин ею почти не пользовался, поэтому она у него и не отлилась в достаточно четкую форму, хотя в то же время ее специфичность определилась, и она отлична от этой формулы других сказителей.

Формула *хвастовства*.

«Потык» (Гф., I, стр. 154):

Вси-то на пиру да напивалися,
Вси же на честном да наедалися,
Вси же на пиру и поросхвасталися.

«Ставр» (Гф., I, стр. 181):

А и вси-то на пиру да напивалися,
Вси же на честном наедалися,
Вси же на пиру да поросхвасталися.
Иный хвалит города да с пригородками,
Иный хвалит тут же села со приселками,
Иный хвастает тут золотой казной,
Золотой казной да тут бесчетною,
Иный хвалится да добрыма тут комоньмы,
Разумный хвастает да родной матушкой,
Безумный хвалится да молодой женой.

«Наезд литовцев» (Гф., I, стр. 229):

Вси же на пиру да напивалися,
Вси же на честном наедалися,
Вси же на пиру да поросхвасталися.

Приведем для сравнения эту формулу в записи П. Н. Рыбникова.

«Потык» (Рыбн., II, стр. 55):

Все на пиру напивались,
Все на честном наедались,
Все на пиру порасхвастались.

«Наезд литовцев» (Рыбн., II, стр. 69):

Все на пиру напивались,
Все на пиру наедались,
Все на пиру порасхвастались.

Первая часть формулы совпадает во всех записях (некоторые разночтения формулы у Рыбникова и Гильфердинга следует отнести за счет качества записей; продиктовать Калинин мог несколько иначе, чем спеть). Полная формула использована Калининым только в былине о Ставре, именно здесь она нужна по ходу сюжета; в других былинах ее наличие не обязательно, и поэтому сказитель не использовал ее. Об отличии этой формулы от других сказителей речь шла выше.

Вход в гридню.

«Илья и Соловей Разбойник» (Гф., I, стр. 115):

Зашел же во полаты белокаменны,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Бьет челом за покланяется
А на всих же на четыре на сторонушки,
Князю со княгинушкой в особину.

«Добрыня» (Гф., I, стр. 143):

Отправлялись же ко ласковому князю ко Владимиру
Да во гридни шли они да во столовыи.
Крест-то клал да по-писаному,
Бьет челом да покланяется
Да на всих же на четыре он на стороны,
Князю со княгинушкой в особину.

«Дюк» (Гф., I, стр. 200):

А й заходит он в полаты белокаменны,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,
Бьет челом да покланяется
А на всих же на четыре стороны,
Князю со княгинею в особину.

Во всех трех сюжетах совпадение формулы почти буквальное (незначительные разночтения определяются потребностями сюжета).

Отъезд богатыря (из Киева).

«Добрыня» (Гф., I, стр. 136):

Видли тут Добрынюшку да сядучи,
А не видли тут удалого поедучи.
Не дорожками поехать, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную.

«Потык» (Гф., I, стр. 156):

Видли добра молодца-то сядучи,
Тут не видли да удалого поедучи.
Не дорожками поехал, не воротами,
Через ту стену поехал городовую,
Через тую было башню наугольную.

«Смерть Чурилы» (Гф., I, стр. 192):

Видли Чурилушку сядучи,
А не видли удала поедучи.

«Дюк» (Гф., I, стр. 199):

Видли добра молодца-то сядучи,
А не видли тут удалаго поедучи.
С горы на гору да с холмы на холму
Взял он реки, озера перескакивать,
Широки раздолья промеж ног пущать.

Первая часть формулы во всех четырех сюжетах совпадает почти с буквальной точностью. То, что вторая часть формулы в былине «Смерть Чурилы» опущена, объясняется потребностями сюжета. Чурила выезжает не со двора князя Владимира. В былине «Дюк» к формуле отъезда присоединилась формула поскаков богатырского коня, что также определяется потребностями сюжета и объясняет внешнее несовпадение формул.

Таким образом, мы видим, что у Калинина одна и та же формула используется в разных сюжетах и словесно выражается почти во всех случаях одинаково.

Проследим типические места у сказителя Н. Прохорова.

Рассмотрим формулу *пира*.

«Илья в ссоре с Владимиром» (Гф., I, стр. 423):

А тот ли-то князь да стольнѣ-киевской
А и сделал как задѣрнул свой почестной пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тых богатырей да русскихъ,
Чтобы всяко званіе да шло туды
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольнему князю ко Владимиру.

«Потык» (Гф., I, стр. 465):

Да тут за тым князь тот стольнѣ-киевской
Как сделал он задѣрнул свой почестный пир
Для князей бояр да для киевскихъ
А для русійскихъ всихъ могучихъ богатырѣв.

«Василий Буслаев» (Гф., I, стр. 502):

А молодой Васильюшко Буславьевич
Сделал он задернул свой почестный пир,
А чтобы тут еще да всяко званье-то
А шло бы да к Василью на почестный пир.

Сравнительно большие отличия формулы в разных сюжетах объясняются той ролью, которую выполняет она в контексте: в былине «Илья в ссоре с Владимиром» она служит зачином, в былине «Потык» формула включена в контекст произведения, а ее особенность в былине о Василии Буслаеве определяется тем, что пир происходит не в Киеве у князя Владимира, а в Новгороде у Василия Буслаева. Несмотря, казалось бы, на такие большие различия в словесном выражении формулы, она все же сохраняет свои характерные черты и отличия от формул других сказителей. Формула Прохорова в былине «Потык» относительно близка лишь к формуле Г. Якушова (Сок. — Чич., № 9). Приведем ее:

Задернул князь Владимир стольнѣ-киевской
Задернул-то ѐн почѣстной пир
Ради князей, ради бояр-то,
Ради сильниихъ да богатырей.

Эта относительная близость формулы у Прохорова и Якушова объясняется тем, что, как пишут собиратели, Якушов называет Прохорова в числе своих учителей⁴.

⁴ Онежские былины. Летописи Государств. литерат. музея, кн. 13. М., 1948, стр. 69.

Формула времени пира.

«Добрыня и Алеша» (Гф., I, стр. 446):

Стало красно солнышко при вечери,
А стал-то тут почестный пир при весели.

«Потык» (Гф., I, стр. 465):

Стало красно солнышко при вечери,
Да почестный пир, братцы, при весели.

В других былинах Прохорова эта формула не встрети-
лась.

Формула хвастовства.

«Непра и Дон» (Гф., I, стр. 450):

Вси там на пиру наедалися,
Как вси там на пиру напивалися,
Стали там оны вси пьянѣшеньки
А стали вси оны веселѣшеньки.
Князи вси бояра-то русыйскийи
А тыи-ты могучи вси богатыри,
Как вси-то они весть там росхвасталися.

«Потык» (Гф., I, стр. 465):

А вси тут на пиру наедаются,
А вси тут на пиру напиваются,
Стали все оны там пьянѣшеньки,
А стали все оны веселѣшеньки.

«Добрыня и Алеша» (Гф., I, стр. 446):

Как вси-то оны тут да наедалися,
А вси-то оны тут да напивалися,
Стали тут оны да пьянѣшеньки.

Формула хвастовства фактически введена только в
былине о Непре и Доне, где ее необходимость опреде-
ляется потребностью содержания; в других былинах
она сведена к формуле насыщения и опьянения. Не-
смотря на относительное различие формулы в рассмат-
риваемых сюжетах ее специфичность всюду проявляется
весьма ярко.

Вход в гридню.

«Добрыня и Алеша» (Гф., I, стр. 444—445):

Заходил * в свою в горенку

ВО НОВУЮ,

А крѣст он кладывае по-писаному,
Поклон-то уж вел по-учёному,
На вси тут на четыре сторонушки,
А родной своей матушки в особину.

«Соловей Будимирович» (Гф., I, стр. 495):

Да приходит он к князю к Володимеру

А во тую во гридню во столовую.

А крѣст он кладывае по-писаному,

А поклон он ведь вёл да по-учёному,

А клонится он на четыре на все.

А на вси четыре на сторонушки,

А стольнѣму князю-то в особину.

Устойчивость той части формулы, которая не подвержена изменению в связи с потребностями содержания былины, очевидна.

Формула отъезда.

«Илья и сын» (Гф., I, стр. 418):

Как видли-то ведь молодца тут сядучи.

Не видли как удалого поедучи,

Не знают, в какую сторону поехал он.

«Добрыня и Алеша» (Гф., I, стр. 442):

Как видли молодца ёго сядучи.

Не видли там удалого поедучи.

Нужно отметить, что Н. Прохоров принадлежит к тем сказителям, у которых импровизационное начало при исполнении былин берет верх над их памятью: текст былин Прохорова относительно подвижен и расплывчат. Этим объясняется, что и типические формулы у него не приняли той чеканной отделки, которую они имеют у большинства сказителей, однако своеобразие и характерные черты формул Прохорова прослеживаются по всем сюжетам.

Остановимся на типических местах самого прославленного сказителя-классика Т. Г. Рябинина. Поскольку сам П. Н. Рыбников под текстами Рябинина делал

* Добрыня. — П. У.

собственноручные пометки, что эти тексты записал именно от Рябинина (а правильность этих пометок нами проверена тем методом, о котором речь будет далее), то для анализа типических мест Рябинина всюду будем привлекать и записи П. Н. Рыбникова.

Пир у князя Владимира.

«Илья в ссоре с Владимиром» (Гф., II, стр. 36):

Славный Владимир стольне-киевской
Собирал-то он славный почестен пир
На многих князей он и бояров,
Славных сильных могучих богатырей.

«Добрыня и Василий Казимирович» (Гф., II, стр. 68):

А Владимир князь да стольне-киевской
Заводил почестен пир да й пированьице
На многих князей да на всех бояров,
На всех сильных русских могучих на богатырей
Ай на славных поляниц да на удалых.

«Дунай» (Гф., II, стр. 97):

А Владимир князь стольне-киевской
Заводил он почестен пир пированьице
А й на всех-то на князей, на бояров,
Да й на русских могучих богатырей,
На всех славных поляниц на удалых.

«Хотен Блудович» (Гф., II, стр. 118):

А й во славном во городи во Кievi,
Славного у князя Владимира,
Заводился у князя почестен пир.

Приведем формулу *пира* у сказителя Рябинина в записях Рыбникова.

«Добрыня и Василий Казимирович» (Рыбн., I, стр. 43):

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир — пированьице
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей.

«Дунай» (Рыбн., I, стр. 70):

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир — пированьице
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей.

«Ставр» (Рыбн., I, стр. 90):

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир — пированьице
На всех на князей и на бояр,
На русских могучих на богатырей
И на всю паленицу удалую.

«Хотен Блудович» (Рыбн., I, стр. 94):

У ласкова князя у Владимира
Был хорош пир — пированьице
На всех на князей и на бояр,
На всех могучих русских богатырей.

Картина употребления этой формулы Рябининым — необычная и крайне редко встречающаяся у других сказителей. Как видим, в записи Рыбникова формула имела строго чеканную законченную форму; через десять лет Рябинин стал употреблять эту формулу в ином виде — в двух различных вариациях. Это объясняется тем, что сказители, обладающие огромным репертуаром, восприняли былины не от одного учителя, как большинство сказителей, а от многих (Т. Г. Рябинин, например, «понял» свои былины от И. Елустафьева, И. Андреева и И. Завьялова). У каждого сказителя вырабатываются специфические типические формулы. Естественно, что при перенимании былин от учителей, ученики воспринимают в общих чертах и типические формулы. Вот поэтому у одного сказителя одна и та же формула (например, формула пира у Рябининого) может быть в различных видах. Как увидим далее, эти типические формулы могут служить надежным и объективным способом выявления учителя у того или иного сказителя.

Поскольку формула времени пира и формула хвастовства у Рябининого не употребительна, то и оставим их без рассмотрения.

Формула входа в гридню.

«Илья и Соловей Разбойник» (Гф. II, стр. 14):

Сам идет он во полаты белокаменны,
Проходил он во столовую во горенку,
На пята он дверь-то поразмахивал,
Крест-от клал ён по-писаному,
Вел поклоны по-ученому,

Самому князю Владимиру в особину,
Всім его князьям он подколанным.

Сравним эту формулу в записи Рыбникова:

«Илья и Соловей Разбойник» (Рыбн., I, стр. 19):

Илья Муромец сшел в палату белокаменну;
Он крест кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколанным.

«Илья и Калин-царь» (Рыбн., I, стр. 37):

Приходит молодец в палату белокаменну,
Крест он кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому князю Владимиру в особину
И всем его князьям подколанным.

«Добрыня и Василий Казимирович» (Рыбн., I, стр. 52):

Как вошли оны в палату белокаменну,
Оны господу богу помолилися.
Крест-от клали по-писаному,
Вели оны поклоны по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклонялися,
Самому-то королю в особину
И всем его князьям подколанным.

«Дунай» (Рыбн., I, стр. 73):

Тихий Дунаюшка Иванович
Со своей дружинушкой хороброей
Шел он во палату белокаменну,
На пятау он дверь-то поразмахивал,
Крест он клал по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Самому-то королю в особину
И всем его князьям подколанным.

«Дюк» (Рыбн., I, стр. 99):

Вшел-то он в палаты белокаменны,
Крест-от он клал по-писаному,
Поклоны вел по ученому,
На все на три, на четыре на сторонки поклоняется.

Как видим, формула входа в гридню у Рябинина отличалась в строго законченную форму; близкой или даже

похожей на эту формулу у других сказителей нет. Вариации формулы Рябинина вызываются, с одной стороны, потребностями сюжета былины, а с другой — зависят от формул того учителя, от которого «понял» ее сказитель.

Формула отъезда у Рябинина встретила нам только в сюжете «Добрыня и Василий Казимирович» (в записях Рыбникова и Гильфердинга). Приводим ее для сравнения.

(Гф., II, стр. 76):

На кони-то молодца да вид'ли сядучись,
Со двора его не видели поедучись.
Со двора он ехал не воротами,
И он из города-то ехал не дорожкой,
Ехал прямо через стену городовую.

(Рыбн., I, стр. 50):

Только видели молодца на коне сядучись,
А не видели со двора его поедучись.
Со двора-то он поехал не воротами,
То он с города-то ехал не дорожкой,
Ехал через стены городовые.

Отсутствие этой формулы в других сюжетах объясняется, как можно судить по первому впечатлению, тем, что учителя Рябинина не использовали ее в своих былинах.

Таким образом, типические места у Рябинина приобретают законченную форму и употребляются без особых изменений во всех былинных сюжетах, в которых они нужны по ходу действия. Однако, обладая большой поэтической культурой, Рябинин обладал и большим запасом типических формул, используя их в каждом удобном для него случае.

Таким образом, и у сказителей второй категории типические места, переходя из одной былины в другую, в основном сохраняют выработанную форму и являются специфичными для данного сказителя.

Остановимся на анализе формулы сказителей третьей категории. Рассмотрим формулы наиболее ярких представителей этой категории А. П. Сорокина и В. П. Щеголенка.

Пир.

«Ставр» (Рыбн., II, стр. 233):

Во славном во городе во Киеве,
У солнышка князя у Владимира,
Как был столованье — почестный пир
Для своих-то для князей, для бояринов,
(Для сенаторов) для думных,
Для вельмож и купцов богатых,
Для поляниц-то удалых
И для росейских могучих богатырей.
Тут пошло у них столованье — почестный пир.

«Соловей Будимирович» (Рыбн., II, стр. 232):

Тут как солнышко Владимир князь
Ради любезныя племянницы,
Молодой Любавы Путятичной,
Забирал столованье — почестный пир
Многих князей да бояринов (сенаторов) думных,
Вельмож-купцов богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей,
Как тут сбирал да почестный пир,
Как пошел столованье — почестный пир.

«Добрыня в отъезде» (Рыбн., II, стр. 179):

Тут заводил⁵ для Олеши столованье — почетный пир,
Собирал для Олеши на почетный пир многих тут,
Князей-бояринов (сенаторов) думных,
Вольмож-купчей богатых, поляниц удалых,
Росейских могучих богатырей;
Пошло у них столованье — почетный пир.

Формула *пира* — в тексте былины.

«Дюк» (Рыбн., II, стр. 209):

Тут солнышко Владимир князь
Забирал для удалого молодца столованье — почестный пир,
Многих князей и бояринов⁶ думных,

⁵ Речь идет о князе Владимире. — П. У.

⁶ Должно быть, слово «бояринов» вместо обычного для Сорокина «сенаторов» вставлено самим П. Н. Рыбниковым, поскольку он в примечании, напр., к былине «Ставр» указывает, что вместо «сенаторов» в тексте должно быть «бояринов»: см. примечания Рыбникова (Рыбн., II, стр. 233).

И вольмож, купцов богатых,
И поляниц удалых, и росейских могучих богатырей.
Пошло у них столованье — почестный пир.

Привлечем тексты Гильфердинга.

«Илья и Калин-царь» (Гф., I, стр. 630):

Ай просил * к себе их всех да на почестен пир,
Ай как всех он князей, бояр топерь,
Ай как всех сенаторов как думных,
Ай как всех вельмож, купцей теперь богатых,
Ай как поляниц да всех удалых,
Ай русейских сильных могучих богатырей.

Формула *пира* — в тексте.

Следует заметить, что только в былине о Ставре эта формула дана в зачине, во всех других сюжетах она включена в контекст произведений, и этим объясняется своеобразие начала формулы. Основная же часть формулы устойчива, специфична для Сорокина, и ее нельзя спутать с подобной формулой другого сказителя (а ведь надо иметь в виду своеобразие творческой манеры сказителя). А. Ф. Гильфердинг писал о сказителе: «...Андрей Сорокин говорил мне, что, будучи еще с малолетства охотником до былин, он иногда пытался распевать голосом, в виде былины, ту или другую сказку, но что это ему никогда не удавалось. Впрочем, самая эта попытка показывает в Сорокине склонность к личному сочинительству, которая не могла не отозваться и на его былинах. И действительно: ни в ком не было видно такого, можно сказать, бесцеремонного отношения к тексту былин. Однажды, записывая былинку, которую я уже прежде слышал от Сорокина, я заметил ему в одном месте, что он прежде пел этот эпизод иначе: — «Ах, это все равно, — отвечал Сорокин, — я могу спеть так или иначе, как вам будет угодно!» Ничего подобного мне ни от кого другого из сказителей не приходилось слышать, и я приписываю склонности к сочинительству в Сорокине особый характер, которым отличаются его былины, их бесконечную амплификацию, делающую их так скучными»⁷.

* Владимир. — П. У.

⁷ А. Ф. Гильфердинг. Олонецкая губерния и ее народные рапсоды, стр. 52—53.

И вот даже у такого сказителя типическая формула *пира* отлилась все же в законченную форму.

Хвастовство.

«Илья и Соловей Разбойник» (Рыбн., II, стр. 164):

Как все на пиру напивались,
На почестном все наедались,
Похвальбами они все да похвалялись.
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастат несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Инный хвастат славным отечеством,
Иной молодым молодечеством.
Умный-разумный хвастат старым батюшком,
Старым батюшком и старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.

«Дюк» (Рыбн., II, стр. 209):

Как тут все на пиру напивались,
Как все на пиру наедались,
Похвальбами все похвалялись;
Кто чем хвастает, кто чем похваляется:
Иной хвастает бессчетной золотой казной,
Иной хвастает силой-удачей молодецкою,
Иной хвастает добрым конем,
Иной хвастает славным отечеством,
Иной молодым молодечеством,
Умной и разумной хвастает
Старым батюшкой и старой матушкой,
А безумной дурак хвастает молодой женой.

«Соловей Будимирович» (Рыбн., II, стр. 232):

Все на пиру напивались,
Все на почестном наедались,
Все похвальбами похвалялись.
Кто чем хвастает, кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Иной хвастат славным отечеством,
Иной хвастат молодым молодечеством,
Умный-разумный — старым батюшком,
Старым батюшком и старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.

«Ставр» (Рыбн., II, стр. 233):

Вси на пиру да напивалися,
На почестном вси наедалися,
Похвальбами вси похвалялися.
Кто чем хвастает,
Кто чем да похваляется:
Инный хвастает несчетной золотой казной,
Иной хвастат силой-удачей молодецкою,
Иной хвастат добрым конем,
Как иной хвастат славным отечеством,
Иной молодым молодечеством;
Умный-разумный хвастат старым батюшком,
Старым батюшком да старой матушкой,
Безумный дурак хвастат молодой женой.

«Садко» (Рыбн., II, стр. 246):

Все на пиру наедалися,
Все на пиру напивалися,
Похвальбамаы все похвалялися:
Иный хвастает бесчетной золотой казной,
Другой хвастает силой-удачей молодецкою,
Который хвастает добрым конем,
Который хвастает славным отечеством,
Славным отечеством, молодым молодечеством,
Умный хвастает старым батюшком,
Безумный хвастает молодой женой.

«Садко» (Гф., I, стр. 643):

А й как все топерь на пиру напивалиси,
А й как все на пиру да наедалисе.
А й пофальбамаы все, пофалялися.
А кто чем уж как теперь да фастает,
А кто чем на пиру да похваляется:
А иной фастае как несчетной золотой казной,
А иной фастае да добрым конем,
А иной фастае силой удачей молодецкою;
А й как умной топерь уж как фастает
А й старым батюшком, старой матушкой,
А й безумной дурак уж как фастает,
А й как фастае да как своей молодой женой.

И это типическое место отлилось у Сорокина в законченную форму и всюду сохраняет свои специфические черты.

Вход в гридню.

«Илья и Соловей» (Рыбн., II, стр. 157):

Сам как он пошел во палаты княженецкие,
Со палат проходил во гривны столовные,

Крест-то он клadal по-писаному,
Поклон он вел по-ученому,
Клонится-то он на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину.

«Добрыня и Алеша» (Рыбн., II, стр. 177):

Опять приходит смелый Олеша Попович-то
К ним в полаты белокаменны,
Крест клadal-то по-писаному,
Поклоны вел по-ученому,
Клонился на все четыре стороны,
Честной вдовы Намельфе Тимофеевной в особину,
И молодой Натальи Микуличной в особину.

«Дюк» (Рыбн., II, стр. 206):

Шел во церковь в соборную;
Крест-то сполна кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Клонится на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину.

«Соловей Будимирович» (Рыбн., II, стр. 227):

Приходил как в палаты белокаменны,
Крест-то сполна кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Как клонится на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину.

«Ставр» (Рыбн., II, стр. 236):

Сама шла в палаты княженеские,
Крест клadала по-писаному,
Поклоны вела по-ученому,
Клонилась на все четыре стороны,
Солнышку князю с княгиней Апраксией в особину.

И эта формула сохраняет присущие только Сорокину свои специфические черты.

Отъезд.

«Илья и Соловей Разбойник» (Рыбн., II, стр. 148—149):

Видели молодца на коня да сядучись,
А не видели добра молодца поедучись,
Одна куревка прокурила,
Куда поехал удалый-добрый молодец.
Конь-то озера и реки перескакиват,
Малыя источины между ног пустит,

«Дюк» (Рыбн., II, стр. 188):

Только видели добра молодца сядучись,
А не видели удалого поедучись,
Туды куревко столько прокуривает.

Эта формула у Сорокина не отработана и не отлилась еще в законченную форму, она встретилась только в двух сюжетах и употребляется там, где она необходима. Такие неотработанные формулы есть у каждого сказителя.

Таким образом, даже у такого сказителя-импровизатора, каким является Сорокин, большинство типических формул приобретает законченный вид и отливается в специфическую характерную форму.

Рассмотрим формулы другого сказителя-импровизатора В. П. Щеголенка. Произвол Щеголенка в обращении с былинами общеизвестен.

Пир.

«Илья и Калин-царь» (Гф., II, стр. 326):

Во стольноём во городи во Киеве,
У ласкова у князя у Владимира,
Заводилось пированье почестен пир,
На многих на князей, на бояр,
А на русских могучиих богатырей,
А на всех на поляниц на удалых.

«Добрыня и Маринка» (Гф., II, стр. 333):

До во стольноём во городи во Киеви,
И у ласкова князя у Владимира,
И вси были богатыри позазваны,
Поляницы удалыи да й пособраны,
Да вси на пиру сыты, пьяны, веселы.

«Добрыня и Змей» (Гф., II, стр. 337):

Как во стольноём во городе во Киеве,
При ласкови князи при Владимире,
Были русскии могучии богатыри,
Тыи поляницы были удалыи.

«Добрыня в опале» (Гф., II, стр. 343):

Как во стольноём во городе во Киеве,
И у солнышка князя да у Владимира,
Собраны были русскии могучии богатыри,
Да тыи ли поляницы удалыи

Да во ту ли полату гряновитую.
Да тьи русский могучи богатыри
По местам были ведь посажены,
И были они да ведь накормлены,
И накормлены были да ведь напоены,
И сыты они да ведь-то веселы.

«Дунай» (Гф., II, стр. 349):

Как во стольном во городе во Киеви,
У солнышка князя да й у Владимира,
Были собраны русский могучи богатыри,
Да вси поляницы ли удалыи.
Ены ели пили да ведь кушали
И за этим столом да княженицким
И стали оны да ведь-то на весели.

«Хотен Блудович» (Гф., II, стр. 356):

Во стольном во городе во Киеве,
При ласковом князи при Владимире,
Была честная вдова, Часовова жена,
Была блудна жена да Хотинушкина мать.
Завела она-то честна вдова Часовова жена,
Завела она тут да почестен пир,
Князей-то бояр на пир пособрала
И русских могучих богатырев позабрала.
Они ели да пили на радости,
Пили хмельное на весели,
И были-то гости на место посаженыи.

«Дюк» (Гф., II, стр. 365):

Да во стольном во городе во Киеви,
И у солнышка князя й у Владимира,
Заводился пированьице почестен пир,
На многих на князей, на бояр,
И на русских могучих богатырѣв,
Да на всих поляниц на удалых,
Да вси на пиру сыты, пьяны веселы,
И вси на пиру розвеселилися.

Не будем приводить записи былин Щеголенка от других собирателей, картина очевидна: формула *пира* у него крайне неустойчива, ее специфические черты прослеживаются не во всех сюжетах. Явление исключительное.

Хвастовство.

«Илья и Калин-царь» (Гф., II, стр. 326):

Солнышко Владимир князь стольне-киевской
Он похвастаѣ а ведь городом,

А ведь городом, а ведь Киевом;
Русский могучи богатыри
А хвастали-то они силою,
А силою своею богатырскою;
И гости купцы тут торговни
А похвастались они тут товарами,
А тьма ли товарамы заморскими,
А кунницами, лисицами а черными соболями заморскими.
И умной хвастает отцем-матерью,
А безумный похваляется молодой женой.
Добрынюшка похвастал добрым конем,
Олеша Попович сын похвастал золотой казной.

«Добрыня и Маринка» (Гф., II, стр. 333):

Да проговорил тут солнышко Владимир-князь:
А вси богатыри сыты, пьяны, веселы,
Я могу нын похвастать городом,
Да городом да Киевом».
Да проговорят богатыри таково слово:
«Мы можем похвастать силой своей да богатырскою».

«Добрыня в опале» (Гф., II, стр. 343):

Я похвастаю ведь городом,
А городом да ведь Киевом.
Да Самсон да ведь Самойлович
Он похвастал своей силой богатырскою,
И тот старой казак Илья Муромец
Тоже он похвастал своей силой богатырскою,
Дюк-то ведь Степанович
Тоже он похвастал своей пошاپкой молодецкою.

«Дюк» (Гф., II, стр. 365—366):

Солнышко Владимир князь стольнѣ-киевской
Ен похвастает-то ведь городом,
Городом похвастает да ведь Киевом.
Самсон да Самойлович похвастал своей силой
богатырской,
Да Ставѣр да сын Гоудинович
Он похвастал своей силой богатырскою,
Да старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Ен похвастал своей силой богатырскою.
И Олешенька Попов сын
Он росхвастался своей золотой казной —
Есть ли у молодца — золотой казной.
Да сидит ли младый Добрынюшка Никитинич,
Он похвастал своим-то конем богатырским,
И млад Ермак Тимофеев сын,
Он похвастал своей силой богатырскою.
Да сидит тут Шурилушка Шаплѣнкович,
Ен похвастал своей пошاپкой молодецкою.

Несмотря на то что формула *хвастовства* у Щеголенка не отлилась в законченную форму, тем не менее специфические черты ее прослеживаются всюду и ее нельзя спутать с данной формулой других сказителей.

Вход в гридню.

«Святогор» («Добрыня и Алеша») (Гф., II, стр. 302—303):

И пришел ли молодец незнакомый,
Он крест кладет по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
На две, на три, на четыре стороны поклоняется,
Честно-мужней вдовы Афиьи Александровны
Он-то делает поклон да ведь в особину.

«Илья и Соловей Разбойник» (Гф., II, стр. 324):

Приходит в полаты гряновитыя,
Крест-то кладет по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
И на две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
И солнышку князю да ведь Владимиру
Он-то делает поклон да ведь в особину,

«Илья и Калин-царь» (Гф., II, стр. 327—328):

Он крест кладет по-писаному,
Илья Муромец сын Иванович,
Поклон-от ведет по-ученому,
На две, на три, на четыре стороны поклоняется
И солнышку князю Владимиру в особину.

«Добрыня в опале» (Гф., II, стр. 345):

Он крест-от кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
И на две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
И солнышку князю Владимиру в особину.

«Дунай» (Гф., II, стр. 351—352):

Он крест-от кладет по-писаному,
Да поклон ведет по-ученому,
И на все на три, на четыре сторонки поклоняется,
Королю-то делае поклон да ведь в особину.

«Чурила Пленкович» (Гф., II, стр. 363):

Ея крест-от кладет по-писаному,
Да поклон-от ведет по-ученому,
И на две, на три, на четыре сторонки поклоняется,
Да солнышку князю да ведь Владимиру
Ен-то делает поклон да ведь в особину.

«Иван Грозный» (Гф., стр. 374):

Он * крест-от кладет по-писаному,
И поклон-от ведет по-ученому,
И на две, на три, на четыре стороны покланяется,
И грозному царю да ведь Ивану Васильевичу
Он-то делает поклон да ведь в особину.

Не будем приводить записи других собирателей — картина всюду одинакова.

Таким образом, формула входа в гридню у Щеголенка отлилась в строго законченную форму и ее специфичность прослеживается по всем сюжетам.

Отъезд.

«Святогор» («Добрыня и Алеша») (Гф., II, стр. 300—301):

Как-то видели добра молодца посядучи
На этого коня да богатырского
А на эту степь да лошадиную,
А не вид'ли добра молодца поедучи.
И скакал-то конь с горы-то на гору,
И мелкие речки перешагивал,
А большие озера перескакивал,
А куда конь летит, туда ископыт столбом стаёт.

«Дунай» (Гф., II, стр. 351):

Да ударили их плеточкой шелковой
Да по этой по степи лошадиною.
Да пошли их кони богатырские
И мелки озера перескакивали,
И глубоки озера перемахивали;
Лесом едут дремучим,
Ли только от них-то ископыт стаёт.

«Первые подвиги Ильи» (Гф., II, стр. 316):

И поехал ли старой казак Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович,
Путем ли-то дороженькой-то, широкой.
Конь-то ведь мелкий-то речки перешагивал,
Глубоки озера перескакивал.

«Дунай» (Т.—М., стр. 131):

И сели на коней да богатырских;
Куды ископыт летит,
Туды дым столбом стаёт.

* Никита Романович.

Видели богатырев посадучись.
И скакали кони с горы на гору,
Перемахивали с холмы на холмы,
И ехали оны из земли в землю,
Из орды в орду.

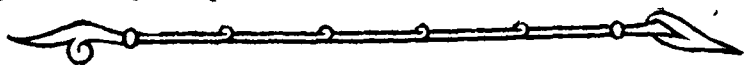
«Первые подвиги Ильи» (Т.—М., стр. 18):

И плеточкой коня богатырского понуживат,
И палицей булатной поигрывают.
Малыи реки он {конь} перешакиват,
Нешироки озера да перескакиват,
И озера-болота перемахиват,
Лесы дремучи под себя пущат.

Таким образом, формула *отъезда* у Щеголенка, так же как и формула *пира*, не отлилась в законченную форму, и ее специфические черты крайне неустойчивы.

Следовательно, из четырех формул, которые мы взяли под наблюдение (формула *времени пира* у Щеголенка не получила распространения), только две формулы приобрели специфически характерные для сказителя черты, другие две — крайне расплывчаты и характерных черт не содержат. Однако и этот вывод для нас крайне важен: даже такие сказители, которые сознательно игнорируют традицию при передаче общих мест, и здесь не могут совершенно пренебречь этой традицией. По тем формулам, которые приобрели законченный вид, творческое лицо сказителя определяется довольно отчетливо. Нужно иметь в виду, что Щеголенок — едва ли не единственный представитель из всех известных сказителей, которые так бесцеремонно относятся к былинной традиции.

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКАЗИТЕЛЯ

Поскольку типические формулы одного сказителя отличаются от типических формул всех других сказителей, а типические формулы этого сказителя являются специфическими для него и применяются во всех исполняемых им былинах, то эта закономерность может быть использована в качестве ключа для определения авторов (сказителей) былин.

Возможности использования этого ключа довольно широки.

Прежде всего этот ключ может быть применен для определения авторства (сказительства) тех текстов былин, автор (сказитель) которых неизвестен. Этот ключ нами уже был использован для определения авторов-сказителей былин сборника Кирши Данилова¹.

Принцип анализа текста здесь относительно прост: если типические формулы одного произведения совпадают с типическими формулами другого произведения, то принадлежность их одному автору (сказителю) бесспорна.

Приведем пример.

П. С. Ефименко в «Материалах по этнографии русского населения Архангельской губернии» опубликовал шесть былин из с. Зимней Золотицы в записи священника И. Розанова. А. В. Марков, собиравший былины в

¹ См. статью «Из наблюдений над стилем сборника Кирши Данилова». В кн.: «Русский фольклор, материалы и исследования», т. I. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1956.

этом селе, высказал предположение, что И. Розанов записал тексты былин от сказителя Ф. Т. Пономарева. «Лет 25 тому назад, — писал А. В. Марков, — он (Пономарев. — П. У.) служил старостой при Верхне-Золотницкой церкви и, будучи большим приятелем покойному священнику Ивану Розанову, нередко пел ему «былины» (так он один называл старины, очевидно, усвоив это название от священника); наверное, и записывал Розанов от него [потому] что Пономарев знает все шесть старин, записанных в Зимней Золотице и напечатанных у Ефименка: Первая поездка Ильи Муромца, Бой Добрыни с Ильей Муромцем, Дюк, Соломан (а не Соломон), Иван Годенович, Дунай; последнюю старину он знает не всю и прежде не знал до конца; действительно, в записи Розанова рассказ о встрече Дуная с Настасьей очень скомкан, а конца былины совсем нет»².

Как видим, приведенные доказательства того, что все шесть перечисленных былин записаны Розановым от Пономарева, не столь уж убедительны. К сожалению, А. В. Марков не записал вновь названные былины от сказителя и установить принадлежность их ему в настоящее время значительно сложнее.

Попытаемся проверить предположение А. В. Маркова. На основе анализа общих мест выясним предварительно, все ли записанные былины принадлежат одному сказителю.

Сличим формулу *пира*.

«Дунай» (Т.—М., стр. 115):

Заводился у Владимира почестен пир,
Все на пиру пьяны, веселы.

«Соломан» (Т.—М., стр. 247):

Заводился у Окульева почестен пир
На многих пановей-улановей,
На злых проклятых татаровей.
Все на пиру сидят пьяны, веселы.

«Иван Годенович» (Т.—М., стр. 283):

Заводился у Владимира почестен пир,
Все на пиру пьяны-веселы.

² Беломорские былины, записанные А. Марковым. М., 1901, стр. 473—474.

Отличие формулы в былине о Соломане определяется своеобразием содержания.

У всех поморских сказителей эта формула более или менее развернута. Близкого текста к этой формуле в записях Маркова не встретилось. Сравним, например, формулу *пира* у Г. Л. Крюкова (Марк., стр. 372):

Как во славном городи во Киеви
Да у ласкова-то князя у Владимира
Заводилось пированьице, почесен пир
Ай на всих князей, на бояр жа,
А на руських-то могучих на богатырей.

Сравним формулу *хвастовства*.

«Дунай» (Т.—М., стр. 115):

Все на пиру напивались,
Уж как все на пиру наедались,
Уж как все на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастает широким двором,
Иной-то хвастает золотой казной,
Иной хвастает добрым конем,
Глупой-то хвастает молодой женой,
А неразумной похвастается родной сестрой.

«Дюк» (Т.—М., стр. 173):

Ты напьешься, Дюк, зелена вина,
Во хмелю мое чадо неустройное,
На речах мое чадышко зашибисто,
Похвастаешь, Дюк, широким двором,
Похвастаешь, Дюк, золотой казной.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 283):

Все на пиру прирасхвастались:
Иной-то хвастает золотой казной,
Другой хвастает широким двором,
Новой хвастает добрым конем,
Новой хвастает сбруей лошадиною.

В былине о Дюке своеобразие формулы определяется своеобразием содержания: хвастовство происходит не на пиру, как в других двух формулах, а дано в наказе матери отъезжающему в Киев сыну. Однако и в двух других былинах формулы так разнятся, что приписывать их одному сказителю нет оснований.

Из беломорских сказителей текст формулы *хвастовства* ближе всего к тексту нашей формулы у Г. Л. Крюкова (формулы Пономарева пока оставим в стороне).

Они пьют, едят да хвастают:
А как сильней-от хвастат своей силушкой,
А богатой-от хвастат золотой казной несчетною,
А иной-от хвастат широким двором,
А как глупой-от хвастат да все родной сестрой,
Неразумной-от хвастает молодой жоной,
А как умной-от хвастат да родным батюшкой,
А разумной-от ведь хвастат родной матушкой.

Таким образом, сказать, что формула *хвастовства* рассматриваемых нами былин принадлежит одному сказителю, пока трудно.

Формула поручения достать невесту.

«Дунай» (Т.—М., стр. 116):

Все у меня в городе поженены,
Все красны девицы исподаваны;
Один-то я Владимир холост хожу,
Холост хожу, не женат слыву;
Не знает ли кто мне обручницы, —
Обручницы мне-ка сопротивницы?..

«Соломан» (Т.—М., стр. 247):

Уж вы гой еси, панове-уланове!
Все у нас в городе испоженены.
Красны девицы исподаваны;
Один я, Василий царь, холост хожу, —
Холост хожу, — не женат слыву;
Не знает ли мне кто обручницы?

Ближе всех к тексту этой формулы примыкает текст
Г. Крюкова в былине о Дунае (Марк., стр. 389—390):

Уж вы гой еси, моя вы князья, бояра!
А как вси у мня во Киеви поженёны,
Красны девушки замуж подáваны;
А как я един-то князь Владимир всё холост хожу,
Я холост хожу да неженат слову.
Вы не знаете ли мне обрушьници,
А обрушьници мне-ка-то супротив себя,
Шьто обрушьници-то мне-ка красной девицы?

Вряд ли может возникнуть сомнение, что формула *поручения достать невесту* в рассматриваемых нами былинах принадлежит одному сказителю. Формула Крюкова, несмотря на ее близость (должно быть у них общий источник), все же отлична.

Формула портрета красавицы.

«Дунай» (Т.—М., стр. 116):

Чтобы возрастом не мала, умом сверстна,
Белое лицо, будто белый снег,
Ягодницы, будто маков цвет,
А ясны очи, как у сокола,
Черны-то брови, как у соболя,
Чтобы было кому поклониться?

«Соломан» (Т.—М., стр. 247):

Чтобы бело лице, как белый снег,
Ягодницы, будто маков цвет,
Ясны-то очи, будто у сокола,
У того у сокола перелетного,
Брови у ней, как у соболя.
Того соболя сибирского;
Чтоб возрастом не мала, умом сверстна;
Чтоб было кому поклониться,
Было кого чтоб назвать царицею?

Синтаксическое построение фраз, количество и наименование объектов хвастовства, формы частей речи и т. п. — все говорит в пользу того, что эта формула в обеих былинах принадлежит одному сказителю. Сравним, например, близкую к ней формулу сказителя Г. Л. Крюкова в былине о Дунае.

(Марк., стр. 390):

Шьтобы возрастом немала и умом сверстна,
А бело лицѣ-то было у ей снегу белого,
А как ясны очи были как у сокола,
У того же сокола как перелетного,
Черны брови были у ей как у соболя черного всё
сибирского,
А как ягодницы были у ей ка-быть маков цвет,
А походочка у ей была павиная,
Тиха, кротка речь была шьтобы лебединая.

Формула поведения князя Владимира (или иноземного царя) на пиру.

«Дунай» (Т.—М., стр. 115—116):

Ходит Владимир по палате белокаменной,
Белыми руками приразмахивает,
Сам говорит таковы речи...

«Соломан» (Т. — М., стр. 247):

Василий царь по горнице похаживает,
Желтыми кудрями потряхивает,
Сам говорит таковы речи...

«Иван Годинович» (Т. — М., стр. 283):

Владимир ходит по гридне княженецкия,
Белыми руками приразмахивает,
Сам говорит таковы речи...

В том, что эта формула в былинах о Дунае и Иване Годиновиче принадлежит одному сказителю, вряд ли есть основание сомневаться. Сравним, например, наиболее близкую к ней по тексту формулу сказителя Г. Л. Крюкова (Марк., стр. 389):

Как Владимир-князь по полаты-то похаживат,
А с ножки на ножку переступыват,
А жолтыма-ти кудрями прирострахиват,
А как бельма-ти ручками розмахиват,
А златыма-ти перстнями принашшалькиват;
А он сам-то говорил да таковы речи...

Формула просьбы слова.

«Дунай» (Т. — М., стр. 116):

Благослови-тко се, Владимир, слово молвити,
Не моги-тко се меня за слово скоро сказнити.

«Соломан» (Т. — М., стр. 248):

Благослови мне, Василий, слово молвить,
Не моги-ко меня за слово скоро сказнити.
А скорее того, чтобы повесити.

Так же вряд ли приходится сомневаться, что эти формулы принадлежат одному сказителю. Сравним близко примыкающую к ним формулу сказителя Ф. Седунова. (Марк., стр. 535):

Бласлови мне, Владимир-князь, слово молвити,
Слово молвити мне-ка, да речь говорити!

(Следует напомнить, что мы приводим здесь формулы сказителей одной местности, былины которых восходят, должно быть, к одному источнику. Этим и объясняется относительная близость формул. Формулы же сказителей других школ отличаются разительно.)

Формула места, из-за которого произносятся слова.

«Дунай» (Т. — М., стр. 116):

Из-за того стола из-за окольного,
Из-за той из-за скамьи белодубовой
Выходит дородний добрый молодец
На имя Добрынюшка Никитич наш,
Сам говорит таковы речи...

«Соломан» (Т. — М., стр. 247):

Из-за того из стола из-за окольного,
Со той со скамейки бело-дубовой,
Выходил удалый добрый молодец,
По прозванью Василий Пустоволосович.

Надо полагать, и эта формула принадлежит одному сказителю. Наиболее близко к ней примыкает формула Г. Крюкова (Марк., стр. 390):

Из-за то́го жо стола да всё око́льнёго,
Из-за той же скамеячки да белодубовой,
Из-за той же ествы все сахарныя
А ставал-то на резвы ноги дороднёй доброй молодець
А как той жо Добрынюшка Микитич млад;
Ишше сам он говорит да таковы речи...

Формула выпивания чары.

«Илья и Соловей» (Т.—М., стр. 12):

Садили осударя во больши места,
Наливали чару зелена вина, —
Не малу чару полтора ведра;
Принимает осударь единой рукой,
Выпивает единым духом.
Хмелина в голове появилась;
Сам говорит таковы речи...

«Дунай» (Т.—М., стр. 117):

Садили Дуная во больше место,
Во больше место, во большой угол.
Наливали чару зелена вина,
Зелена вина полтора ведра;
Другу наливали пива пьяного,
Пива пьяного полтора ведра.
Принимает вино Дунаюшко единой рукой,
Выпивает Дунаюшко единым духом,
Запивает Дунай пивом пьяным,
Хмелина у Дуная в голове появилась.

«Дюк» (Т.—М., стр. 174):

Садил-то Дюка во больше место,
Во больше место, — во большой угол,
Обносят по чаре зелена вина;
Хмелина во Дюке появилась.

Специфические черты этого общего места для одного сказителя очевидны. Приведем для сравнения формулу М. Точиловой (Марк., стр. 541—542):

Да привели они Дуная сына Иванова,
Наливали ему цяру да зелена вина,
Небольшу таку, немалу — да полтора ведра;
Да примантце Дунаюшко единой рукой,
Выпивал там Дунай да единым духом.
Наливали ему цяру пива пьяного;
Да примантце Дунаюшко единой рукой,
Выпивал-то Дунай-от единым духом,
Они третью наливали да меду ему сладкого.
Ише тут-то Дунаюшко веселой стал,
Он веселой стал, позаговаривал.

Формула приезда во двор.

«Илья и Дунай» (Т.—М., стр. 12):

Разъехался осударь Илья Муромец
Ко тому ко князю ко Владимиру
На широкий двор.
Он мечет коня среди двора.

«Дунай» (Т.—М., стр. 118):

Въезжают к королю на широкий двор.
Они мечут коней на широком дворе,
Непривязанных мечут, неприказанных,
Неразнузданных, не расседланных.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 284):

Заезжает Иван на широкий двор,
Он мечет коня на широком дворе,
Не приказана мечет, не привязана,
Не разнуздана мечет, не расседлана.

Общность двух последних формул очевидна. Обозначение привязи коня словом «мечет» связывает первую формулу с двумя другими. Приведем для сравнения формулу Г. Крюкова в былине «Илья и Соловей» (Марк., стр. 349):

А приехал в славной Киев-град,
Ко ласкову приехал князю на широкой двор,
Как ведь сходил-то со добра коня,
А вязал-то коня да середи двора,
Среди двора к дубову столбу да к золоту кольчю.

Вход в гридню.

«Илья и Соловей» (Т.—М., стр. 12):

Пошел Илья Муромец
Во гридню княженецкую.
Крест-от кладет по-писаному,
Поклон-от ведет по-ученому,
Кланяется чудным образам,
Бьет челом князю Владимиру
И всем русским могучим богатырям,
И всем боярам по обычаю.

«Дунай» (Т.—М., стр. 117):

Зашел-то Дунай во гридню княженецкую;
Он крест-то кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому,
Бьет-то челом князю Владимиру,
Всем русским богатырям по обычаю.

«Дюк» (Т.—М., стр. 174):

Зашел-то Дюк сын Степанович
Во ту церковь во Божию.
Крест-то кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому.
Кланяется чудным образам,
Еще кланяется на все четыре стороны.

«Соломан» (Т.—М., стр. 249):

Идет он к царице Соломбиде.
Отворяет Василий двери в пятау;
Не кстит свою лица черного,
Не кланяется чудным образам,
Бьет челом царице Соломбиде.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 284):

Зашел Иван во гридню княженицкую,
Крест-от кладет по-писаному,
Поклон-то ведет по-ученому,
Кланяется чудным образам,
Бьет челом королю Ляховинскому.

Общность всех формул очевидна. Приведем для сравнения формулу Г. Крюкова из былины о Дунае.

(Марк., стр. 392):

Заходил-то он в полаты в княженецкия;
А как крест-от он кладет да по-писаному
Да поклон-от ведет да по-ученому,
Ище бьет челом князю Владимиру во рученьку во
правую.

Формула намерения взять невесту силой.

«Дунай» (Т.—М., стр. 118):

Уж я с силой-то пойду, не воевать стану,
Казной твоей не торговать стану;
Уж я силой возьму богатырскую
А грозою возьму княженецкою.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 284):

Уж я с силой пойду, не воевать стану;
С золотой казной — не торговать стану;
Уж я силой своей возьму богатырскую,
А грозой возьму княженецкою.

То, что эта формула в обеих былинах принадлежит одному сказителю, сомнений быть не может. Сравним, например, ее с формулой сказителя Г. Крюкова (Марк., стр. 394):

А нашьто мне твоя силушка великая?
А как мне с силой не дратисе, не воеватисе;
Мне ненадобна твоя да золота казна несчетная.

Формула сватовства.

«Дунай» (Т.—М., 119):

Я приехал жить к тебе не по-старому,
Не по-старому, не по-прежнему,
Я приехал к тебе сватом свататься,
Что на той Опракsee Королевишне.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 284):

Я приехал к тебе не послом пословать,
А приехал сватом свататься,
Что на душечке Овдотье лебедь-белая.

Отличия в первой части формулы определяются контекстом былин, совпадение второй части формулы — сви-

детельство того, что она того же сказителя. Сравним эту формулу у Г. Крюкова (Марк., стр. 395):

Не служить-то я приехал тебе не по-старому,
не по-прежнему,
Я не верой служить тебе, все не правдою,
Не послом-то я приехал послан жа;
А как я приехал к тебе сватом свататься
На твоей-то на любимую на дочери.

Затворничество невесты.

«Дунай» (Т.—М., стр. 118):

Сидит Опракся в новой горнице,
Чтобы буйны ветры не завеели,
Чтобы лишни-то люди не зазирали.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 284):

Сидит-то Овдотья в новой горнице,
Чтобы буйны ветры не завеели,
Чтобы лишни-то люди не зазирали.

Сомнений принадлежности этой формулы одному сказителю не может быть. Сравним эту формулу с формулой у А. Крюковой — единственной золотицкой сказительницы, у которой она встретилась (Марк., стр. 79):

Ай сидит она за тридеветь замоцьками заморьскимма,
Шьчобы красно-то ей солнышко не опёкло,
Шьчобы буйны-ти ветры не завеели,
Шьчобы народ ей, люди добры не увидели.

Возмущение богатыря отказом короля выдать замуж свою дочь и расправа богатыря с силой иноземного короля.

«Дунай» (Т.—М., стр. 119):

Лишѐ тут-то Дунаю за беду пало,
Горяча кровь раскипелася,
Лепота в лице переменилася.
Хватил татарина он за ноги,
Стал татаринoм помахивать;
Прибил всех пановей-улановей,
Всех поганных татаровей.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 285):

Горяча кровь в Иване раскипелася,
Лепота в лице переменилася;

Хватил он поганого татарина, —
Татарина хватил за ноги.
Стал татаринном помахивать:
Куда махнет, там и улица,
Отмахнет назад, — переулочки;
Прибил то всех пановой-улановой.

Нужно заметить, что это место не отлилось у данного сказителя в строго чеканную формулу, но принадлежность его одному сказителю станет очевидна, если сравнить его с подобным местом золотицких сказителей. Смотри, например, соответствующее место из былины «Дунай» Г. Крюкова (Марк., стр. 396):

Как его стало ретиво сердце розъерятисе,
А гореча кровь ёго да разгорятисе,
Лепетá в лица стала переменятьсe;
Как у ёго сердце розъерилосе,
Богатырськи плечи шшевелилисе.
Подходил-то он да ко дубовым столам,
А ко тому столу-то рыта бархата.
А как толкнул поганого Идолишша во грудь-то ёму
в поганую,
А как падало Идолишшо со стула рыта бархата.
Ухватил-то он ёго да за резвы ноги,
А как начал тотарином Идолишшом по столон
помахивать,
Ишшо сам он ёму да приговаривал:
«А как жиловат тотарин, все не порвитьце,
Косьлив тотарин, все не сломитьце!».

Вход богатыря к невесте.

«Дунай» (Т.—М., стр. 119—120):

Вышел Дунай на новы сени,
На новых сенях все мертвы лежат.
Пошел-то Дунай во высок терем,
Свернул Дунай двенадцать замочиков висячих,
Он прибил тут всех крепких сторожев.
Зашел-то в горницу высокую
Ко той Опраксее Королевишне.
Сидит Опраксея Королевишна,
Вышивает ширинку красна золота.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 285):

Пошел Иван на новые сени,
Сдернул Иван двенадцать замочиков,
Прибил-то двенадцать крепких сторожев.
Зашел-то во высок терем

Ко той к Овдотье лебедь-белыя.
Сидит Овдотья в новом тереме,
Вышивает Овдотья ширинку красна золота.

Принадлежность этого общего места одному сказителю вряд ли может быть подвергнута сомнению, тем более, что у других сказителей нельзя даже подыскать близкой к нему параллели.

Жалоба невесты отцу.

«Дунай» (Т.—М., стр. 120):

Тут Опраксея прирасплакалась:
«Ты умел меня, батюшко, вспоить-вскормить,
Не умел меня, батюшко, замуж отдать.
Отдаешь ты меня не с чести, не с радости,—
Не с чести, не с радости, — с кровопролития».

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 285—286):

Тут-то Овдотья прирасплакалась:
«Охти-хти мне тошнешенько!
Ты умел меня, батюшко, вспоить-вскормить,
Не умел меня, батюшко, замуж отдать».

Принадлежность формулы одному сказителю очевидна, хотя и у других сказителей есть к ней относительно близкие параллели. Сравним, например, формулу М. Точиловой.

«Дунай» (Марк., стр. 545):

Ты умел миня, батюшко, вспоить-кормить,
Не умел миня, батюшко, замуж выдати!
Там людськи-ти отци бедны, людськи матери
Отдавают из нужды бедны, из бедности,
Отдавают из-за хлеба, из-за соли;
Ты-то, мое да соныцё красное,
Не цёсным миня пирком давашь, с кроволитьицём.

Пожелание короля мирно уладить дело и отказ богатыря.

«Дунай» (Т.—М., стр. 120):

Выходит король земли Задонския,
Зовет он Дунаюшка Иванова:
«Добро жаловать, Дунаюшко Иванович,
Хлеба-соли есть, вина с медом пить!»

Говорит Дунаюшко Иванович:
«На приезде гостя не учествовал,
На отъезде гостя не употчивать».

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 286):

Выходит король земли Ляховинский:
«Добро жаловать, Иван, хлеба-соли есть,
Хлеба-соли есть, чару с медом пить!»
Говорит Иванушко Годенович:
«На приезде гостя не учествовал,
На отъезде гостя не учествовать».

У других сказителей близкой параллели к этому месту не нашлось (кроме последней части формулы).

Отъезд богатыря с невестой.

«Дунай» (Т.—М., стр. 120):

Садился Дунай на добра коня,
Опраксеюшку садил позади себя.
Поехали Дунаюшка Иванович,
Поехали вон из города.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 286):

Садился Иван на добра коня,
Овдотьюшку садил позади себя.
Поехал Иван из царства Ляховинского.

Принадлежность этого общего места одному сказителю очевидна.

Формула единоборства.

«Илья и Добрыня» (Т.—М., стр. 61—62):

Разъехались богатыри по чисту полю,
Съехались богатыри в одно место,
Ударились палицами тяжелыми:
Они друг друга не ранили.
Разъехались братаны во второй након,
Ударились сабельками острыми:
Сабли у них пощербались, —
Друг друга богатыри не ранили.
Разъехались братаны во третей након,
Копьями они ударились:
Друг друга богатыри не ранили.
Скакали через гривы лошадиные,
Брали за ремень за подбрудное,
По колен-то в сыру землю втоптались.

По Добрынюшкину было по счастью
У осударя права ножка подвернулася
Лева ручка оскользнулася,
Мастер был Добрынюшка бороться,
Сшиб осударя Илью Муромца на сыру землю,
Сел осударю на белы груди,
Вымаёт из цынгалища булатен нож.

«Иван Годинович» (Т.—М., стр. 286—287):

Разъехались богатыри по чисту полю;
Ударились палицами тяжелыми;
У них палицы поломались;
Они друг друга, богатыри, не ранили.
Разъехались богатыри во второй након,
Ударились сабельками вострыми:
У них сабельки пощербались,
Они друг друга, богатыри, не ранили.
Разъехались богатыри во третьей након,
Ударились копыцами вострыми:
У них копыца по яблокам ломалась,
Друг друга богатыри не ранили.
Скакали через гривы лошадиные,
Брали за ремень, за подбрудное,
По колен в сыру землю втоптались.
По Иванушкову было по счастью,
По Иванушковой по участи:
Как у татарина ножка подвернулася,
Права ручка окользнулася.
Сшиб как Иванушко Годенович,
Сшиб татарина поганого,
Сшиб царища на сыру землю,
Сел-то царицу на черны груди.
Забыл-то Иванушко Годенович свой булатен нож.

Некоторые разночтения в формулах следует отнести за счет содержания былин, другие — за счет нетвердой памяти сказителя, в целом же формула в обеих былинах, несомненно, принадлежит одному сказителю. То, как формула выглядит у других сказителей, покажем ниже.

Формула избивания врага.

«Илья и Соловей» (Т.—М., стр. 10):

Поехал осударь Илья Муромец
В ту же силу да неверную,
Секет он старого и малого,
Не покидает ни единого на семена.

«Дунай» (Т.—М., стр. 119):

Останься-ко, Олешенька, на широком дворе,
Секи-ко ты татар старого и малого,
Не покидай ни единого на семена.

«Соломан» (Т.—М., стр. 251):

Заиграю во дудочку во золоту,
Тогда скачите на добрых коней,
Тогда рубите старого и малого,
Не покидайте ни единого на семена.

Характерной особенностью всех формул, позволяющих считать, что все они принадлежат одному сказителю, является обозначение действия богатыря глаголом «не покидать», тогда как у большинства сказителей оно обозначено глаголом «не оставлять». Сравним, например, данную формулу у Г. Крюкова (Марк., стр. 395):

Ты останься, мой ты брат крестовыя;
А как зазвенит-то моя сабля вострая,
А ты руби, секи старого, все ведь младого,
Не единого королю не оставей на семёна.

Последствия крика Соловья Разбойника (богатыря).

«Илья и Соловей» (Т.—М., стр. 13):

Засвистел Соловей по-соловьиному,
Заревел Соловей по-звериному
С боку на бок палата сколыбалася.

«Илья и Добрыня» (Т.—М., стр. 60):

Сидит осударь на добром коне,
Кричит-то осударь зычным голосом.
Сыра-то земля потрясалася,
С боку на бок палата сколыбалася.

Своеобразие первой части формулы определяется контекстом, где эта формула применена; последняя строка является специфической для данного сказителя и ни у кого больше не встретилась. Сравним, например, формулу Г. Крюкова («Илья и Соловей», Марк., стр. 351).

Как зашипел он во весь-то шипоток эменныя.
Ише мать сыра земля да потрясалася,
Полаты княженецьки зашаталисе,
А как у князя резвы ножки подломилисе,
Буйна голова с плеч да подкатилася.

Достоинства богатырей. Эта формула применена сказителем в качестве запева в былинах о Дюке и Соломане. Само по себе использование ее в запеве этих былин является необычным явлением.

«Дюк» (Т.—М., стр. 172):

Нету на силу Самсонову
Что того же Самсона Колыбанова,
Нет на счастье осударя Ильи Муромца,
На вежество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олешеньки Поповича,
На именье Садка — купца богатого,
На злату казну Дюка сына Степанова.

«Соломан» (Т.—М., стр. 246—247):

Не было на силу Самсона Колыбанова
Не было на ометку осударя Ильи Муромца,
На вежество Добрынюшки Никитича,
На ярость Олеси Поповича,
На золоту казну Дюка Степанова,
На богатство Садко купца богатого,
На хитрость, на мудрость Соломона Окульева,
На красоту Василья царя Окульева.

Судя по общим точкам соприкосновения, и это общее место принадлежит одному сказителю.

Итак, мы рассмотрели все типические формулы, которые находят себе параллели во всех шести былинах. В результате находим, что большинство формул во всех былинах (в тех, где они встречаются) совпадают почти буквально, в другой, меньшей части формул, буквально совпадения нет, но близость их во всех былинах несомненна. Формул, которые бы в одних былинах имели один вид, а в других — другой, нам не встретилось. Все это, как нам кажется, является убедительным доказательством того, что все шесть былин, записанных священником И. Розановым в с. Зимней Золотице, — одного сказителя.

Обратимся теперь ко второй части вопроса — записаны ли они, как предполагает А. В. Марков, от сказителя Ф. Пономарева.

Поскольку ни одного сюжета, записанного от Пономарева Розановым, Марков не записал, то опять же единственным способом выяснения нашего вопроса является сопоставление типических формул. Начнем с фор-

мулы *пира*. Она использована Пономарёвым только в былине об Алеше и сестре Збродовичей (Марк., стр. 476):

Да во славном во городи во Киеви,
А у ласкова князя у Владимира
Заводилася пирушочька, почесен пир
Шьто на многия кнезьей, на думных бояров,
Шьто на руських могучих на богатырей,
Шьто на тих полениц на преудалыя,
Шьто на тих жа на казаков на задоньския,
Шьто на тех жа бурлаков на московския
И на тех на кресьян на прожиточня.

Как видим, формула пира у Пономарева с формулой пира неизвестного нам сказителя ничего общего не имеет (см. стр. 110). К формуле пира не было близкой параллели и у других сказителей.

Формула хвастовства.

«Алеша и сестра Збродовичей» (Марк., стр. 476):

Ишше все на пиру-ту да напиваючись,
Ишше на пиру-ту да наедаючись, —
Ишше все ведь на пиру-ту да приросхвастались:
Шьто иной-от сидит хвастаё золотой казной,
Шьто иной-от сидит хвастат широким двором,
Шьто иной-от сидит хвастаёт добрым конем,
Сидит глупой-о хвастае молодой женой,
Неразумной-о хвастаё родной сестрой.

Если пренебречь качеством записей Маркова и Розанова (последний записывал под диктовку, а поэтому и сам сказитель опускал нужные во время пения дополнительные частицы), то это формула Пономарева целиком совпадает с формулой неизвестного сказителя в былине о Дунае.

Поведение Владимира на пиру.

«Алеша и сестра Збродовичей» (Марк., стр. 476):

Да Владимир-кнезь по гривнюшки похаживает,
Он жолтыми кудерцями сам натрясывает,
Ишше сам говорит он таково слово.

Эта формула Пономарева почти совпадает с формулой неизвестного сказителя в былине о Соломане. У других золотицких сказителей эта формула отличается от

формулы неизвестного сказителя большей степенью удаленности.

Затворничество невесты (Марк., стр. 477):

А сидит она у нас да в задьней горьниці,
Шьтобы лишняя люди ею не заздрили,
Шьтобы красное солнышко ю не запекло.

Эта формула Пономарева также близка к формуле неизвестного сказителя (см. стр. 119): определение людей эпитетом «лишние» (у А. Крюковой — «добрые»), действие обозначено глаголом «зазрить» (у Крюковой — «увидеть»).

Въезд во двор.

«Камское побоище» (Марк., стр. 479):

И мечё он коня сам среди двора,
Не привязана мечёт д'не приказана,
Не росседлана мечет да не розузdana.

Эта формула очень близка к формуле неизвестного сказителя в былине «Дунай» (см. стр. 116), у других золотницких сказителей она имеет существенные различия (см., например, формулу Г. Крюкова, стр. 117).

Вход в гридню.

«Камское побоище» (Марк., стр. 479):

Сам идет тогды во-в гирию-ту княженевьскую,
Отпирает Васька двери-ту на пятау,
А не кстит он своего-та личя черново,
Ея кладет ёрлыки эти на дубовый стол.

У неизвестного сказителя к этой формуле близка формула в былине о Соломоне (см. стр. 117). Отличия — в своеобразии содержания и качестве записей.

Избивание врага.

«Камское побоище» (Марк., стр. 483):

Поезжайте-тко во силу-орду неверьную,
Ай рубите-тко все старого и малого,
Не оставлейте единого на семяна.

Хотя эта формула и отличается от формулы золотицких сказителей, но говорить об общности ее с формулой неизвестного сказителя можно лишь предположительно (одинаково, в частности, синтаксическое построение фраз).

Возмущение.

«Камское побоище» (Марк., стр. 484—485):

У Илеюшки сѣрдечушко розѣрилося,
Ай гореча-та кровь да росъкипеласе,
Ай могучи ёго плечи росходилисе,
Лепѣта во лицѣ перемениласе.

Из всех золотицких сказителей эта формула Пономарева ближе всего к формуле неизвестного сказителя (см. стр. 119—120).

Единоборство.

«Камское побоище» (Марк., стр. 487—488):

Ише съехались они тогды да по перьвой раз,
Ай ударились они балецами да боёвыми;
Только палеци в руках у их поломались,
Они друг-то дружки сами они не ранили,
Ише не дали они раны к ретиву сердцу.
Да как съехались богатыри во-во второй након,
Ай ударили они саблеми-ти вострыма;
Ише друг-то дружки сами они не ранили,
Ише не дали ранушки к ретиву сердцу;
Только сабли-ти в руках у их пошорбалисе.
Да как съехались богатыри во третей након,
Ай ударились-ти копьеми бурзуменьскими;
Они друг-то дружки сами они не ранили,
Они не дали ранушки к ретиву сердцу;
Только копыцца в чинегалишшах свернулисе.
Да скакали через гривы-ти лошадиныя
Да схватилисе богатыри и большим боём,
Да большим они боём сами рукопашосыним,
Да по божьею было всё да по милосъти,
По Илеюшкиной было ёго по учесъти:
Подъвернулася у молодца-та ножка правая,
Ай ослабла у его тогды рука левая;
Ише падал тогды молодець на сыру землю,
Да Илеюшка-та сел к ёму на белы груди.

Приведем для сравнения близкую по тексту к формуле Пономарева формулу золотицкого сказителя Ф. Са-

дунова (в былинне «Илья и Добрыня», Марк., стр. 538—539):

Они съехались богатыри во чистом поли,
Да ударились богатыри пальчѣми-ти;
Ише друг дружки богатыри не ранили.
Да во второй-от раз они да съехались,
Да ударились они сабелькеми-ти вострыма;
Ише друг друга богатыри не ранили,
Пошербались у богатырей востры сабельки.
Ише съехались богатыри во третей након,
Да скакали богатыри через коничков,
Да схватились богатыри боротисе;
По коленямь-то в землю-ту втопталисѣ.
Да по божьей-то всё было по милосѣти,
По Добрыниной-то всё было по учесѣти:
Да сдала у Илеюшки лева ножечка,
Да сдала у Илеюшки права ручушка;
Ише пал-то Илеюшка на сыру землю,
А Добрынюшка пал да на белы груди.

Как видим, формула Пономарева все же ближе к формуле неизвестного сказителя (см. стр. 122—123), хотя она и более детализирована, эпитеты некоторых существительных иные, но ее общая структура, построение во многом все же совпадают.

Опрос имени.

«Камское побоище» (Марк., стр. 488):

1. Ты скажись-ко-се, дороднѣй ты доброй молодець,
2. Уж ты коѣго жа города и какой земли,
3. Ай какого сын отца ты да какой матери?
4. Ишше как ты, молодець, всё да именѣм зовут,
5. Ишше как молодца звеличают по отечеству?

Приведем формулу неизвестного сказителя (Т.—М., стр. 62), поскольку раньше мы ее не приводили, так как встретилаь она только в одной былинне — «Илья и Дунай»:

1. Ты коего города, коей земли?
2. Тебя, как, молодца, именем зовут?

Приведем для сравнения формулу золотицкого сказителя И. Прыгунова (Марк., стр. 539):

Уж ты вой еси, дороднѣй доброй молодець!
Уж ты коѣго города, коѣй земли,
Ты какого отца да какой матери?

Опять же нужно признать, что общее построение формулы Пономарева ближе к формуле неизвестного сказителя (4-я строка у Пономарева совпадает со 2-й строкой неизвестного сказителя).

Формула ответа.

«Камское побоище» (Марк., стр. 488):

Ай сидел кабы ведь у тя на белых грудях,
Не спросил бы я ни родины и не вотчины,
Ай спорол бы я тебе груди белыя,
Досмотрил бы я твоёго ретива сердца.

Формула неизвестного сказителя (Т.—М., стр. 62):

Кабы был я у тя на белых грудях,
Не спросил я у тя ни про родину,
Спорол бы у тебя белы груди.

Приведем для сравнения формулу сказителя И. Прыгунова (Марк., стр. 539):

Я сидел бы у тибя да на белых грудях,
Я не спрашивал бы у тибя да роду-племени,
Я спорол бы у тибя да груди белыя,
Досмотрил бы у тибя да ретиво сердцо.

Если учесть качество записей былин собирателями, то следует признать большое, почти буквальное сходство формулы Пономарева и неизвестного сказителя.

Таковы основные формулы, встречающиеся в былинах Пономарева и неизвестного сказителя. На основании сопоставления этих формул с большой долей вероятности можно заключить, что опубликованные И. Розановым былины записаны от сказителя Ф. Пономарева.

Сопоставление былин записей разного времени одного сказителя показывает, что творчество сказителя не остается окаменелым: сказитель вбирает опыт своих соотечественников (например, Пономарев совершенно изменил формулу пира и она стала ближе к формуле других золотичских сказителей). Однако, как это показывает опыт Пономарева, восприняв былинку, усвоив ее, сказитель сохраняет ее общий контур, общие очертания на всю свою жизнь. Должно быть, этим фактом и следует объяснить то, что былины, пройдя через столетия, сохранили до нашего времени многие черты далекого прошлого.

Таким образом, пример анализа общих мест былин, записанных И. Розановым, показывает, что если все общие места различных былин совпадают, то эти былины принадлежат одному сказителю.

Приведем еще пример для подтверждения этого вывода. А. Е. Грузинский, переиздавая сборник былин П. Н. Рыбникова, решил расположить в нем былины не по сюжетам, как было в первом издании, а по сказителям. При отнесении былин к тому или иному сказителю он руководствовался в основном показаниями собирателя (в «Заметке») и сличением текстов былин собирателей.

Так, обосновывая прикрепление неизвестных былин Федотову (Дутикову), Грузинский писал: «Из 7 былин, записанных Рыбниковым у своего «Федотова», только две («Илья и Идолище» и «Садко») совпадают с гильфердинговскими, но мы попробовали сравнить «федотовский» репертуар с записями Гильфердинга у Домны Суриковой из той же дер. Конды, научившейся былинам от того же Конона с Зяблых Нив; в результате оказалось близкое сходство еще трех былин»³.

Возьмем одну из этих былин («Дюк») и проверим, правильно ли А. Е. Грузинский прикрепил ее к Федотову-Дутикову?

Сопоставим типические места этой былины с типическими местами былин Дутиева в записи Гильфердинга.

Охота.

(Рыбн., I, стр. 356):

И пошел-то Дюк Степанович по заводям,
По заводям да ведь по зарекам,
И стрелял гуся и лебедя
И пернастых серых утушек.

Формула охоты у Дутиева:

«Илья и Идолище» (Гф., II, стр. 445):

Как ездил-Илья Муромец во чистом поле,
Во чистом поле ездил за охотою,
Стрелял Илья гусей да лебедей,
Стрелял малых перелетных серых утушек

³ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2, т. I. М., 1909, стр. 347—348.

«Королевичи из Крякова» (Гф., II, стр. 457):

Езди поляница удалая,
Федор Петрович, княжнецкий сын,
Во чистом поли за охвотою:
Стрелял гусей да лебедей,
Малых перелетных серых уток.

Формула охоты у Дутикова в записи Гильфердинга довольно устойчива: богатырь охотится в обоих былинах в чистом поле, утушки всюду сохраняют эпитеты «перелетные серые», охота именуются «охвотою» и т. п. Трудно допустить, чтобы формула в былинах «Дюк» неизвестного сказителя (пока так будем его именовать) принадлежала Дутикову, но, как это часто бывает со сказителями, в разных былинах они иногда могут употреблять разные формулы. Приведем для сравнения формулу других сказителей. Наиболее близкую параллель к формуле неизвестного сказителя находим у С. Корнилова (Гф., II, стр. 280):

Он⁴ поехал тут по зарекам да ведь по заводам,
Он стрелял тут гусей, лебедей
Да й пернастых серых утушек.

Формула Корнилова почти буквально совпадает с формулой неизвестного сказителя. Пока воздержимся от выводов и сопоставим другие типические места.

Седлание коня.

(Рыбн., I, стр. 357):

И тут-то пошел Дюк Степанович
По дворам да по конюшенкам,
Выбирал себе коня по разуму
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости-то богатырския;
И выбрал-то коня бурушка-кавурушка,
Маленького бурушка и косматенького,
И одевал-то он уздичу тесмяную,
И кладывал-то мустук золоченый,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости богатырския.
И он встегал тут пряжки-ты серебряны,
И вдергивал он иглы золоченыя,
Не для красы-басы молодецкия,
А для крепости богатырския.

⁴ Сокольник. — П. У.

Формула Дутикова (Гф., II, стр. 450):

А и тут Добрынюшко Микитинич
Седлал он своего добра коня,
На добра коня кладывал потнички,
На потнички войлочки,
На войлочки седелочко черкацкое,
Двенадцать подпружков подтягивал
Шелку да шемуханского,
Не ради красы-басы, убожества,
А для ради закрепы богатырския.

Опять же удивительное несоответствие формул! Приведем для сравнения формулу С. Корнилова, которая находится в наибольшей близости к формуле неизвестного сказителя (Гф., II, стр. 285—286):

Тут пошел-то Дюк Степанович
По дворам-то по конюшенкам,
По дворам да по конюшенкам
Избирать себе коня да ведь по разуму;
Он выбирал-то коня себе по разуму,
Бурушка маленького и косматенкого.
Он надел-то ведь уздицу-то тесмянную,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския;
Он кладет-то ведь седельшко черкасское,
А не для красы-басы молодецкия,
А для крепости да богатырския.

За исключением некоторых деталей, совпадение формул неизвестного сказителя и С. Корнилова почти буквальное.

Формула отъезда

(Рыбн., I, стр. 358):

Видели доброго молодца сядучись,
А не видали доброго молодца поедучись,
Столько видят, что в поле кудельба стоит.

Формула Дутикова

(Гф., II, стр. 450):

Вид'ли добрых коней седучись,
А не вид'ли поедучись.
Не путем поехали дорожкой,
А прямо через стену городовую,
Одна куревка в чистом поли стоит
От тех копыт да лошадиных,

Видели добра молодца сядучись,
А не видели добра молодца поедучись,
Только видят, что в поли кудельба стоит,
А под Дюком-то конь как стрела летит.

Заметим, что слово «кудельба» встретилось только у одного Корнилова и повторяется им настойчиво (см., например, Гф., II, стр. 293 и др.).

Вход в грядню.

(Рыбн., I, стр. 360):

И он приходит тут во церковь соборную,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На все стороны поклоняется,
Князю Владимиру в особину.

Дутиков (Гф., II, стр. 447):

Проходит калека во высок терем,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
Здравствует князя со княгиною.

Корнилов (Гф., II, стр. 290):

Придет-то в церковь во соборную,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому,
На вси стороны да поклоняется.

Близость этой формулы у неизвестного сказителя и С. Корнилова очевидна.

Опрос имени.

(Рыбн., I, стр. 359):

Ты скажи-тко, удалый добрый молодец,
Из какой земли, да из какой орды,
Куда едешь, куда путь держишь,
Как тебя зовут по имени и по отчеству?

Скажись-ко, татарин поганный,
Коей земли и коей орды,
Тебя как зовут по имени,
Называть тебя по отчеству?

Корнилов (Гф., II, стр. 287):

Ты скажи-ко ведь удалой доброй молодец,
Из какой земли, да из какой орды,
Куда едешь, куда путь держишь,
А как тебя зовут?

Близость формул неизвестного сказителя и С. Корнилова очевидна.

Таким образом, из всех формул, которые встречаются в былине «Дюк» и в былинах Дутикова (в записи Гильфердинга), нет ни одной, которые были бы в близости между собой, но в то же время все формулы неизвестного сказителя почти буквально совпадают с формулами сказителя Корнилова.

Былина о Дюке от Корнилова была записана А. Ф. Гильфердингом. Если сопоставить ее с нашей былиной, то увидим, что она во многом совпадает с былиной Корнилова. Однако, как можно установить из сопоставления былин Корнилова в записях Рыбникова и Гильфердинга, Корнилов принадлежит к сказителям-рассказчикам, твердого текста своих былин не создает, одни и те же эпизоды рассказывает то подробно, то сжато (ср., например, его былину «Илья и Сокольник» в обеих записях), эпизоды меняет местами. Былину о Дюке он уже не мог припомнить до конца и в записи Гильфердинга она осталась незаконченной. Общая же схема сюжета этой былины Корнилова и былины неизвестного сказителя совпадают. Все это дает основание заключить, что былина о Дюке, записанная Рыбниковым, принадлежит именно Корнилову, а не Дутикову, как ее по ошибке зачислил за ним А. Е. Грузинский. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить типические формулы этой былины в записи Рыбникова и Гильфердинга. Не будем приводить все их, а сопоставим только одну наиболее характерную формулу.

Он берет свой тугой лук
И еще берет тридцать три стрелы:
Тридцать стрел каленных
И три стрелы золоченных,
Золоченных и перьями сажонных.
А перьями сажены орловыма,
Не того орла, который летает во чистом поле,
А того орла, который на синем море;
Сидит-то орел на камени,
На тоем на камени на латыре; —
Аще тот орел сворохнется,
Сине морюшко сколыблется,
А в деревнях петухи вспоют;
Тут ездят гости корабельщики,
И берут-то перья орловыя,
И привозят их во подарочках.

Запись Гильфердинга (Гф., II, стр. 284—285):

Он берет себи свой тугой лук
Да еще берет он тридцать три стрелы каленных,
А тридцать-то каленных а три-то золоченных,
Он ходил-то по зяреки да и по зяводи,
И стрелял-то гусей, лебедей.
Росстрелял он тридцать три стрелы,
Не попал он ни в единую:
— Мне не жалко тридцати-то стрел,
А только жалко мне-ка трех-то стрел:
Эти три стрелы да ведь каленны,
Оны вси да золочены,
И перьями сажонны,
Оны перьями орловыма,
Не того орла, который ведь летает во чистом поли,
А того орла, который сидит на мори,
На мори сидит на камени;
А 'ще тот орел сворохнется,
Сине морюшко сколыблется,
А в деревнях петухи споют;
Тут ездят гости корабельщики,
Обирают перья-ты орловыя,
Оны привозят к моей матушке,
Емельфе Тимофеевной.

Гильфердингу Корнилов спел это место несколько иначе (например, он включил сюда формулу охоты, тогда, как Рыбникову он пропел ее после этой формулы), но общие контуры ее и детали совпадают дословно. У других сказителей даже близкой параллели к этой формуле нам не встретилось (у Д. Суриковой, на кото-

рую ссылается А. Е. Грузинский, этой формулы нет, как нет и былин о Дюке).

Следовательно, былину о Дюке, записанную Рыбниковым, зачислять за Дутиковым у Грузинского не было никаких оснований, в то же время у него были все основания зачислить ее за Корниловым.

К сожалению, подобные ошибки, допущенные Грузинским при переиздании сборника Рыбникова, не единичны. Иногда же Грузинский поступал слишком осторожно и былины, автор-сказитель которых может быть точно установлен, относил в разряд безыменных. Приведем только один пример.

Возьмем безыменную былину о Василии Игнатьеве (Рыбн., II, стр. 684). Не будем производить сопоставлений всех типических мест этой былины, а сравним только следующее, весьма характерное, место:

Из-под той с-под восточния сторонушки
Наедет Батыга Батыгович,
Со сыном со Батыгом Батыговичем,
Со зятем Тараканчиком Корабликовым,
Наезжает с дьячком да выдумщиком.
У Батыги силы сорок тысящей,
У сына силы сорок тысящей,
У зятюшки силы сорок тысящей,
У дьячка-то силы сорок тысящей.
Обступили округ Киева кругом, кругом, кругом:
Соколу лететь на меженный день,
Маленькой птичке не пролететь.

Сравним это место в былине И. Фепопова (Рыбн., II, стр. 499—500):

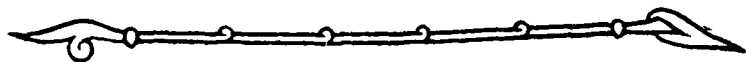
Из-под той с-под восточния сторонушки
Наедет Батыга Батыгович
Со сыном со Батыгом Батыговичем,
Со зятем Тараканчиком Корабликовым,
Наезжает с дьячком да выдумщиком,
У Батыги силы сорок тысящей,
У сына силы сорок тысящей,
У зятюшки силы сорок тысящей,
У дьячка-то силы сорок тысящей.
Обступили округ Киева, кругом, кругом, кругом:
Соколу лететь на меженный день,
Маленькой птичке не пролететь.

В такой же близости находится и большинство других мест былин,

Хотя безыменная былина записана в д. Большой Двор Песчанской волости Пудожского уезда, а Фепонов — житель д. Мелентьевской Купецкой волости Пудожского уезда, но то, что обе былины принадлежат Фепонову, вряд ли может вызвать сомнение: такая близость типических мест возможна только у одного сказителя. Фепонов — слепой, кормился подаянием, поэтому переходил из одного села в другое, и в другом месте могла быть произведена от него повторная запись (возможно, и не самим Рыбниковым, тем более, что лично ему Фепонов не соглашался петь былины).

При новом переиздании сборника Рыбникова должна быть произведена тщательная текстологическая работа.

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Если общие места различных былин близки, но точного совпадения нет (а некоторые места могут вообще различаться), то это значит, что былины принадлежат к одной былинной традиции (школе).

Приведем любопытный пример.

В журнале «Москвитянин» за 1851 г., ч. 6, кн. 2, Костровым была напечатана былина о Ставре. Академики Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер перепечатали ее в своем сборнике «Былины старой и новой записи» со следующим примечанием: «Несмотря на заявление кн. Кострова, что былина записана дословно, в ней заметны некоторые литературные подправки»¹.

Заинтересовавшись былиной Кострова, мы решили выяснить, в какой же местности была она записана. Результат оказался неожиданным. Приступим к анализу былины. Сличим ее типические формулы.

Пир.

(Т. — М., стр. 197):

Как во славном было во городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Уж как было пированье, почетный пир,
Уж как было столованье, почетный стол,
Про многих про князей, про бояринов,
Про могучих богатырей свету-русских,
Да про всю поленицу удалую.

¹ Русские былины старой и новой записи. Под редакцией Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отдел второй, стр. 204.

Из всех сказителей (всех сборников былин) ближе всего эта формула примыкает к формуле Кирши Данилова (К. Д., стр. 90) приведем ее:

Во стольном было городе во Киеве,
У ласкова асударь-князя Владимира
Было пированье, почестной пир,
Было столованье, почестной стол
На многи князи и бояра
И на русския могучия богатыри,
И гости богатыея.

Только в былине Кирши Данилова и в рассматриваемой нами былине пир назван «пированьем — почестным пиром, столованьем — почетным столом».

Время пира

(Т. — М., стр. 197):

А и был уж пир во полу-пиру.

Пир обозначен «полупиром» обычно только у печорских сказителей, но формула в целом у них относительно развернута.

Е. Рочев (Онч., стр. 161):

А как пир-от идет у их полупира,
А как стол-от идет у их полустола,
Кабы день-от идет у их ко вечеру,
А бы солнышко катитсе ко западу.

Формула входа в гридню.

(Т. — М., стр. 197):

Он вступает во палаты белы-каменные,
Он крест-то кладет да по-писанному,
Он поклоны-то ведет по-ученому;
Он кланяется да покланяется
На все на четыре сторонушки,
А Владимиру князю на особицу.

Этой формулы у Кирши Данилова нет ни в одной былине, но она относительно близка к формуле повенецких сказителей. Приведем для сопоставления формулу Калинина.
(Гф. I., стр. 115):

Зашел же во полаты белокаменны,
Крест кладет да по-писаному,
А поклон ведет да по-ученому,

Бьет челом да покланяется
А на всих же на четыре на сторонушки,
Князю со княгинушкой в особину.

Формула хвастовства.

(Т.—М., стр. 197):

Как до сыта бояре наедались,
Как до пьяна бояре напивались,
Промеж собою они расхвастались.
Хвастались бояре градом Киевом,
Хвастались бояре златом, серебром,
Еще хвастались бояре скатным жемчугом.

У Кириши Данилова этой формулы нет, относительно близка же к ней формула из былины, записанной на Пинеге Н. Борисовым в 1844 году и доставленной В. И. Далем П. В. Киреевскому.

(Кир., III, стр. 52):

И все на пиру напивались,
Все на пиру наедались,
Все князья и бояра,
И сильные могучие богатыри,
И все поляницы удалыя;
Все они пьяны-веселы,
Все они промеж собой порасхвастались:
Первой князь хвалился чистым серебром,
Второй князь хвалился красным золотом,
Третей князь хвалился скатным жемчугом.

Терем.

(Т.—М., 197—198):

А что это за ограда во Кieve
У ласкового князя Владимира?
У меня-ли, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Кieва:
Он строен у меня на семи верстах,
Светлы светлицы дуба белого,
Покрыты светлицы седым бобром,
Потолок в светлицах черных соболей,
Пол-середа чиста серебра, —
Крючья пробои по булату злачены.

Эта формула целиком совпадает с формулой Кириши Данилова (за исключением замены некоторых слов).

Что это за крепость во Киеве,
У великого князя Владимира
У меня-де, Ставра-боярина,
Широкий двор не хуже города Киева,
А двор у меня на семи верстах,
А гридни-светлицы белодубовы,
Покрыты гридни седых бобров,
Потолок во гриднях черных соболей,
Пол-середа одного серебра,
Крюки да пробой по булату злачены.

Для представления об этой формуле у других сказителей
приведем формулу сказителя М. Тряпицына.

(Гф., III, стр. 298—299):

Двор у Дюка на семи верстах,
Да кругом двора да все булатный тын,
Столбики были точеные,
Да точеные да золоченые,
Да на каждом столбичку по маковки,
Маковки-ты были медные,
Дорогою меди все казарские,
Да пекут лучи да солннопечные,
По тому по городу по Галице,
Да по той Волын-земли богатые.
Да еще у Дюка у Степанова
Ворота были вольячные,
Подворотенки хрустальные,
Надворотенки да дорог рыбей зуб,
Да еще у Дюка у Степанова
Над воротами да над широкима,
Да стоя у Дюка чудны образы,
Да горя свечи неугасимые.

Портрет красавицы.

(Т. — М., стр. 198):

1. Она ростом, дородством дороднее всех,
2. Красотою, лепотою она краше всех,
3. Ее белое лицо, словно белый снег,
4. Ее черные брови, как у соболя,
5. Ее ясные очи, как у сокола;
6. У ней ягодицы, словно маков цвет²
7. А пальцы на ручках тонешеньки.

² Последние две строки оторваны от формулы портрета и даны позднее на стр. 201 (ук. сб.).

За исключением добавлений строк 1, 2 и 7 и эта формула буквальный слепок с формулы Кирши Данилова из былины «О женитьбе князя Владимира» (К. Д., стр. 68):

Ее белое лице, как бы белой снег,
И ягодицы, как бы маков цвет,
А и черные брови как соболи,
А и ясные очи как бы у сокола.

Заметим, что портрет красавицы в былинах о Ставре никогда не дается.

Качества красавицы, о которых сообщается в строках 1, 2, и в особенности в 7-й, не отмечены ни в одной народной былине. То, что они выдуманы самим Костровым очевидно. То, что формула Кострова списана у Кирши Данилова, станет очевидным, если сопоставить ее с формулой других сказителей (См., например, формулу И. Чупова (Гр., III, стр. 363):

Красотой бы красна и ростом висока,
А лицё-то у ей да ровно белой снег,
У ей ягодницы как-будьто алой цвет,
Очи ясны у ей как у ясна сокола,
Брови черны у ей как у черна соболя,
А ресницы у ей как два чистых бобра,
А походочка у ей была павиная,
А тиха-смирна бы рець лебединая.

Приказ заключить Ставра.

(Т.—М., стр. 198):

Посадите-ко в подвалы глубокие,
Заприте-ко дверями железными,
Замкните-ко замками булатными,
Замечите-ко песками рудо-желтыми.

Это место былины также взято из Кирши Данилова, где оно изложено в третьем лице (К. Д., стр. 91):

Посадить ево в погребы глубокия,
Затворять дверями железными,
Запирать накрепко замками булатными.

Близкого места к этому в других былинах о Ставре нет.

(Т. — М., стр. 199):

Надевает на себя кудри черные,
А на ноги сапоги зелен сафьян;
Подпоясывает палицу тяжелую,
Да подстегивает свой тугой лук,
Что тугой свой лук ведь разрывчатый,
Называется она грозным послом
Из дальних земли Золотой орды.

(К. Д. стр. 92):

Скидала с себя волосы женския,
Надевала кудри черныя,
А на ноги сапоги зелен сафьян;
И надевала платье богато,
Богатое платье посольское.
И называлась грозным послом,
Грозным послом Васильем Ивановичем.

Непонятно, как в тексте Кострова посол подпоясывается палицей железною.

Не будем далее выписывать все типические места былины, а сопоставим некоторую часть былины Кострова и Кириши Данилова.

Былина Кириши Данилова:

И поехала с великою свитою
Ко городу Киеву.
Половину дороженьки
проехали,
И встречу ей из Киева грозен
посол:
Тут они съехались, послы,
поздоровались,
Как послы послуются,
Оне ручки об ручку целуются.
Стал-де из Киева спрашивает
посол:
— А и гой вы еси, удалы
добры молодцы!
Куда вы едете и куда бог
несет?
И взговорят ему, послу,
таковы слова:
— А и едем мы из дальней
орды, Золотой земли,

Былина Кострова:

Что не темная туча подымалася
Что не вихри по полю повеяли
Подымалася Ставрова молода
жена
Со своею свитою великою
Ко славному городу ко
Киеву.—
Половину дороженьки
проехали;
Тут навстречу из Киева грозен
посол
От славного князя Владимира.
Они слезли, сошли с добрых
коней,
Разбивали в чистом поле
полотнян шатер,
Как послы они поцеловались,
По три раза они поцеловались,

От грозна короля Етмануйла
Етмануйловича
Ко городу ко Киеву,
Ко великому князю Владимиру,

Брать с него дани-невыплаты,
Не много, не мало — за
двенадцать лет,
За всякой год по три тысячи.—

Из Киева посол позадумался,
А и единое словечко
повыговорит:
— Я-де из Киева грозен посол,

Еду-де я ко Ставру-боярину
Двор его запечатати,

А ево молодую жену в Киев
взять.—
Отвечают тут удалы добры
молодцы:

— Прежде у нас тот был
постоялой двор,
Ноне заезжали — в дому нет
никого,
Молода ево жена убиралася

В дальну орду, Золоту
землю.—

А после того сядились за
дубовый стол,
За скатерти браные шелковые,
За питья, за ествы за
сахарные.
Тут спрашивал из Киева
грозен посол:

— Ой гой еси, удалые добры
молодцы!

Вы куда едете, куда бог
несет?
Отвечает послу таковы слова

Молодая Василиса
Васильевна:
— А мы едем из орды,
золотой земли,

От грозного царя, хана
Крымского,

Ко славному городу ко Киеву,
К великому князю Владимиру,
Брать с него дани, невыходы,
Еще те ли пошщины великие,

Ни много, ни мало за
двенадцать лет,
За каждый год по две тысячи.
Из Киева посол призадумался,
Призадумался он,

прикручинился,
Поговаривает он таковы
слова:

— А я де из Киева грозен
посол,
Еду ко Ставру-боярину
Опечатать его широкий двор
И привести его молодую жену
Ко великому князю Владимиру.
Отвечает Василиса

Васильевна:
— Как езжали мы преж из
Золотой орды,
Во дворе Ставра боярина

Останавливались на перепутин;

А ноне заезжали — двери
заперты;
Знать боярин Ставр с молодой
женой
Снарядился по гостям гостить.

И т. д. — все в том же духе. Явная фальсификация налицо. Приемы Кострова были слишком примитивны. Взял за основу былину о Ставре из сб. Кириши Данилова и в начале до неузнаваемости, хотя и нелепо, искажил ее, взяв эпизоды из других былин Кириши Данилова и, возможно, из рукописей П. В. Киреевского, включил их в контекст своей «былины», а начиная примерно с конца первой четверти «былины», он пересказал ее содержание почти с буквальной точностью.

* * *

В сборнике Тихонравова и Миллера опубликован ряд былин, записанных «крестьянином Кижской волости Олонецкой губернии Иваном Касьяновым... и доставлены им И. Русс. Географ. Обществу, которое позволило нам воспользоваться записью Касьянова»³, — сообщали издатели. На одной из таких записей Касьянова — былине об Астоверсте Гординовиче — Ставре Гоудиновиче мы и остановимся.

Попытаемся на основе сопоставлений общих мест выяснить, где и от кого записана былина.

Пир.

(Т. — М., стр. 207):

Во славном было городе во Киеве,
У ласкового князя у Владимира,
Заводился у Владимира почесной пир
На многих князей, на бояров,
На славных могучих богатырей,
На всех палениц на удалых,
И на всех гостей приходящих.

Из всех сказителей эта формула ближе всего соприкасается с формулой А. Чукова (Гф., II, стр. 495):

³ Русские былины старой и новой записи. Отдел второй, стр. 48.

Во стольном было городе во Киеви,
 Да у ласкова князя Владимира,
 Было пированьице почестной пир
 А на многих князей да на бояров,
 Да на всех тых гостей званых-браных,
 Званых-браных, гостей приходящих.

Из других сказителей только у Н. Прохорова (Гф., № 40) на пиру у князя присутствуют «гости приходящие», но его формула по своему словесному оформлению слишком далеко отстоит от формулы Касьянова.

Время пира.

(Т. — М., стр. 207):

Как пир идет у них навеселе,
 А день идет ко вечеру,
 Красно солнышко идет да ко западу.

Эта формула близка к формуле кенозерских сказителей, хотя совершенно сходной во всем формулы нам не встретилось (ср., например, формулу Н. Кукшинова, Гф., III, стр. 328)

Долог день идё ко вечеру,
 Красное солнышко ко западу,
 Почестные пир идё навесели.

Хвастовство.

(Т. — М., стр. 208):

Как все на пиру напивались,
 А и все на пиру наедались,
 И все на пиру пьяны и веселы сидят,
 Да и все на пиру поросхвастались.
 Идной хвастал золотой казной,
 Идной хвастал добрым конем,
 Идной хвастал шолковым платком,
 А умной хвастал отцом-матерью,
 А безумной хвастал молодой женой.

Опять же эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Гф., II, стр. 495):

Вси-то на пиру да наедались,
 Вси-то на честном да напивались,
 Вси на пиру да порасхвастались:
 Иный хвалится есть молодец добрым конем,

Иный хвастает да шелковым портом,
Иный хвалит села со приселками,
Иный хвалит города да с пригородками.
Богатый хвастат золотой казной,
Умный хвастат родной матушкой,
А безумный хвалится молодой женой.

Зависимость формулы Касьянова от формулы А. Чукова очевидна: кое-что он убрал, кое-что добавил, кое-что изменил (например, нам ни разу не встретилась форма «идный» вместо «иной» или «один» и похвальба «платком»).

Обращение Владимира к Ставру и ответ его.

(Т. — М., стр. 208):

«Ай же, Астоверст да сын Гординович!
Что же ты ни ешь, ни пьешь и ничем не хвастаешь?
Разве нету у тебя роду-племени,
И нету у тебя добрых коней неезженных,
И нету у тебя золотой казны,
Или нету у тебя молодой жены похвальной?»
Тут проговорил Астоверст да сын Гординович:
«Есть у меня золотой казны по надобью,
Да есть у меня добрых коней неезженных,
И есть у меня шелковых платков недержанных,
Да и есть у меня молода жена похвальная
Настасья Никулична».

Это опять же перефразированное место из былины Чукова
(Гф., II, стр. 495—496):

— Ах ты эй, Ставёр да сын Годинович!
Приехал ты из земли ляховицкия,
Ты сам сидишь, да ты не хвастаешь.
Аль нету у тебя да золотой казны?
Аль нету у тебя да добрых комоней?
Аль нету сёл со приселками?
Аль нету городов да с пригородками?
Аль не славна твоя да родна матушка?
Аль не хороша твоя да молода жена?

Сопоставим следующее место из сравниваемых былин.

Касьянов (Т. — М., стр. 209):

А сама пошла во цырульную,
Остригла волосы по-мужески,
Одевалась в платье богатырское,
Соберала силушки хороброей

И отправлялась ко городу ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру.
 И не доехавши до города до Киева
 Роскинула полатки тканьевые
 И оставляла часовые свои присмотры,
 И отпралялась ко князю ко Владимиру
 На его любезная дочери посвататься.
 И заходит она в полаты княженицкие,
 Крест кладет по-писаному,
 И поклон ведет да по-ученому
 На все на четыре стороны,
 А князю Владимиру да в особину.
 — Вы здравствуйте, Владимир князь стольно-киевский,
 Со своей-ли вы княгиней со Апраксией
 И со своей-то вы любимой семьей! —
 И тут проговорил Владимир князь стольно-киевский:
 — Ай же ты, удалой доброй молодец!
 Ты коей орды да ты коей земли?
 Да и как тебя именем зовут
 И нарекают тебя да по отчеству? —

Чуков (Гф., II, стр. 497):

Скорешенько бежала она к фершелам,
 Подрубила волосы по молодецки,
 Накрутилася Васильем Никуличем,
 Брала дружинишки хоробрыя,
 Сорок молодцев удалых стрельцов
 И сорок молодцев удалых борцов,
 Поехала коо граду ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру,
 Не доедучи доо града до Киева
 Пороздернула она хорош бел шатер,
 Да й оставила дружину у бела шатра.
 Сама поехала коо граду ко Киеву,
 Ко ласковому князю ко Владимиру.
 Приходит во палаты белокаменны,
 Она крест кладет да по-писаному,
 Поклон ведет да по-ученому,
 Она бьет челом да поклоняется
 На все три, четыре на стороны,
 Солнышку Владимиру в особину:
 — Здравствуй, солнышко Владимир стольнѣ-киевской!
 С молодой княгиней со Опраксией!
 — Ты откуда естъ; удалый добрый молодец,
 Ты коей орды, ты коей земли,
 Как тебя именѣм зовут,
 Нарекают тебѣ по отчеству?

Искусственность сочинения Касьянова выдает всюду
 использованная им форма обращения на «Вы», что в на-
 родных былинах вовсе не имеет места.

Еще сопоставим общие места:

Приметы женщин.

Т. — М., стр. 210):

— Ай же ты, родитель мой батюшко!
У тебя-то что есть да на разуми?
Не отдавай-ко ты девчину за женщину,
Будет нам обеим с тоски умереть.
Мне как видится, что по походочки
То он будто женщина,
И речь-поговоря у него все по-женьскому;
Его перстаки тонешеньки все по-женьскому;
Где жуковинья были, тут место знать;
Она стегна жмет, все добра бережет.

Чуков (Гф., II, стр. 499):

— Ты эй государь мой родной батюшка!
Что у тебя теперь на розуми?
Отдавашь девчину сам за женщину.
Ричь-поговоры всё по-женскому,
Пельки мяконьки все по-женскому,
Перецки тоненьки все по-женскому.
Где жуковинья-ты были, да то место знать.

Зависимость этой формулы Касьянова от Чукова очевидна, в особенности это станет ясным если сопоставить ее с формулой других сказителей этой местности (см., например, формулу Д. Суриковой, Гф., II, стр. 426):

— Ай же ты батюшка Владимир стольне-киевской!
Не отдай ты девицы за женщины,
Не наделай смеху по святой Руси.
У ней ... крутенька по-женьскому,
Походка частенька по-женьскому.
Груди мяконьки по-женьскому.

Или смотри формулу П. Макаровой и П. Пастуховой (Гф., II, стр. 625—626):

— Свет, государь, ты мой батюшко,
Солнышко Владимир стольне-киевской,
Да не отдай-ко девчину за женщину.
Это есть, сударь, женщина,
Да приметы ей женски:
Ричь-поговоры у нее с провизгом,
Походочка у нея частенька,
Она на лавке сидит, стегна жмет,
Стегна жмет, живота бережет.

Таким образом, находясь в явной зависимости от формулы Чукова, Касьянов, для того чтобы сделать ее, как и всю былину в целом, не похожей на оригинал, дополнил некоторыми деталями, встречающимися у других сказителей, которых он, живя в Заонежье, несомненно, слышал.

Очень показательна и концовка былины

(Т. — М., стр. 214):

Тут век про Настасью старину скажут
И Аставерста Гординовича.
Синему морю тишину дают,
А вам всем добрым людям на послушанье.

Чуков (Гф., II, стр. 506):

Тут век про Ставра старину поют:
Синему морю-то на тишину,
А вам добрым людям на послушанье.

Нужно отметить, что эта концовка встречается только у А. Чукова, у других сказителей ее нет.

Иногда же Касьянов, следуя за текстом Чукова, оказывается перед неразрешимыми для него трудностями и не может свести концы с концами. Так, он Ставра всюду называет Астоверстом, но когда ему по ходу повествования нужно было следующее место, то он не мог его перефразировать и оставил имя Ставра, как и у Чукова (Т. — М., стр. 213):

Дать Ставра и не видать Ставра,
А не дать Ставра — разгневить посла.

Чуков (Гф., II, стр. 504):

Мне как выпустить Ставра́, так не видать Ставра́,
А не выпустить Ставра́, так разгневить посла.

Вся сюжетная схема былины Касьянова целиком совпадает со схемой Чукова. Одним словом, близость былины Касьянова к былине Чукова не подлежит сомнению. Может быть, это и есть повторная запись былины от Чукова, но Касьянов не указал имени сказителя. Нет, это предположение приходится отвергнуть, поскольку сопоставление типических формул показывает, что они хотя и близки, но тем не менее одному сказителю принадлежать не могут. Тогда, может быть, былина, записанная Касьяновым, и былина Чукова восходят к одному какому-то

общему источнику? Нет, и это предположение приходится отвергнуть по следующим соображениям:

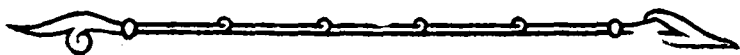
1. Если былины восходили бы к общему источнику, то нельзя было бы себе представить, что имена действующих лиц так различались в былинах, восходящих к общему источнику. Так, например, былина о Ставре Чукова очень близка к былине о Ставре повенецкого сказителя П. Калинина (должно быть, у них общий источник). Эта близость прослеживается во всех деталях, в частности, и в именах: у Чукова — Ставр, у Калинина — Ставр, у Чукова жена Ставра — Василиста Никулична, у Калинина — то же самое, у Чукова жена Ставра принимает имя Василия Никулича, у Калинина — так же, имя дочери Владимира у обоих сказителей не названо и т. д. Если же сюжет своеобразен (т. е. источники были разные), то обычно путаются имена второстепенных действующих лиц. Так, у Домны Суриковой дочь Владимира названа Настасьей, у П. Пастуховой и П. Макаровой — дочь названа Машуткой и т. п.

Совершенно невероятно, чтобы при такой близости былин рознились не только имена второстепенных действующих лиц (у Касьянова — Настасья Никулична, у Чукова — Василиста Никулична), но даже и имя главного героя. Если не ошибаемся, имя Астоверста во всех сюжетах былин во всех сборниках нигде не встречается.

2. Даже если былины восходят к одному источнику, то и в этом случае текстуального совпадения былин и сохранения всей детализации сюжета обычно не происходит.

Таким образом, почти безошибочно можно утверждать, что Касьянов, имея перед собой текст былины Чукова (возможно, даже печатный), создал новое произведение. От народной былины произведение Касьянова отличается своей нарочитой установкой не быть похожим на все другие былины. С точки зрения науки, это — та же фальсификация, что и у Кострова, но поскольку Касьянов сам сказитель, хорошо знаком с лабораторией былинного творчества, то его подделка все же ближе к народным былинам и ее разгадать не так было легко, вот почему Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер приняли произведение Касьянова за подлинно народную былинку.

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ «УЧИТЕЛЕЙ» СКАЗИТЕЛЕЙ

Анализ былины Касьянова нами был приведен в качестве примера для того, чтобы показать, что близость типических формул в былинах свидетельствует об общности источника этих былин или о том, что они восходят к одной традиции — былинной школе (все зависит от степени близости типических формул).

Поскольку это так, то типические формулы могут быть использованы в качестве объективного критерия для выяснения «учителя» того или иного сказителя. Обычно собиратели со слов сказителей стремятся указать, от кого сказитель воспринял ту или иную былинку. Однако эти показания сказителей часто бывают неверными. Дело, конечно, не в субъективном желании сказителей скрыть правду. Сказители часто отвечают: былины «поняли от стариков».

Выяснение же вопроса об учителях сказителей — в конечном итоге вопрос об истории текста былин.

Возьмем в качестве примера былины того же Касьянова, о котором только что шла речь. О своем учителе Касьянов сообщил Гильфердингу, что он «научился в молодости петь былины от стариков, с которыми ездил на рыбную ловлю, преимущественно от некоего кривого Ивана Трофимова. В прежнее время знал былин весьма много, но потом бросил их петь, предавшись страстно чтению церковных книг для уяснения спорных между православною церковью и расколом вопросов. Это и привело его в единоверие, но, по словам Касьянова, заглушило былины в его памяти. При встрече с собирателем

в Чолмужах Касьянов не мог припомнить былины о Вольге, но упоминал, что ее отлично знает и хорошо поет его сосед, раскольничий наставник Иуда Егоров. Впоследствии, прибыв в Петербург, по поручению единоверческого общества для сбора на церковь, он уже пел эту былину со слов Егорова»¹.

Итак, по показаниям Касьянова, свои былины он выучил преимущественно от Ивана Трофимова, а былину о Вольге и Микуле от Иуды Егорова. От Касьянова Гильфердинг записал следующие былины (Рыбникову он не был известен): «Вольга» («Вольга и Микула»); «Добрыня и Змей» и «Добрыня и Алеша» (собирателем зарегистрированы, как одна былина); «Михайло Потык»; «Дюк»; «Молодец и Королевна»; исторические песни: «О взятии Казани» и «Земский собор».

Начнем свой анализ с былин о Добрыне. Постараемся найти близкую параллель к типическим формулам былин Касьянова.

Формула седлания.

(Гф., II, стр. 543—544):

А Добрыня матушки не слушался,
Он зашел-то во конюшенку стоялую,
Он и взял себе да коня доброго,
Он седлал во седельшко черкаское,
Он потнички-то клал на потнички,
А на потнички-то клал ведь войлочки,
Он на войлочки черкаское седельшко,
И натягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцатой-то клал для ради крепости,
Чтобы добрый конь с седла не выскочил,
Добра молодца с седла не вырутил.
Подпруги-то были шелковыи,
А шпеньки-ты были булатнии,
Пряжки у седла да красна золота.
Вот как шелк не рвется, а булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит не стареет.

Эта формула почти буквально совпадает с формулой А. Чукова (в былине «Добрыня и Змей», Гф., II, стр. 467; в былине «Добрыня и Алеша», Гф., II, стр. 474; в былине о Дюке, Гф. II, стр. 508—509 и в соответствующих

¹ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом, т. II, стр. 536.

былинах в записи Рыбникова. Здесь цитируется по Рыбникову, I, стр. 148):

Добрынюшка матушки не слушался,
Идет на конюшенку стоялую,
Берет он своего добра коня;
Седлал бурка в седельшко черкасское,
Потнички клал на потнички,
А на потнички кладет войлочки,
А на войлочки кладет черкасское седельшко.
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
А тринадцату клал ради крепости,
Чтоб добрый конь с-под седла не выскочил,
Добра молодца с добра коня не вырутил,
Подпруги были шелковые,
Пряжки у седла красна золота,
Шпеньки у подпругов все булатные:
Тут шелк не рвется и булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец на коне сидит — не стареет.

Для того чтобы представить вид этой формулы у других сказителей, приведем в качестве примера формулу Н. Прохорова (Гф., I, стр. 418):

Как скоро тут Ильюшенька седлал добра коня,
А добраго коня богатырского,
Кладывае подпруги на подпруги,
А кладывае потнички на потнички,
А кладывает войлочки на войлочки,
Седёлка кладывает на седёлышка,
Черкальское седёлко на верёх еще,
А ты эти подтяжечки шелковыи,
Кладывае, сам выговариват:
— А не для-то ведь, братцы, красы-басы,
А не для-то ведь мне было ужождства,
А для укрепы мне богатырский.

Формула-вопрос о причине печали.

(Гф., II, стр. 546):

— Ай же ты, Добрынюшко Никитинич!
Что же ты, Добрыня, закручинился?
Али место тебе было не по чину,
Али чарой на пиру тебя пообнесли,
Дурак на пиру да насмеялся-де?

И эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн., I, стр. 151):

— Что же ты, Добрынюшка Никитинич,
Идешь с пиру, сам кручинишься?

Знать место было там не по чину,
Чарой на пиру тебя приобнесли,
Аль дурак на пиру надсмеялся-де?

Сравним, например, эту формулу у Т. Г. Рябинина (Гф., II, стр. 62):

— Ай ты, свет, мое цадо любимое,
Да й молоденькой Добрынюшка Микитинец!
Что с честна пиру пришел да ты не весело?
То местечико было в пиру не по чину?
Али чарою в пиру тебя приобнесли?
Аль кто пьяница дурак да приобгалился?

Избивание коня, ускоки.

(Гф., II, стр. 547):

Он взял плеточку шелковую,
Стал бить бурушка промежду ушей,
Промежду ушей и промежду ноги,
Промежду ноги да ноги задняя.
Стал бурушка-кавурушка поскакивать,
А змеенышев от ног да ведь отряхивать,
Притоптал он всех да до одинаго.

Опять же эта формула ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн. I, стр. 152):

Он брал де плеточку шелковую,
Бьет бурка промежу уши,
И бьет бурка промежу ноги,
И промежу ноги, ноги задняя:
И стал его бурушко поскакивать,
Змеенышев от ног он отряхивать,
Притоптал он всех до одинаго.

Сравним эту формулу у Т. Г. Рябинина (Гф., II, стр. 64):

Берет плеточку шелкову во белы руки,
То он бил коня да й богатырского.
Первый раз его ударил промежу уши,
Другой раз ударил промежу ноги,
Промеж ноги он ударил, промеж задний,
Да й он бил коня да не жалухою,
Да со всей он силы с богатырскою,
Ен давал ему удары-ты тяжелыи.
Его добрый конь да богатырский
По чисту полю он стал поскакивать,
По целой версты он стал помахивать,

По колену стал в земелюшку погрязывать,
 Из земелюшки стал ножёк ён выхватывать,
 По сенной купны земельки ён вывертывал,
 За три выстрелу он камешки откидывал.
 И он скакал-то по чисту полю, помахивал,
 И он от ног своих змеёнышев отряхивал,
 Потоптал всех малых змеёнышев.

Не будем более производить сопоставлений формул, положение ясное: типические формулы в былинне «Добрыня и Змей» Касьянова находятся в исключительной близости к формулам А. Чукова. Обычно, как это мы наблюдали выше, если типические формулы у разных сказителей близки, то близки друг другу и сюжеты былин этих сказителей. Проверим это на материале былин Касьянова и Чукова.

Сюжетная схема быliny Касьянова (Гф., II, стр. 543—559).

1. Наказ матери Добрыни не купаться во Пучай-реке.
2. Добрыня не слушается матери.
3. Седлание коня.
4. Выезд Добрыни, расправа в поле со змеенышами.
5. Купание в Пучай-реке.
6. Битва со Змеем.
7. Заповедь.
8. Змей уносит Забаву Путятичну.
9. Владимир поручает Добрыне выручить племянницу.
10. Возвращение Добрыни к матери.
11. Седлание коня, выезд.
12. Наказ матери перед выездом о том, как бить коня.
13. Избивание змеенышей.
14. Битва со Змеем.
15. Освобождение Забавы Путятичны и русских пленников.
16. Добрыня поручает Забаву Алеше, а сам встречается с поляницей, та побеждает его и избирает его своим мужем.
17. Возвращение Добрыни с невестой в Киев.

Приведем схему быliny Чукова (Рыбн., I, стр. 147—162).

1. Наказ матери Добрыни не купаться во Пучай-реке.
2. Добрыня не слушается матери.
3. Седлание коня.
4. Выезд и купание в Пучай-реке.
5. Добрыня вспомнил, что мать ему наказывала не купаться в Пучай-реке и не топтать змеенышей.
6. Битва со Змеем.
7. Заповедь.
8. Змей уносит Забаву Путятичну.
9. Владимир поручает Добрыне выручить племянницу.
10. Возвращение Добрыни к матери.
11. Выезд (формулы седлания нет).
12. Наказ матери о том, как бить коня.
13. Избивание змеенышей.
14. Битва со Змеем.
15. Глас с неба советует побиться со Змеем еще трое суток.
16. Снова битва со Змеем.
17. Глас с неба советует биться еще трое суток и употре-

бить заговор от змеи. 18. Освобождение Забавы Путятичны и русских пленников. 19. Добрыня поручает Забаву Алеше, а сам встречается с поляницей, та побеждает его и избирает своим мужем. 20. Возвращение Добрыни с невестой в Киев.

Как видим, сюжетная схема былин необычайно близка. Отличия состоят в том, что у Касьянова пятый эпизод — не топтать змеенышей и не купаться во Пучай-реке — предшествует четвертому: Добрыня купается в Пучай-реке; эпизодов, в которых рассказывается о помощи Добрыне с неба (15—17-й у Чукова), у Касьянова нет.

Обычно изложение каждого эпизода у Чукова более детализировано, чем у Касьянова. Сравним, например, эпизод *угрозы* у Касьянова (Гф., II, стр. 544):

— А теперь Добрыня во моих руках,
Я теперь Добрыню съем-сожру,
С конем съем-сожру, а захочу — в полон возьму!

Чуков (Рыбн., I, стр. 149):

— Теперечь Добрыня во моих руках;
Захочу — Добрыню теперь потоплю,
Захочу — Добрыню в хобота возьму,
В хобота возьму и в нору снесу,
Захочу — Добрыню съем-сожру.

Или сравним эпизод *похищения змеей Забавы*.

Касьянов (Гф., II, стр. 545):

Случилось ей лететь через Киев-град,
Захватила тут князеву племянницу
Молоду Забаву дочь Путятичну.
Солнышко Владимир стольне-киевский,
Он и кликал ведь былиц да волшебниц,
Кто бы мог достать Забаву дочь Путятичну.

Чуков (Рыбн., I, 150):

Случилось ей лететь, через Киев-град,
Увидала она князеву племянницу,
Молоду Забаву дочь Путятичну
Идучись по улицы широкия.
Припадала змея ко сырой земли,
Схватила она князеву племянницу,
Унесла во нору во глубокую.
Тут солнышко Владимир стольно-киевский

По три дня он билиц-волшебниц скликивал,
Не мог билиц он докликаться,
Кто бы мог съездить во далече во чисто поле,
Достать князеву племянницу.

Следует отметить, что в редких случаях у Касьянова встречаются такие детали (обычно выраженные типическими формулами), которых нет у Чукова. Например, в былине Чукова нет типического места (Гф., II, стр. 545):

Как пошел Добрыня закручинился,
Он повесил буйну голову,
Утупил он ясны очи во сыру землю.

Таким образом, можно совершенно определенно установить необычайную близость как типических мест, так и былины Касьянова в целом с былиной А. Чукова. Естественно, возникает вопрос, воспринял ли Касьянов былину непосредственно от Чукова или же у них общий источник. Возможно и Чуков — ученик «некоего кривого Ивана Трофимова»? А. Ф. Гильфердинг сообщает, что, по свидетельству самого А. Чукова, свои былины он выучил только от отца. Но мы уже говорили, что оставим в стороне субъективные данные сказителей и попытаемся выяснить этот вопрос объективными методами. Пока оставим этот вопрос открытым, а разберем следующую былину Касьянова — «Добрыня и Алеша» (она пропета сказителем вслед за былиной о Добрыне и Змее, как одно произведение).

Типическим местам былины Касьянова подыщем параллели из былин других сказителей.

Жалоба богатыря (Добрыни) на свою участь.

(Гф., II, стр. 550):

Ты почто меня Добрынюшку несчастного спородила?
Ты бы лучше меня матушка спородила
Белым горячим камешком,
Завернула бы во тонкий белый рукавичек,
А спустила бы меня во синё море,
Я бы век там Добрыня во морё лежал,
Я не ездил бы далёче во чисто поле,
Не проливал бы я напрасно крови человечия.
Не слезил бы я Добрыня отцов матерей,
Не вдовил бы я Добрыня молодых жен,
Не сиротались бы да малы детушки!

Эта формула опять же ближе всего к формуле А. Чукова (Рыбн., I, стр. 162):

Ты на что меня Добрынюшку несчастного спородила?
Спородила бы, государыня родна матушка,
Ты бы беленьким горючим меня камешком,
Завернула в тонкой в льняной во рукавичек,
Спустила бы меня во сине море:
Я бы век Добрыня в море лежал,
Я не ездил бы Добрыня по чисту полю,
Я не убивал бы Добрыня неповинных душ,
Не пролил бы крови я напрасныя,
Не слезил Добрыня отцов-матерей,
Не вдовил Добрыня молодых жен,
Не пускал сиротать малых детушек.

Для сопоставления приведем формулу сказителя той же местности Т. Ивлева (Гф., II, стр. 210):

— Ай же моя матушка да ты родимая!
На что же меня несчастного да и спородила,
Не во своего государя, света батюшка,
Да не в сильняго могучаго богатыря,
Да й не в купца гостя торговаго?
Когда же ты меня да поотродила,
Свертела ты б меня в камочку во крупчатую,
Снесла бы ты меня да край синя моря,
Спустила б ты меня да на святу воду,
Так шёл бы я туды на само дно,
Лежал бы и да й место камешка самоцветнаго;
Буйны б ветрушки там на меня не веяли,
Добры б людюшки там про меня не баяли.

Ответ матери.

(Гф., II, стр. 550):

Я бы рада тебя, дитятко, спородити,
Я таланом-участью в Илью Муромца,
Я бы силой в Святогора богатыря,
Я бы смелостью в Олеша да Поповича,
Красотою во Осифа прекраснаго,
А походкою шепетливою во того ли во Чурилушку
Пленковича,
Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича,
Только тыи статьи есть, других бог не дал,
Бог не дал, не пожаловал.

И это место почти буквально совпадает с формулой А. Чукова (Рыбн., I, стр. 162—163):

— Я бы рада тебя, дитятко, спородити
Таланом-участью в Илью-Муромца,
Силой в Святогора богатыря,
Смелостью в смелаго в Алешку во Поповича,
Красотой бы я в Осипа Прекрасного,
Я походкою бы тебя щепливою
Во того Чурилу во Пленковича,
Я бы вежеством в Добрынюшку Никитича:
Сколько тыя статьи есть, а других бог не дал,
Других бог не дал, не пожаловал.

У других сказителей Заонежья это место выглядит примерно так:

М. Котова (Гф., I, стр. 297—298):

Уж ты дитятко мое Добрынюшка Микитич!
Уж я была бы да пресвятою богородицей,
Я спородила бы тебя
Силушкой да во старого казака Илью Муромца,
Я могушкой бы спородила
Во Самсона во богатыря,
И смелостью спородила бы во Олешенку Поповича,
Красотою бы спородила
Во Осипа бы во прекрасного.

Упрек коню.

(Гф., II, стр. 553):

Ты, волчья сыть, медвежья шерсть!
Ты зачем сегодня потыкаешься?

Приведем для сравнения формулу других сказителей.

Т. Г. Рябинин (Гф., II, стр. 12):

— Ах ты волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь али нести не мошь?
Что ты на корзни, собака, потыкаешься?

Приезд и вход в гридню.

(Гф. II, стр. 553—554):

Что не ясен сокол перелет летит,
Добрый молодец да перегон гонит.
Он приехал ко граду Киеву.
Не воротами ехал, через стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
Ко тому ли ко подворью ко вдовиному.
Он поставил своего добра коня,

Добра коня среди бела двора,
Не привязана да не приказана.
Как пошел во полаты белокаменны,
Он не спрашивал у ворот да приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Он всех взащей прочь отталкивал.
Он зашел в полаты белокаменны,
Он крест кладет по-писаному,
Поклоны ведет по-ученому,
Он на все на четыре на стороны,
Пречестной вдове да Мальфы Тимофеевны в особину.

Опять же наиболее близкую параллель к этой формуле (здесь ряд формул объединен в одну) находим у А. Чукова (Рыбн., I, стр. 166):

Как не ясный сокол в перелет летит:
Добрый молодец перегон гонит.
Не воротмы ехал, через стену городовую,
Мимо тую башню наугольную,
К тому придворью ко вдовиному;
На двор заехал безобсылочно,
В палаты идет бездокладочно;
Не спрашивал у ворот приворотников,
У дверей не спрашивал придверников,
Всех он взащей прочь отталкивал;
Смело проходил в палаты во вдовиных,
Крест кладет по-писаному,
Поклон кладет по-ученому,
Пречестной вдовы да он в особину.

Не будем приводить других формул, заметим только, что все они очень близки к формулам Чукова. Не будем сопоставлять сюжетные схемы былины — они совпадают почти до деталей.

Воздержимся от выводов и обратимся к следующей былине Касьянова — «Михайло Потык» (Гф., II, стр. 560—568).

Найдем наиболее близкие параллели к формулам Касьянова из этой былины.

Формула *пира*.

(Гф., II, стр. 560):

Во стольном было в городе во Киеве,
У славного князя у Владимира
Был собран многопочетный пир
На всех-то князей да ведь бояров,
На всех гостей званных-избранных.

Ближе всего к этой формуле примыкает формула А. Чукова (Рыбн., I, стр. 173—174):

Во стольном было городе во Кieve,
У ласкова князя у Владимира,
Было пирование — почестный двор,
На многи князи да на бояра,
На всех тех гостей званых-браных,
Званых-браных гостей, приходящих.

Об этой формуле подробно речь шла выше, поэтому других параллелей приводить не будем.

Обратимся к формуле — *задание князя Владимира отвезти* (или получить) *дань иноземному королю* (чаще всего она употребляется в былинах о Потыке и в былинах «Добрыня и Василий Казимирович».

(Гф., II, стр. 560—561):

Еще первой русский сильныи могучии богатырь,
Старый казак да Илья Муромец,
Съезди ты да в Золоту орду,
Получи там дани-выходы
За двенадцать лет да с половиною.
Еще другой русский сильныи могучии богатырь,
Ты Михайла Потык сын Иванович!
Съезди ты во Турцию.
Получи там дани-выходы
За двенадцать лет да с половиною.
Еще третий русский сильныи могучии богатырь,
Молодой Добрыня сын Никитинич,
Съезди ты во Швецию,
Получи там дани-выходы
За двенадцать лет да с половиною.

Ближе всего к этой формуле опять же формула А. Чукова (Рыбн., I, стр. 174):

Первой русский славный богатырь,
Старый казак Илья Муромец!
Съезди-ко ты в Золоту орду,
Повыправь-ко там дани-выходы,
Выходы-дани за двенадцать год,
За тринадцать лет с половиною.
Другой русский славный богатырь,
Михайла Потык сын Иванович!
Съезди-ко ты во Турецию,
Повыправь-ко там дани-выходы,
Выходы-дани за двенадцать год,
За тринадцать лет с половиною.
Третий русский славный богатырь,

Молодой Добрыня сын Никитинич!
Съезди-ко ты да во Швецию,
Выправь-ко там дани-выходы,
Выходы-дани за двенадцать год,
За тринадцать лет с половиною.

Из всех онежских сказителей к формуле Чукова-Касьянова примыкает формула П. Калинина (Гф., I, стр. 154—155):

— Ай же вы три русских могучих богатыря!
Старый казак да Илья Муромец,
Вы съездите-тко в Каменну орду,
В Каменную-то орду в большу землю,
Повыправьте-тко дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.
Молодой Добрыня сын Никитинич!
Съездите-тко вы да не в большу землю,
Не в большую-ту землю да в Золоту орду,
Там повыправьте-тко дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною,
Третьин могучии богатырь да Михайло Потык сын
Иванович,
Ты съезди-тко в землю во Подольскую,
Там повыправь-ко ты дани-выходы
За двенадцать год да за тринадцать лет,
За тринадцать лет да с половиною.

Самоунижение женщин (Гф., II, стр. 489):

— Ты Михайло Потык сын Иванович!
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, а мы туда идем,
Нас куда везут, а мы туда едем.

То же и у Чукова (Рыбн., I, стр. 178):

— Ты Михайла Потык сын Иванович!
У нас волос долог, да ум короток,
Нас куда ведут, мы туда идем,
Нас куда везут, мы туда едем.

Не будем приводить дальнейших параллелей: все формулы былины Касьянова близки к формулам былины Чукова. В такой же близости находятся и сюжетные схемы былин.

Воздержимся от выводов и рассмотрим былину о Дюке сказителя Касьянова (Гф., II, стр. 569).

Зачин былины:

Во той было Индеи во богатя,
А был молодой боярин Дюк Степанович,
Он ходил по тихим по заводям,
Стрелял серых гусей и лебедей.

В относительной близости к этой формуле стоит формула А. Чукова из былины о Дюке (Гф., II, стр. 507):

Во тоя во Индеи во богатя,
У честной вдовы Мамельфы Тимофеевне
Там был молодой боярин Дюк Степанович.
Он ходил-гулял по тихим все по заводям,
Стрелял серых гусей и стрелял лебедей.

Былина о Дюке у онежских сказителей довольно популярна, но только еще у двух сказителей — у П. Калинина и С. Корнилова применена в зачине формула охоты, но их текстуральное выражение очень далеко от приведенных.

Описание необыкновенных стрел.

(Гф., II, 569):

Он всех выстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел да еще три стрелы,
Он трем-то стам цену ведает,
Только трем стрелам цены не ведает.
Как из-под камешка из-под яхонта,
Из-под яхонта да самоцветного,
Убил он три орла он три орловища.
А не тех убил, которы летают по святой Руси,
Он тех убил, которые летают по синим морям.
Как едут гости коробельщики,
Поднимают это перушко орлиное.
Продавали это перушко
Подороже-то атласу, рыта бархату.
Покупали мужички-то да индейские,
Приносили это перышко в подарочек
Ко его ли ко Дюкову батюшко.

Ближе всего эта формула соприкасается с формулой А. Чукова (Рыбн., I, стр. 189—190):

Всех повыстрелял ровно триста стрел,
Ровно триста стрел, да еще три стрелы.
Триста-то стрелам он цену ведает,
Только трем стрелам цены не ведает.
Когда бил он из-под камня с-под яхонта самоцветного,

Убил три орла и три орловица;
 Он не тех убил, которы летают на святой Руси,
 А тех убил, которы летают по синим морям:
 Он сидит орел на синеньком на камешки,
 Уж он рутит орел перьяца орлиныя;
 Когда идут гости-корабельщики,
 Подбирают это перьяце орлиное,
 Развозят это перьяце (на ярманку).
 Продавают это перьяце орлиное
 Подороже-то атласа и рьта бархата;
 Покупали мужики-то индейские,
 Приносили это перьяце орлиное
 Его Дюкову-то батюшку в подарочки.

Приведем для сопоставления формулу С. Корнилова
 (Гф., II, стр. 284—285):

Мне не жалко тридцати-то стрел,
 А только жалко мне-ка трех-то стрел:
 Эти три стрелы да ведь каленыи,
 Оны вси да золоченыи,
 И перьямы сажоныи,
 Оны перьями орловыма,
 Не того орла, который ведь летает во чистом поли,
 А того орла, который сидит на мори,
 На мори сидит на камени;
 А 'ще тот орел сворохнется,
 Сине морюшко сколыблется,
 А в деревнях петухи споют;
 Тут ездят гости-коробельщики,
 Обирают перья-ты орловыя,
 Оны привозят к моей матушке
 Емельфе Тимофеевной.

Формула застав.

(Гф., II, стр. 570):

Есть три заставы там да великия;
 А первая застава есть горы там толкучин:
 В другой раз столкнутся, а в дру́горы истолкнутся,
 Тут тебе Дюку не проехати,
 Тут тебе молодому живу не быть.
 Есть там другая застава — птицы клевучие,
 Они тебя Дюка и с конем склюют.
 Тут тебе Дюку не проехати,
 Тут тебе молодому живу не быть.
 Есть третья там застава — лежит змеицо Горынчищо,
 О двенадцати змея о хоботах,
 И тая тебя и с конем сожрет.
 Тут тебе Дюку не проехати,
 Тут тебе молодому живу не быть.

Опять же эта формула почти буквально совпадает с формулой А. Чукова

(Рыбн., I, стр. 190):

На той прямой дорожки, не окольной,
Есть три заставы великия.
Первая застава великая:
Стоят тут горы толкуции;
Тыи ж как горы врозь растолкнутся,
Врозь растолкнутся, вместе столкнутся,
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывати.
Есть другая великая там застава:
Сидят там птицы клевуции;
Тые птицы тебя с конем склюют;
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молоду живу не бывать.
Есть третья великая тут застава:
Лежит Змиише-Горынчише,
О двенадцати змия о хоботах;
Тоя змия тебя с конем сожрет;
Тут тебе Дюку не проехати,
Тут тебе молодому живу не бывать.

Не будем производить дальнейших сопоставлений, укажем только на то, что все общие места из былин Касьянова по своему словесному выражению очень близки с общими местами А. Чукова. В такой же близости находятся и сюжеты былин.

Былина-баллада «Молодец и Королевна» Касьянова так же почти целиком совпадает с былинной Чукова.

Былины о Вольге и Микуле Селяниновиче у Чукова нет и, как заявил сказитель Гильфердингу, он ее выучил со слов крестьянина И. Егорова.

Эта былина очень близка к былине Т. Г. Рябинина, но все же отличается от нее: у Касьянова есть такие детали, которых нет у Рябинина. Так, в былинку Касьянова введен портрет Микулы; в конце былины сообщается, что Вольга дарит Микуле три города и др. Словесно же текст Касьянова очень близок к тексту Рябинина. Все это позволяет заключить, что Касьянов действительно пользовался иным, не рябининским источником. Что же касается текста И. Егорова, то следует предположить, что он, как и текст Рябинина, восходит к одному источнику, возможно к тексту Игнатия Андреева, от которого, по словам Рябинина, он «понял» эту былинку.

Историческая песня Касьянова «Взятие Казани» почти буквально совпадает с текстом, опубликованным в песеннике Чулкова-Новикова (по изданию 1913 года, ч. I, № 123). У Касьянова добавлена лишь следующая концовка. (Гф., II, стр. 583):

Говорят те татары таково слово:
— Вечно быть нашей Казани под святой Русью,
Под святой Русью непобедимую,
Непобедимую, богом любимую.

У онежских сказителей ни Рыбниковым, ни Гильфердингом песня эта не зарегистрирована. Остается предположить, что Касьянов, поскольку он был грамотным человеком, пользовался каким-то книжным источником (об этом, в частности, свидетельствует явно литературная концовка песни Касьянова).

Источник исторической песни Касьянова «Земский Собор» остается неясным. Эта песня кроме Касьянова встречается еще у А. Чукова (Гф., № 154) и Г. Амосова (Рыбн., № 158), но от текстов обоих сказителей она имеет довольно существенное отличие.

Попытка выяснить источники былин Касьянова привела нас к следующим выводам:

1. Из семи былин и песен, записанных от Касьянова, пять близки к былинам А. Чукова и по содержанию и по основному оформлению общих мест. Следовательно, все эти тексты Касьянов воспринял непосредственно от Чукова, а не через посредство какого-либо другого сказителя (например, указанного Касьяновым Ивана Трофимова); тексты «учеников», воспринявших былины от одного учителя, никогда не бывают в такой близости между собой, как былины Касьянова и Чукова. То, что именно Касьянов воспринял былины Чукова, а не наоборот, объясняется следующими соображениями: Чуков почти на 20 лет старше Касьянова; от Чукова еще до Рыбникова производились записи былин и публиковались в «Олонецких губернских ведомостях» в конце пятидесятых годов; от Касьянова же впервые записывал только Гильфердинг.

2. Все тексты былин Касьянова восходят к записям Рыбникова, они сохраняют те детали былин Чукова, ко-

торые в записи Гильфердинга от Чукова отсутствуют. Следовательно, былины Касьянов выучил в промежуток времени между записями Рыбникова и Гильфердинга (с 1860 по 1871 г.). Если бы и раньше Касьянов был знатоком былин, тогда бы Рыбникову он стал известен, но он о нем даже не упоминает. Возможно, что былины Чукова Касьянов изучал по печатному тексту. Об этом, например, свидетельствует тот факт, что былины Касьянова ближе к записям Рыбникова, чем былины самого Чукова в записи Гильфердинга.

3. По характеру творчества Касьянов является типичным представителем сказителей-передатчиков, стремящихся с возможной точностью передать усвоенный ими текст. Касьянов обладал большим художественным вкусом, он умело отбирал для своего репертуара тексты, разумно отбрасывал менее значимые детали, иногда же (очень редко) вводил в былины новые детали.

Так, с помощью анализа типических мест мы попытались выяснить источники былин одного сказителя.

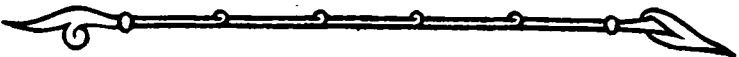
Естественно, возникает вопрос: причем же здесь типические места, когда то же самое можно сделать при помощи непосредственного сличения текстов былин?

Иногда, действительно, те же результаты можно достичь с помощью сличения текстов былин, но сличение текстов — дело крайне трудоемкое и практически трудно осуществимое: необходимо иметь под руками всю необходимую литературу. С помощью же типических формул, если все они выписаны на карточки, установить близость былин можно в течение нескольких минут. Конечно, работа над текстом нужна и в этом случае, но к работе привлекаются только те тексты, которые нужны.

Далее. Необходимо учитывать и следующее. Метод сличения текстов может дать положительные результаты, если анализируются тексты сказителей-передатчиков. Если же анализируются тексты сказителей-рассказчиков и сказителей-импровизаторов, переходные места былин которых крайне неустойчивы, а поэтому и неустойчив текст былин в целом, когда отдельные эпизоды опускаются, другие вводятся, третьи переставляются местами и т. п., то сличение текста может привести к результатам неверным. В правильности этого вывода мы уже имели возможность убедиться, когда А. Е. Грузинский, в науч-

ной добросовестности которого сомнения быть не может, пользуясь методом сличения текстов, приписал былины одного сказителя другому. Только типические места, отличающиеся обычно у сказителей в законченную форму, являются надежным критерием, позволяющим установить близость былин.

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУТЕЙ ДВИЖЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ЗАПИСИ ПЕСЕН)

Анализ былин Касьянова мы приводили в качестве примера, когда типические места былин одного сказителя близки к типическим местам былин другого сказителя. Однако такие случаи относительно редки. Чаше приходится иметь дело со случаями, когда одни типические формулы сказителя близки к типическим формулам другого сказителя, другие же формулы у сказителей резко разнятся. Это объясняется тем, что былины сказителей не являются окаменелыми, а изменяются, творчески обогащаются. Сказители могут вносить в былины детали, подсказанные жизненными наблюдениями, могут вносить, как это мы видели на примере Пономарева, детали, воспринятые ими от других сказителей. Если так можно сказать в отношении былинного творчества, то происходит непрерывное смещение и образование новых стилей и школ сказителей. Исследователю былин важно разгадать творческую лабораторию сказителей, важно, например, проследить путь влияния одного сказителя на другого. В жизни часто приходится наблюдать, когда былина какого-либо сказителя и по содержанию и по стилю совершенно отличается от былин других сказителей данной местности. Чем это объясняется? Очевидно, тем, что сказитель усвоил свою былинку где-то в ином месте. Но где?

Опять же типические формулы и здесь могут оказать полезную услугу. Приведем только один пример.

У повенецких сказителей Заонежья одной из распространенных былин является былина о Добрыне и Алеше

Поповиче. Несмотря на некоторое своеобразие этой былины у каждого сказителя она в то же время имеет много общих для всех сказителей мест. Несколько особняком от всех былин стоит былина Марфы Трофимовны Котовой. Одна из отличительных черт былины Котовой состоит в наименовании жены Добрыни Настасьей Викуличной. У всех других сказителей Повенца она всюду именуется Настасьей Микуличной. Больше того, имя Настасьи Викуличны не употребляется вообще во всем Заонежье — оно, это имя, в Заонежском былинном репертуаре крайне редко. Кроме Котовой мы его заметили еще у двух сказителей — Батова (Гф., № 176) — выгозерского сказителя и Нигозеркина (Гф., № 217) — водлозерского сказителя. Своеобразное осмысление в былине Котовой получил и мотив игры на гусях. У всех повенецких (как и всех заонежских) сказителей Добрыня, выдающий себя за калику-гусяря, играет на гусях для того, чтобы быть на пиру и заслужить чару вина, в которую он затем опустит свой брачный перстень. У Котовой же Добрыня играет на гусях для того, чтобы жена узнала его. После того как Добрыня сыграл на гусях, *Алеша спрашивает его имя. Добрыня отвечает* (Гф., I, стр. 301):

— Есть-то я теперь заводска скоморошина.

слова:

Чем объяснить это своеобразие былины Котовой, когда она, как и все сказители, заучила свою былинку от стариков. Большого собирателя об источнике своих былин она сказать ничего не могла.

Наливаёт Олешенка Попович ету чару зелена вина;
Весом чара полтора пуда.
Мерой чара полтора ведра,
Уж подносит ту чару е Добрынюшке Микитичу.
Он берет ту чару единым перстом,
Единым перстом, берет мизёнышком.
Выпил он чару на единый здох,

Даже близкой параллели к этой формуле у онежских сказителей нам не встретилось, но эта формула распространена у мезенских сказителей (в особенности у сказителей с. Тиглявы и Нисогоры).

(Гр., III, стр. 645):

Он¹ наливал ей ведь чару да зелена вина,
Он не малу, не велику ей, полтора ведра.
Подават она калики да цяру зелена вина.
Прымат тут калика да цяру-ту, зелено вино.
Одною где тут рукой берет, одним мезёнышком;
Выпиват ету цяру да зелена вина,
Выпиват ету цяру да к одному духу.

Именно у этих сказителей жена Добрыни всюду имеется Настасьей Викуличной, так же как и у Котовой; именно у этих сказителей Добрыня играет на гуслях для того, чтобы его узнала жена.

Так, у Поташовой *узнавание женой мужа* передано следующим эпизодом (Гр., III, стр. 645):

Во-первы-ти заиграл, Настасья подумала,
Во- вторы-ти заиграл, Настасья проплакала,
Во- третей-ти заиграл, Настасья спромолвила...

Но былина мезенских сказителей по сюжетной схеме в целом отлична от былины Котовой. Таким образом, былина Котовой соединяет в себе различные былинные стили — повенецкий (онежский) и мезенский. Поскольку былина Котовой довольно сильно отличается от мезенских былин и ближе все же к повенецким былинам, то следует предположить, что Котова восприняла былинку именно уже в этом «смешанном» виде.

Надо полагать, что кто-то занес на Повенец мезенскую былинку и она претерпела здесь такую эволюцию².

¹ Алеша. — П. У.

² Краткое изложение настоящей главы напечатано под названием «Типические места (*loci communes*) как средство паспортизации былин» в кн. «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. II. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957.

ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА В ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ЧАСТУШКАХ

До сих пор мы говорили о методике атрибуции эпических песен. Возможно ли ее применение к песням лирическим, если о типических местах в них до недавнего времени не было и речи?

Типические места являются характерной особенностью народной поэзии вообще, именно благодаря им и возможно коллективное творчество. О типических местах в лирических песнях и частушках нами уже говорилось¹. Не повторяя ранее сказанного, отметим здесь следующее.

Если в эпосе типические места — это преимущественно повествовательные картины, необходимые для развития сюжета, то в лирике они — преимущественно средства эмоциональной выразительности. Вследствие этого в лирике, например, в песнях, песенные мотивы (они-то и являются типическими местами) не имеют строго обязательной последовательности, место их в песне может меняться, поэтому и вся песня нередко производит впечатление случайно соединившихся частей.

Приведем для примера следующую песню, записанную П. Ф. Кузьмищевым в Архангельске. (ЛБ, ф-125, п — 38, л — 117 (об)):

¹ П. Д. Ухов. О типических местах (*loci communes*) в русских народных традиционных песнях. «Вестн. Моск. ун-та», историко-филологическая серия, 1957, № 1.

П. Д. Ухов. Кто и как сочиняет частушки в советское время. «Вопросы литературы», 1959, № 12.

- Отлетает мой голубчик из очей моих, из глаз;
Отъезжает мой любезный в иной дальний городок,
В иной дальний, незнакомый, славный город Петербург.
Я немало слез ронила по голубчике своем.
5. Во слезах дружка просила, хоть немножко поживем;
Хоть немножко, хоть недолго, один кругленький годок.
Он сказал: «Нельзя, немножко, нельзя, дружечка моя».
Мне соседушки не судят, не советуют любить,
Разбесчастную Дуняшу велят бросить, позабыть.
10. Разве в ту пору забуду, когда скроются глаза,
Как покроют тело бело тонким белым полотном,
Как засыпят очи ясны с гор желтым мелким песком,
Во сыру землю опустят, серой камень навалят.
Я на камешке срисую, на картинке подпишу,
15. Своим ласковым подружечкам крепко закажу:
— Уж вы, милые подружки, не любите никого,
Уж, вы, красные девицы, ни удалого молодца;
Я просмешичка любила, теперь меня бросил, позабыл.

Вся песня состоит из мотивов (типических мест), входящих в песни самого различного содержания. Нужно сказать, что в данном случае, певец, действительно, не свел концы с концами: в первых семи строках изложение ведется от имени девушки; в последующих шести строках (8—13) — от имени молодца, а в заключительных строках (14—19) опять от лица девицы. Пользуясь распространенными местами, он не сумел создать единого стройного произведения.

В частушках же в отличие от песен обычно все произведение является типическим местом.

Абсолютное большинство песен и частушек создано на основе типических мест; лишь незначительное количество их является произведениями самобытными. Подобные произведения (как песни, так и частушки) создаются по всем законам индивидуального творчества. Подобные произведения, войдя в народный обиход, сами могут стать образцами (типическими местами) для создания других произведений.

Возьмем, скажем, такую частушку, появившуюся в предреволюционные годы (Елеонская, № 328):

Как по улице я шла,
Прокламацию нашла,
Не пилося, не елось,
Прочитать хотелось.

Частушка получила распространение, стала варьироваться (Елеонская, № 1007):

По базару девка шла,
Прокламацию нашла,
Ей не пилося и не елось,
Прочитать ее хотелось.

Она послужила образцом и для создания новых частушек (Рождественская и Жислина, стр. 208):

На работу утром шли,
Прокламацию нашли,
Ее вечером читали,
Утром все забастовали.

Приемы атрибутирования лирических песен (и частушек) в общих чертах сходны с приемами атрибутирования песен эпических (с учетом специфики материала). Так, индивидуальное своеобразие исполнителей песен (с точки зрения отношения к словесному тексту) наукой совсем не изучено, поэтому, понятно, что определение певцов по типическим местам песен невозможно. Что касается определения места сложения (или бытования) песни, то типические формулы могли бы здесь оказать самую полезную и незаменимую услугу. Как песни, так и частушки, в недавнем прошлом имели ярко выраженные областные черты. Различные названия частушек — матаня (Поволжье), ихохошки (Курская и Воронежск. губ.), прибаски (Рязанская губ.), прибаутки (Московская, Владимирская, Тверская и др. губ.), припевки (Симбирская, Тамбовская), страдания (Тульск.), елецкие (Орловск.), саратовские (Поволжье), сормовские (Поволжье) и т. д. и т. п. — чаще всего не синонимы для обозначения одного понятия, а, действительно, отражение видового многообразия жанра частушек, сложившихся и бытующих в определенных областях страны. Однако из-за неизученности областных песенных стилей и в этом случае типические места в настоящее время не могут быть широко использованы.

При выяснении же фальсифицированных текстов типические места песен и частушек являются основным и надежным средством. Методика анализа текстов песен аналогична методике анализа эпических произведений.

ИННЫЕ МЕТОДЫ АТРИБУЦИИ ПЕСЕН

Типические места, являясь надежным и объективным средством атрибуции фольклора, при определенных условиях не могут дать необходимого положительного результата. Так, например, при установлении принадлежности двух или нескольких былин одному сказителю могут встретиться такие случаи, когда анализируемые произведения вследствие различия их содержания не могут иметь общих типических мест. Возьмем, к примеру, былины о Микуле Селяниновиче, об Илье Муромце и Соловье Разбойнике, о Хотене Блудовиче. Содержание этих произведений настолько различно, что встретить в них общие типические места почти невозможно. Значит, метод типических мест в подобных случаях неприменим.

Или другой пример. Допустим, требуется определить место записи (место бытования) той или иной песни. Метод типических мест в данном случае был бы самым надежным и незаменимым. К сожалению, областная специфика песен, в особенности областное своеобразие типических мест, наукой еще совсем не разработаны, поэтому для решения вопроса о месте записи песен пришлось бы провести грандиозную работу по выяснению областного своеобразия типических мест в песнях, что, разумеется, практически не осуществимо. Другое дело, если при исследовании областной специфики песен требуется установить, принадлежит ли данная песня к данной областной традиции, то сделать это не трудно.

Но даже и тогда, когда метод типических мест дает необходимые результаты, использование других методов

атрибуции материала (хотя бы в целях проверки) не может быть игнорировано.

Так, при определении места записи (места бытования) песен могут быть самые различные приемы. Прежде всего очень важны указания самих собирателей. Напомним, что не все собиратели группы П. В. Киреевского придавали большое значение паспортизации материала. Одни собиратели, в особенности такие, как П. В. Киреевский, П. И. Якушкин, всегда указывали не только на место, где записаны тексты, но и на то, где постоянно проживал тот или другой певец. Так, П. В. Киреевский в июле — сентябре 1834 г. вел записи в Новгороде, а тексты песен, записанных здесь, приурочил к различным районам страны: тексты солдата-туляка он отнес к Тульскому уезду (родине солдата); тексты извозчика Савелия — к д. Соснице Валдайского уезда и т. п. То же самое делал и П. И. Якушкин. Так, многие тексты, записанные им в с. Андроновке Лихвинского уезда от бродячих портных, он отнес к с. Гремучий Колодец — место их постоянного жительства. Такой метод паспортизации нельзя не признать правильным.

Насколько можно доверяться показаниям таких собирателей, как П. В. Киреевский и П. И. Якушкин, настолько же нельзя доверяться показаниям других менее опытных собирателей. Так, например, очень трудно разобраться в месте записи текстов, присланных в собрание А. Н. Поповым. В собрании хранится его тетрадь (ЛБ, Ф—125, п—48) с пометкой, что она прислана из Рязанской губернии. Казалось бы, показания собирателя — основной документ, который нет нужды подвергать сомнениям. Но в данном случае это сделать необходимо. В собрании же (ЛБ, Ф—125, п—50) хранится другая тетрадь-автограф Д. Т. Воздвиженского с теми же самыми текстами, что входят и в тетрадь А. Н. Попова. Причем, Д. Т. Воздвиженским помечено, что песни записаны в Ярославской губернии. Удалось установить, что тетрадь Воздвиженского составлена ранее тетради Попова. Дело происходило, очевидно, так: Воздвиженский — корреспондент Попова — выслал ему свои записи. Попов, переписав их в свою тетрадь, отослал ее П. В. Киреевскому вместе с тетрадью Воздвиженского. Разумеется, А. Н. Попов никого вводить в заблуждение не собирался: его ошибка проистекала от неопытности.

Одним словом, собственные показания собирателей не всегда верны и не всегда объективны. Для проверки показаний собирателей нередко приходится обращаться к самому материалу, который иногда может подсказать многое. Если приходится определять место записи целой коллекции песен, то в ней обычно всегда находятся такие тексты, которые дают основание приурочить их к той или иной местности. Возьмем, к примеру, записи А. С. Пушкина. Здесь дело осложняется тем, что записи-автограф Пушкина утеряны, поэтому мы не можем знать свидетельств поэта о месте записи им песен. Вторичные же свидетельства (два показания П. В. Киреевского, П. И. Бартенева) единогласны в том, что Пушкин передал в собрание записи псковских песен.

Исследователи давно уже обратили внимание на то, что все пушкинские записи народных песен не могут быть отнесены только к Псковской губернии. М. Н. Сперанский, например, к этой губернии отнес только записи свадебных песен поэта, а необрядовые песни он отнес к Нижегородской губернии. Действительно, анализ содержания необрядовых песен показывает, что они не могли бытовать в Псковской губернии.

Так, в песне «Калина, малина» (НС, 2546) встречаются такие строки:

На Болдинском на плоту
Мыла девица фату...

Естественно, что в псковских песнях упоминания с. Болдина (нижегородское имение поэта) не может иметь места (кому там известно это затерявшееся в Поволжье село, ничем решительно в то время не примечательное?).

В песне «На заре-то было на зорюшке» (НС, 2552) упоминается г. Алатырь (он находится недалеко от Болдина); опять же псковичанам этот небольшой городишко был неизвестен и название его в песнях так же невозможно, тем более, если учесть, что в большинстве вариантов этой песни действие не приурочено ни к одному населенному пункту (см. например, НС, 1379, 1448, 1509, 1698, 1725, 2039). Из многих вариантов песни, напечатанных в «Новой серии». П. В. Киреевского, лишь только в одном (НС, 1844) действие приурочено к определенному месту — «Пиряслав».

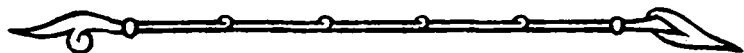
Большую услугу при определении места записи песен мог бы оказать анализ языка песен. К сожалению, в отношении текстов собрания П. В. Киреевского анализ языка помочь не может: большинство собирателей не регистрировало местные особенности языка певцов.

Уточнить, а иногда и решить вопрос о месте записи песен могут биографические сведения о собирателях.

Так, известно, например, что П. М. Перевлесский доставил в собрание П. В. Киреевского запись песен из с. Занкино Орловской губ. Его записи пересланы им в собрание в трех тетрадах, причем все три тетради хранятся в разных местах, и только на титульном листе первой тетради (ЛБ, Ф—125, п—47, л. 1327) помечено: кем, когда и где записаны тексты. На двух других тетрадах никаких помет нет, но издатели «Новой серии», определив по почерку принадлежность их П. М. Перевлесскому, правильно поступили, отнеся все песни этих тетрадей к с. Занкино.

Одним словом, при определении места записи текстов приходится использовать самые различные приемы; выбор того или иного метода исследования всякий раз поддается конкретными условиями.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ЗАПИСИ

В том случае, если собиратель известен, то решающим моментом при определении времени записи являются биографические сведения о собирателе. Покажем это на одном примере. Так, из всех пяти тетрадей А. В. Кольцова только на одной помечен год записи — 1838, вторая и третья тетради римскими цифрами соответственно обозначены: II и III. Значит, они составлены после первой тетради, не ранее 1838 г. Что касается четвертой тетради, то на ней никаких пометок нет, но в число включенных в нее песен входит песня «Ты стой, моя роща» в двух редакциях. Об этой-то песне, времени, месте, условиях записи подробно рассказывает А. В. Кольцов в письме А. А. Краевскому от 23 июля 1837 года. На основании этого можно заключить, что и вся четвертая тетрадь была составлена ранее первых трех тетрадей, т. е. не позднее 1838 г., но и не ранее 1837 г.

В случае же, когда собиратель неизвестен, то хорошие результаты может дать палеографический анализ: определение времени выпуска бумаги, исследование характера почерка и т. п. Так, в собрании П. В. Киреевского сохранились сшитые полулисты (ЛБ, Ф — 125, п — 36, л. 24—45) бумаги с надписью на первом из них: «Народные песни Приволжских губерний». Бумага имеет штемпель Пензенской фабрики Маршева; эта бумага изготовлялась с 1853 по 1860 г. (см. С. А. Клепиков, «Филиграни и штемпели», М., 1959, стр. 105). На первом листе есть пометка П. В. Киреевского: «На Остоженке, в доме Валуева. Г. Лихутин». Эти сведения и позволяют почти точ-

но определить время составления тетради: она не могла быть составлена ранее 1853 г. (только с этого года стала изготавливаться бумага, на которой переписаны тексты), но и не могла быть составлена позднее 1856 г. (год смерти П. В. Киреевского).

При уточнении времени записи иногда многое может подсказать анализ содержания самих текстов. Если речь идет о целой коллекции песен, то в ней обычно находятся такие тексты, которые дают возможность судить о времени их создания.

Возьмем, к примеру, тетрадь нижегородских песен, находящуюся в собрании П. В. Киреевского (ЛБ, Ф — 125, п — 66). Тетрадь состоит из 52 листов, формат в $1\frac{1}{4}$, исписана с обеих сторон крупным аккуратным почерком, чернила фиолетовые (химические). Титульного листа у тетради нет (должно быть, вырван); последний лист чистый. В тетрадь переписано 84 текста песен. Перед первой песней — наклейка, на которой написано: «Народные песни Васильевского уезда Нижегородской губери». Под наклейкой при просвечивании легко обнаруживается другая надпись: «Народные песни». Бумага белая, фабрики Говарда, № 6. Никаких сведений о собирателе или о лице, доставившем песни, установить не удалось.

Уже полиграфический анализ показывает, что тетрадь позднего происхождения, второй половины XIX в., что она собственно к собранию Киреевского отношения не имеет. Этот вывод подтверждается и анализом содержания песен. Так, например, в тетради помещена песня:

Как у Московских ворот
Есть направо поворот,
Тут прибиты две доски
Шириною два аршина,
По ним бегают машина;
Вот машина, что за пес?
Все дрова ест — не овес!
Она пьет воду по многу,
Да и стонет всю дорогу.
Отдал денежки на месте,
Очутился верст за двести.

Первая железная дорога в России открыта в 1837 г. (между Царским Селом и Петербургом), но здесь речь идет о Николаевской дороге, между Москвой и Петербургом (Царскосельская дорога была протяженностью всего лишь в полтора десятка километров; в песне же

говорится, что за денежки сразу можно очутиться за двести верст от Петербурга, от Московских ворот). Эта дорога была открыта в 1856 г.; очевидно, вскоре после ее открытия и была сложена песня, которая и докатилась до Поволжья.

Здесь же есть и песня о пароходстве на Волге:

Как по Волге по реке
Пароход снизу бежит.
Он свисточек подает
В Казань-город пристает...

Здесь же и песня второй половины XIX в. о побеге из тюрьмы Ланцова.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СКАЗИТЕЛЕЙ И ПЕВЦОВ

Наиболее объективный и надежный способ определения сказителей — анализ типических мест произведений. Однако для этого способа нужны определенные данные (например, необходимо наличие общих типических мест в сравниваемых произведениях). Хотя, как уже говорилось, показания собирателей часто бывают неточными, все же, в случае, когда невозможно пользоваться методом типических мест, эти показания приобретают значение документа. Здесь, разумеется, речь идет не о тех случаях, когда есть прямые свидетельства собирателей о том, от кого записан тот или иной текст. В этих случаях свидетельства собирателей сомнениям обычно не подвергаются или подвергаются лишь при исключительных обстоятельствах. Речь идет о таких случаях, когда тексты собирателем не документированы, но имеются лишь косвенные показания собирателя о певцах. Возьмем, к примеру, два текста песни о взятии Казани, напечатанных Бессоновым в «Старой серии» (Кир., VI, стр. 1 и Кир., VI, стр. 2). Под первым текстом помечено: «Доставлено г. Варламовым», и под вторым: «От того же». Время и место записи текстов не отмечены. Естественно предположить, что безвестный «г. Варламов» — известный композитор Александр Егорович Варламов (автор «Красного сарафана» и «Метелицы»). На самом же деле А. Е. Варламов в собрание Киреевского никаких материалов не доставлял.

На оригинале песни, с которого напечатан текст (ЛБ, Ф—125, п—52, л. 1971), переписанном рукою

П. В. Киреевского, помечено: «Яз. исп. Петр Варламов», т. е., текст исходит от Языковых, а исполнял песню Петр Варламов. Следовательно, Петр Варламов — не собиратель и не корреспондент П. В. Киреевского, а певец, от которого записывались песни. Бессонов же, не разобравшись в характере паспортизации песен, собственноручно под обоими текстами подписал: «Доставл. г. Варламов» и «От того же».

Приведем другой пример. В личных записках П. В. Киреевского встречаются многочисленные тексты, паспортизированные по-разному. Иногда он заявляет, что текст записан «от мещанки 70-летней старухи из Рогожской», иногда он называет ее имя «Екатерина Андреевна», часто ее тексты приурочивает к с. Слободе, Боровского уезда, Калужской губернии (имя собирательницы под этими текстами указывается не всегда). Такая необычная документация текстов одной певицы объяснена Бессоновым: «Певица, или лучше, пересказчица нам известная: она сообщила Петру Васильевичу и другие исторические песни, и много стихов, жила под конец в Москве в Рогожской» (см. Кир., IX, стр. 250).

В «Старой серии» же напечатана группа песен, отнесенная к д. Соколы Чернского уезда, Тульской губернии с пометой, что они записаны от старухи. Оказывается, что старуха из д. Соколы, из с. Слободы и из Москвы — одно и то же лицо — Екатерина Андреевна. Этот факт подтверждает сам П. В. Киреевский. Под текстом песни «Смерть Грозного царя Ивана Васильевича» он своею рукою подписал: «Тульской губ., Чернского у., та же старуха, что сказывала Минина и Пожарского» (ЛБ, Ф—125, п — 45, л. 2091). Текст же песни о Минине и Пожарском (Кир., VII, стр. 21—23) паспортизирован так: «Калужской губ., Боровского у., с. Слобода. Пела 70-летняя старуха», (т. е. Екатерина Андреевна). И, действительно, сравнение чернских текстов с текстами Екатерины Андреевны показывает их близость, их единство.

Так, косвенные показания собирателя помогли выявить одну из крупнейших певиц начала XIX в.

ВЫЯВЛЕНИЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ

Виды фальсификации народных поэтических произведений могут быть различны. Классификацию и терминологию их предложил Б. Н. Путилов. Так, он выделяет следующие три типа.

«1. Сочинение текста «под фольклор», с большей или меньшей степенью стилизации.

2. Редакторская переделка подлинного фольклорного произведения, приводящая к созданию нового «варианта» или новой «версии» данного произведения.

3. Скрытая перепечатка: текст, ранее опубликованный (подлинный или в свою очередь сфальсифицированный — все равно), перепечатывается вновь и выдается за новую запись, за новый вариант; при этом перепечатка может сопровождаться некоторой редакторской правкой»¹.

Многообразие жизненных случаев всегда сложнее, чем их обобщение, но, действительно, эти три вида фальсификаций являются наиболее характерными. Б. Н. Путиловым намечена и методика выявления этих фальсификаций. Если методика по выявлению последних двух типов — скрытые перепечатки и подделки — относительно проста: сопоставление фальсифицированных текстов с бесспорно подлинными, то установление первого вида значительно сложнее. Наиболее объективным является метод типических мест, который позволяет безошибочно

¹ Б. Н. Путилов. Текстологические заметки к песням Разинского цикла. В кн.: «Русская народная поэзия». Горький, 1961, вып. 1, стр. 95—96.

выявить фальсификацию текста в целом или в каких-то его частях. Однако и в этом случае сопоставление анализируемого текста с более или менее близкими по содержанию произведениями также крайне необходимо.

Поскольку сопоставление текстов — необходимейшее условие текстологической работы, то, естественно, перед исследователями встает вопрос, с чем сравнивать, или, иначе говоря, исследователь должен знать все источники, где находятся нужные тексты, т. е. указатели сюжетов по разным жанрам. Такой указатель существует лишь для сказок, для других жанров его нет. Крайняя же нужда в подобных указателях очевидна. Для песенных жанров в русской науке не было даже попытки составления такого указателя².

² В черновых рукописях П. Д. Ухова имеется такой указатель. Автор не успел довести этот указатель до конца (прим. ред.).

ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЯ

(при ссылках на источники фольклорных текстов)

- Аст.** «Былины Севера», т. 1. Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой. Т. 2. Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1938—1951.
- Гф.** «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.», тт. 1—3. Изд. 4. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1949—1951.
- Гр.** «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.», т. 1. М., 1904; т. 2, 1939, Прага; т. 3, СПб., 1910.
- Елеонская** «Сборник великорусских частушек». Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914.
- К. Д.** «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». М.—Л., Изд-во АН СССР, 1958.
- Кир.** «Песни, собранные П. В. Киреевским». Вып. I—X. М., 1860—1874.
- ЛБ** Рукописный отдел Гос. библиотеки им. В. И. Ленина.
- Марк.** «Беломорские былины, записанные А. Марковым». М., 1901.
- НС** «Песни, собранные П. В. Киреевским». Новая серия, вып. 1. М., 1911; вып. 2, ч. I. М., 1918; вып. 2, ч. II. М., 1929.
- Онч.** Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904.
- Рождествен-
ская и Жи-
слина** «Русские частушки». Предисловие и отбор текстов Н. И. Рождественской и С. С. Жислиной. М., ГИХЛ, 1956.

- Рыбн.** «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», тт. 1—3. Изд. 2-е. М., 1909—1910.
- Сок.—Чич.** «Онежские былины». Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. М., изд. Гос. Литературного музея (Летописи, т. 13), 1948.
- Т.—М.** «Русские былины старой и новой записи». Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894. Отдел второй: Былины новой записи.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Д. УХОВ	3
ВВЕДЕНИЕ	6
РАЗЛИЧИЕ ТИПИЧЕСКИХ МЕСТ У РАЗНЫХ СКАЗИТЕЛЕЙ	10
СХОДСТВО ТИПИЧЕСКИХ МЕСТ В РАЗНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ОД- НОВОГО СКАЗИТЕЛЯ	76
ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СКАЗИТЕЛЯ	109
ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ВЫЯВЛЕНИЯ ФАЛЬСИФИЦИ- РОВАННЫХ ТЕКСТОВ	139
ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ «УЧИТЕЛЕЙ» СКАЗИТЕЛЕЙ	153
ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПУТЕЙ ДВИ- ЖЕНИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (КАК СРЕДСТВО ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА ЗАПИСИ ПЕСЕН)	171
ТИПИЧЕСКИЕ МЕСТА В ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ И ЧАСТУШКАХ . .	174
ИНЫЕ МЕТОДЫ АТРИБУЦИИ ПЕСЕН	177
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ЗАПИСИ	181
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СКАЗИТЕЛЕЙ И ПЕВЦОВ	184
ВЫЯВЛЕНИЕ ФАЛЬСИФИЦИРОВАННЫХ ТЕКСТОВ	186
ПРИНЯТЫЕ В КНИГЕ СОКРАЩЕНИЯ	188